

ISSN 0 1 3 1 - 2 5 9 6

oxoma

и охотничье хозяйство

6

2005

Байкал, Прибайкальский национальный парк, бухта Песчаная
Баргузинский заповедник. На дне грациозного цирка в верховьях реки Шумилихи
Можно ли сохранить уникальнейшие уголки Живой Природы, если управление системой заповедников и национальных парков
обезглавлено?

Фото О. Гусева

Охотничье хозяйство и Живая Природа России

В. ДЁЖКИН, В. САФОНОВ, А. УЛИТИН

В последние годы, традиционно обсуждая состояние и будущее охотничьего хозяйства, мы частоходим за его границы и констатируем, что оно является неотъемлемой частью системы комплексного природопользования страны и что значительную часть охотохозяйственных проблем можно разрешить лишь в рамках последнего (Дёжкин, 1963; 2005; Сафонов, 2002). И это совершенно правильно. Находясь в пределах такой сложной и многофункциональной отрасли, каковой является охотничье хозяйство, со всеми имеющимися трудностями и проблемами справиться нереально. Ставка в данном случае должна делаться на возможности и механизмы рациональной эксплуатации биологических ресурсов. Принцип комплексного использования биологических природных ресурсов давно уже хорошо зарекомендовал себя и широко применяется во всем мире.

Наши ученые и специалисты достаточно успешно работали над созданием Концепции охотничьего хозяйства России (известен уже не один вариант этого необходимого документа), создавали проекты Закона об охоте и охотничьем хозяйстве (спорили и спорят до сих пор о том, какой вариант можно считать оптимальным). Пытались уточнить место охотничьего хозяйства в существующей системе эксплуатации природных ресурсов. Работу эту отнюдь нельзя считать бесполезной, она способствовала формированию современной теории комплексного биологического природопользования и охотничьего хозяйства страны. Но ее результаты уперлись в бюрократический тупик, оказались не востребованными Государственной Думой, Прави-

тельством, ведомствами, работающими в сфере охотничьего хозяйства.

За нами очередной шаг, и мы можем сделать его в иной, чем прежде, более широкой области. Речь идет о том, чтобы рассмотреть проблемы охотничьего хозяйства с позиций Всемирной стратегии охраны природы и ее составной части — Стратегии охраны Живой Природы. Предпосылки для таких действий очевидны. Мы имеем все основания относиться к разумной охоте как мощному и необходимому средству регулирования экологических процессов в современных природнохозяйственных системах. И считать, что «охрана ресурсов охотничьего хозяйства путем их рациональной эксплуатации» является одним из действенных методов реализации Всемирной стратегии. Эту точку зрения существенно подкрепляет Конвенция о биоразнообразии, концептуальной основой которой является совмещение охраны с рациональной эксплуатацией ресурсов животного мира...

В течение нескольких лет, как известно, большой коллектив ученых вел исследования по Программе Глобального Экологического Фонда с целью реализации Конвенции по биоразнообразию. В июне 2001 года в Москве состоялся Национальный форум по сохранению Живой Природы, на котором была одобрена подготовленная этим коллективом под руководством проф. А. А. Тишкова Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России и принят соответствующий План действий. В этих ценных документах, согласованных с РАН и МПР РФ, содержится исчерпывающий перечень путей и методов сохранения всех богатств биологического мира — от отдельных организмов до экосистем и биосферы в целом. К сожалению, богатый потенциал Стратегии, как и многочисленные разработки охотоведов, используется очень плохо, решения, в том числе и по федеральной структуре управления охраной природы и природопользованием, принимаются без учета ее выводов и рекомендаций. Но имеется принципиальная возможность использовать положения Националь-

ной стратегии в интересах охотничьего хозяйства для разработки документа, способствующего сохранению, рациональной эксплуатации и воспроизводству ресурсов охотничьих животных. Его можно обозначить как Стратегию охраны Живой Природы в указанных целях.

Работая над Национальной стратегией охотничьего хозяйства России, мы предложили несколько тезисов, которые иллюстрируют современную роль охоты и указывают на ее возможное место в реализации Всемирной стратегии охраны живой природы. В сокращенном виде они звучат так:

— Охота — традиционный российский вид деятельности, сыгравший яркую роль в становлении и развитии государства и длительное время занимавший видное место в экономике страны и ее отдаленных регионов; исторические приоритеты России не позволяют исключать охотничье хозяйство из системы государственного развития;

— Охота — один из незаменимых инструментов регуляции экосистемных и биосферных процессов; ее значение возрастает по мере нарушения экосистем и деградации биосферы.

— Чем больше человек осваивает природу, чем глубже он вмешивается в ход естественных процессов и «отменяет» естественную экологическую регуляцию, тем необходимее становится регуляция искусственная, которая в случае с охотничьями ресурсами имеет форму охоты.

— Охота — постоянный источник значительных экономических ценностей для физических лиц и государства в целом; ее экономический потенциал в России явно недооценен; реализуется же он лишь при постоянном внимании и помощи со стороны государства;

— Охота — мощный фактор социального благополучия и сплоченности значительной части общества, требующий грамотной общественной поддержки и защиты от псевдогуманных спекуляций;

— Охота — эффективная форма охраны живой природы, а также охраны и восстановления охотничьих ресурсов;

охота
и охотничье хозяйство

6

2005

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредитель и главный редактор — Союз охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

Вологодская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Ушинского
научная библиотека

именно в охоте наглядно воплощается ведущий тезис Конвенции о биоразнообразии — «разумное использование биологических ресурсов — единственное средство их охраны»;

— Охота — неотъемлемая часть государственной системы комплексного природопользования; полная реализация возможностей охотничьего хозяйства требует наличия современной, научно обоснованной организации эксплуатации биологических ресурсов биосферы, тесного и постоянного взаимодействия всех отраслей биологического природопользования, и прежде всего — сельского, лесного, рыбного и охотничьего хозяйства;

— Охота может благополучно существовать и развиваться лишь при условии отделения права на охотпользование от права на пользование землей и другими природными ресурсами; неуклонное соблюдение этого принципа, провозглашенного статьей 12 Закона РФ «О животном мире» — обязательное условие эффективности охотничьего хозяйства России;

— Охота — показатель меры цивилизованности страны, ее положения в современном развивающемся мире; ведущие страны Европы и Северной Америки нашли место охоты и разумного охотничьего хозяйства в системе цивилизационных ценностей и продуманно используют ее возможности для увеличения ВВП и формирования гармоничного человека;

— Охота в России, несмотря на понесенные тяжелые потери, имеет богатый ресурсный и человеческий потенциал и возможности для постепенного возрождения; полное возрождение может происходить поэтапно, требует значительного времени и постоянной государственной и общественной поддержки... (Дёйкин и Улитин, 2005, в печати).

Не секрет, что на Живую Природу влияет колоссальное число отрицательных антропогенных факторов и что за исторический период она утратила много присущих ей ценных свойств, в том числе первичные организменное и экосистемное биологическое разнообразие. Потеряно множество форм животных и растений, и в последние времена почти все страны, в том числе Россия, участвуют в реализации Конвенции о биоразнообразии, принятой в 1992 году в Рио-де-Жанейро. Эта полезная и необходимая работа, осуществляемая на международной основе, позволит предотвратить дальнейшую гибель организмов и восстановить некоторые редкие формы растений и животных. Однако натиск на Живую Природу продолжается, особенно со стороны некоторых отраслей промышленного природопользования (химическая, металлургическая, нефтегазодобывающая промышленность и другие). Все меньше остается в мире не освоенных человеком территорий, естественные природные ландшафты сменяются полуприродными и искусственными.

Анализируя проблемы охотничьего хозяйства и родственных ему отраслей в России, мы постепенно пришли к обоснованному выводу о том, что в последние десятилетия внимание государства к управлению биологическим природопользованием неуклонно уменьшалось, вследствие чего нарушились механизмы сохранения и разумной эксплуатации ресурсов Живой Природы и имеются основания говорить о кризисе управления в этой важнейшей области. Под влиянием этих и других причин, главным образом экономических и правовых, односторонне ведется сельское хозяйство, ухудшаются лесные ресурсы, снижаются запасы рыбы и охотничьих животных, страдают эстетические достоинства российских пейзажей. Чтобы рассмотреть в динамике качество управления биологическим природопользованием, совершившим небольшой экскурс во времени. Вернемся на 15–20 лет назад, в относительно недавнее прошлое Советского Союза.

Все отнесенные к биологическому природопользованию отрасли хозяйства имели мощные административные вершины в ранге союзных и союзно-республиканских министерств (госкомитетов). В сфере сельского хозяйства, кроме Минсельхоза (Госагропрома) существовало всевластное Министерство водного хозяйства и мелиорации СССР. В лесохозяйственной сфере помимо Минлесхоза (Гослесхоза) действовало Министерство лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Министерство рыбного хозяйства включало в себя в значительной мере автономную службу по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства — Главрыбвод. Охота и заповедное дело не были «обеспечены» собственными министерствами, но в Российской Федерации они находились на постоянном пригляде у республиканского правительства, в системе Главного управления по охотничьему хозяйству и заповедникам при Совете Министров РСФСР, что обеспечивало им внимание со стороны Правительства. В масштабах Союза ими руководило Главное управление (отдел) по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству Минсельхоза (Госагропрома) СССР. Заготовки животного сырья и пушнины после 1956 года, когда ликвидировали полезнейшее Министерство заготовок СССР, были переданы потребительской кооперации во главе с Центросоюзом СССР и республиканскими потребительскими обществами, которые более или менее удовлетворительно справлялись с новыми функциями. Наблюдением и контролем за состоянием природной среды занимался Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды. Каждое из перечисленных ведомств обладало разветвленной территориальной сетью, доходившей до районного уровня.

Перечень союзных и республиканских структур, причастных к эксплуатации и охране природных ресурсов, этим не исчерпывается. В ЦК КПСС имелись очень влиятельные отраслевые отделы и сектор охраны природы. Существовала Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Текущие и перспективные проблемы охраны природы и рационального природопользования обсуждались в весьма работоспособных Отделах охраны природы Госпланов СССР и РСФСР.

Оценивая ситуацию с позиций охотничьего-промышленного хозяйства и других родственных промыслов, мы можем констатировать, что к 1980 году была в основном сформирована прогрессивная организационная система комплексной эксплуатации биологических ресурсов в российской глубинке на площади около 1 млрд. га (!), представленная охотничими и (отчасти) лесными промхозами, приписанными охотничими хозяйствами обществ охотников, северными оленеводческими совхозами и колхозами, рыболовецкими колхозами, заготовительными кантонами и сельпо. Для управления ими были созданы специализированные центральные и региональные учреждения. Хотя усилия этих хозяйств и ведомств не были достаточно консолидированы, но при должном внимании государства они могли бы составить каркас биологического природопользования и поддерживать трудовую занятость населения на огромных территориях.

Приведенные сведения с несомненностью свидетельствуют о том, что при советской власти проблемы эксплуатации природных ресурсов, в том числе и биологических, занимали видное официальное положение в общей государственной и хозяйственной иерархии страны.

Мы отнюдь не идеализируем прошлое. И можем прямо сказать, что, несмотря на высокий статус, упомянутые министерства и главки не имели выверенной теоретической основы, были «перенасыщены» правами и функциями, у них преобладали эгоистические ведомственные тенденции, не учитывающие общих интересов государства, в том числе и интересов Живой Природы. Такие суперведомства, как Министерство водного хозяйства и мелиорации, подчас диктовали ошибочную государственную политику в сфере охраны природы и природопользования и наносили существенный ущерб состоянию водных комплексов. Прогрессивные научные положения о комплексном использовании природных ресурсов, интеграции природопользования, о вечной неистощительной системе лесного хозяйства противоречили догматическому характеру социалистического планирования и оставались на бумаге.

С переходом нашей страны на рыночную экономику существенные переме-

ны в системе управления биологическими природными ресурсами становились неизбежными. Весь вопрос в том, какими они должны быть и как осуществляться. Следовало улучшить управление, приспособить его к новым социально-экономическим условиям, не растеряв при этом имеющихся достижений. Однако этого не произошло.

Уже в последние годы советской власти начались не обоснованные научно, в значительной мере субъективные изменения в государственных органах управления. Вспомните: Госагропром вместо Минсельхоза, Гослесхоз вместе Минлесхоза, переименования областных и краевых структур и т. д., и т. п. В годы перестройки эти административные игры усилились, причем в наибольшей мере от них страдали «природные» структуры. Дело чуть не дошло до полной ликвидации беспокойного рыбного ведомства! И чем же все завершилось?

Концепция государственного управления биологическими природными ресурсами не была сформулирована. Вследствие этого были допущены новые просчеты. Наиболее ярко административный кризис проявился в охотничье хозяйстве и заповедном деле, которые утратили свои законные места в структуре федерального управления. Перемены были осуществлены сугубо бюрократическими методами, «сверху», без совета с наукой и опытными специалистами. Как можем мы сохранить оставшиеся целыми наиболее ценные уголки Живой Природы в государственных заповедниках, национальных и природных парках, заказниках и памятниках природы, если управление системой ООПТ в России обезглавлено?! Как можем мы сохранить важнейшие и красавейшие компоненты Живой Природы, зверей и птиц, если управление охотничьим хозяйством искусственно втиснуто в совершенно чуждые для него органы ветеринарного и фитосанитарного надзора?!

Проблемой неадекватного управления Живой Природой дело не исчерпывается. Существуют значительные изъяны в законодательном обеспечении биологического природопользования. До сих пор не принятые федеральные законы о растительном мире и охотничье хозяйстве, а в существующие законы (яркий пример — неудачная попытка пересмотреть «Лесной кодекс» и узаконить приватизацию лесных земель) нередко вносятся новые ослабляющие их положения. Последний пример: подготовленные для Правительства поправки к закону об ООПТ могут существенно уменьшить права субъектов Российской Федерации на организацию своих территориальных объектов охраны природы. Основную ставку правительственные экономисты делают на нефть и газ, упуская из вида большую потенциальную ценность биологических ресурсов.

Повторим цифру, которая в последнее время неоднократно приводилась нами в различных публикациях. По

официальным статистическим американским данным, затраты любителей охотников, рыболовов и наблюдателей за животными в природе в конце 90-х годов составляли около 90 млрд. долларов в год, что соответствует нашему государственному бюджету, а налоги с этих видов деятельности в федеральный и штатные бюджеты — около 10 млрд. В эти цифры не входит стоимость натуральной продукции, добываемой любителями охотниками и рыболовами, а также миллиарды долларов, получаемые рыбным и охотничим промыслами (Дёжкин и Сафонов, 2004).

Продолжая печальный перечень изъянов природопользования, напомним, что почти беспрепятственно прогрессируют рыбное, лесное, охотниче браконьерство, унося из бюджета государства миллиарды долларов и опустошая ресурсы животного и растительного мира.

В сложившейся обстановке мы можем и даже обязаны вписать проблемы охотничьего хозяйства в контекст проблем сохранения и восстановления Живой Природы. Охота и охотники с древних времен сильнейшим образом влияли на численность и распределение и даже на видовой состав охотничьих животных и — опосредованно — на состояние экосистем, частью которых они являлись (смотрите, например, работы В. И. Цалкина, Н. К. Вещагина и др.). Еще более многообразно воздействие современных охотхозяйственных и биотехнических мероприятий на фауну охотничьих зверей и птиц и связанные с ними компоненты экосистем. Но их оценка обычно ограничена формальными рамками отраслевой науки. Как, например, оценить многоступенчатую цепочку последствий реакклиматизации европейского бобра с позиций охраны Живой Природы? Как сказалось введение в нашу фауну североамериканского грызуна ондатры на экологических и эстетических параметрах водных экосистем России? Как отразилось и отражается на свойствах полупустынных экосистем восстановление и затем резкий спад численности сайгака? Происходящая успешно акклиматизация овцебыка действительно положительно скажется на экологических, социальных и эстетических параметрах тундр и лесотундр, обогатит и оживит их природные комплексы, улучшит условия жизни людей?.. Таких вопросов мы можем задать множество, и полученные ответы не всегда будут соответствовать имеющимся представлениям.

В контексте интересов Живой Природы должны прогнозироваться и последствия намечаемых в охотничьем хозяйстве мероприятий, начиная с определения оптимальных норм добычи зверей и птиц и кончая масштабной мелиорацией охотничьих угодий. Здесь нас ожидает обширное поле деятельности.

С учетом положений Всемирной

стратегии охраны природы и высказанных выше соображений целесообразно:

— Утвердить Национальную стратегию сохранения биоразнообразия России и соответствующий План действий на правительственном уровне или (и) принять соответствующий Федеральный закон.

— Выделить из Национальной стратегии сохранения биоразнообразия России и соответствующего Плана действий положения, имеющие отношение к сохранению охотничьих животных и среди их обитания, и положить их в основу Стратегии охраны Живой природы в интересах охотничьего хозяйства.

— Сформулировать и уточнить теоретические аспекты отношения к Живой Природе как к ценнейшему источнику эстетических, природоохранных, хозяйствственно-экономических, социальных, экологических благ.

— Разработать концепцию отношения к Живой Природе как к основе комплексного природопользования с определением роли и функций каждой составляющей его хозяйственной отрасли.

— Интенсифицировать исследования экономических проблем биологического природопользования, разработать объективную методику экономической оценки основных компонентов Живой Природы и механизмы включения этой оценки в различные хозяйствственные и природоохранные проекты.

— Установить примерные региональные нормативы сохранения нетронутых деятельностью человека экологических систем («Дикой природы»), в том числе «охраняемых природных территорий».

— Разработать новые или обновить действующие методические подходы к решению ряда проблем биологического природопользования с учетом интересов Живой Природы.

— Для экологической и эстетической оптимизации охотничьего хозяйства и всего биологического природопользования создать оптимальную государственную систему национального управления Живой Природой России. Срочно пересмотреть действующую систему управления биологическими ресурсами России.

По нашему мнению, настала пора охотоведам (совместно с аграриями, лесоводами, ихиологами и другими биологами-природопользователями) приступить к разработке в рамках целевой Федеральной Программы Стратегии охраны Живой Природы России и соответствующего Федерального закона.

По примеру Всемирной стратегии охраны природы и Концепции о биоразнообразии Стратегия охраны Живой Природы может приобрести глобальное звучание и позволит продолжить и расширить исследования на международном уровне, в том числе и с учетом интересов охотничьего хозяйства.

КАРЕЛИЯ ФОТО В. ПЕТУХОВА

Фотоконкурс
«Охота и природа. 2004»

«Охота – это страсть,

от которой умирают в молодости и воскресают в старости»

«Страстный охотник, следовательно отличный человек», — сказал И. С. Тургенев почти полторы сотни лет назад. И правда: кто с детства приобщился к охоте, полюбил природу, тот беззаветно любит Родину и переживает за ее судьбу. Среди настоящих охотников множество людей самых разных профессий: от тракториста до космонавта, от рабочего до министра, от солдата до разведчика. Но вот философов что-то не припомню.

Между тем занятие охотой с годами превращает человека в натуралиста, познающего мироздание через прикосновение к тайнам природы, ищащего ответы на вопросы, о которых не-охотник даже не подозревает, — следовательно, обращает его в философа.

Сегодня у нас в гостях охотник — профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия и культурология» Уральского государственного университета Юрий Никифорович ТУНДЫКОВ, ответивший на вопросы Юрия МАСЛОВА.

— Юрий Никифорович, скажите, повлияло ли увлечение охотой на выбор профессии, на вашу работу в университете?

— После окончания средней школы в 1956 году мне выдали аттестат зрелости с необычным набором оценок: ни одной четверки — только пятерки и тройки. Первые — по гуманитарным предметам, вторые — по естественно-научным и математике. Но относительно последних все-таки было одно исключение: по астрономии я заслужил «отлично», и, как понял впоследствии, не случайно. Астрономия — самая мировоззренческая, считай философская, дисциплина из тех, что изучались в советской школе.

Не случаен и тот факт, что я оказался единственным в классе, кто при чтении «Войны и мира» одолел все философские отступления Толстого. Так что увлечение философией зарождалось, можно сказать, на фоне увлечения охотой. Что касается их взаимосвязи, то она мне представляется такой: и охота, и философия способствуют сближению человека с природой. Имеется в виду человек цивилизованный, который, в отличие от дикаря (этот слит с природой и потому безличен), уже прошел стадию осознания своей нетождественности природе и сейчас преодолевает стадию противостояния ей, обретает «свое иное», как сказал бы Гегель. Ту же по существу мысль я, помнится, выразил в одной из своих охотничих публикаций несколько по-другому. Спасение человечества — не в «чистой» духовности, о чем сейчас так много говорят и пишут, а в гармоничном соединении «духовного» человека с природой. Для какой-то части главным образом мужского населения нашей планеты сокровенным способом

такого соединения была и остается охота.

— В 2001 году в Екатеринбурге вышла из печати, а через год была переиздана ваша книга «Опыт охотника». Вероятно, имея за плечами большой стаж охоты, вам приходилось охотиться в разных местах и на разную дичь. Какие охоты запомнились?

— За вычетом трех лет срочной службы в армии, пяти лет учебы в университете и двух из трех лет прохождения аспирантуры, когда я практически не охотился, общий стаж охоты составляет у меня 43 года. Но местоположения моих охот не отличались числом и разнообразием: Мордовия (два района), Омская область (окрестности Усть-Ишима) и Свердловская область (три — четыре района). Последние 25 лет охотчусь исключительно в одном месте — на территории Шалинского леспромхоза (не путать Шали Свердловской области с Шали Чеченской республики). В этом смысле я стал однолюбом и меня в другие кущи уже не тянет. Соответственно, в памяти остаются не столько какие-то отдельные охоты, сколько охотничья жизнь в целом, связанная с упомянутой «географией».

— Вообще-то охотник охотнику рознь. Одни отдают предпочтение охоте по перу, вторые признают только коллективные выезды на копытных, третьи «вседядны», на какую охоту пригласят — на такую и едут. Есть ли у вас любимый вид охоты?

— По стечению обстоятельств (и неотделимого от них сознательного выбора) в последние 20—25 лет объектом моих охот выступает преимущественно боровая и отчасти водоплавающая дичь, а также заяц-белка, отчего охота на полевую и болотную дичь постепенно утратила для меня былой инте-

Ю. Н. Тундыков дома в рабочем кабинете

рес. Я так и остался равнодушным к охоте на крупных млекопитающих (медведь, лось, кабан). Больше того, с некоторых пор ловлю себя на мысли, что мне не доставляет удовольствия разглядывать публикуемые в охотничьей периодике красочные изображения туш добывших животных (за исключением разве что кабанов) и счастливых обладателей этих трофеев. Не свидетельство ли это каких-то глубинных изменений, происходящих в моем «охотничьем сознании»? Время покажет. Не привлекают меня и коллективные охоты, в том числе облавные. Воспринимаю их по аналогии с командными видами спорта — футболом, хоккеем, баскетболом (сам занимался только индивидуальными видами — бегом и лыжными гонками, более соответствующими моему характеру и моей «физике»). Вместе с тем, хочу выразить свое полное согласие с мнением, высказанным однажды в журнале «Охота и охотничье хозяйство» его главным редактором О. К. Гусевым: при субъективном предпочтении тех или иных ви-

дов охот нельзя противопоставлять их друг другу и пытаться выстраивать из них какую-то иерархию.

— Охота в вашей семье — фамильное увлечение или же вы исключение из правил, как это нередко случается со страшными охотниками?

— Да, я представляю собой исключение из правил: в нашем роду ни по от-

полезли, остались у его кромки. Впрочем, охотники находились все время у нас на виду, и мы смогли переживать весь процесс охоты вместе с ними. После охоты (кстати, не очень удачной) была большая стрельба по консервным банкам, бутылкам, остаткам какого-то забора. Было много веселья, озорства, мальчишеского воодушевления. В эти минуты наши старшие товарищи мало чем отличались от нас, подростков.

— Какое ружье у вас было первым, как оно появилось?

— Первым моим ружьем была однстволка ИЖ-5 16-го калибра. Купил я ее с рук за полцены спустя три года после описанного случая. Все это время копил на покупку деньги. Рассчитывать на помощь родителей не приходилось: заработка у них были небольшие, а в семье кроме меня были еще сестра и брат, к тому же мама с папой опасались, и, как впоследствии выяснилось, не без оснований, что увлечение охотой неблагоприятно отзовется на моей учебе в школе. Сдавал цветной металлом, хотя закупочная цена на него в то время была мизерной. В продовольственных магазинах, по договоренности с определенной категорией покупателей, подстраивался к ним в очередь, чтобы получить для них товар «на двоих» (в те годы разовый отпуск в одни руки хлеба, сахара и некоторых других продуктов был лимитирован). Эта услуга оплачивалась копейками. Третьим источником денежного накопления служила экономия на личных тратах. Случалось, я месяцами отказывал себе в дешевом фруктовом мороженом и горячих пирожках с ливером. Совсем перестал ходить в кино. Исключение, помнится, сделал только для «Тарзана» да еще двух-трех популярных в то время среди мальчишек фильмов. Впрочем, последнюю жертву какоето мере удавалось компенсировать чтением охотничьей литературы.

— Уж коли речь зашла о ружьях, позвольте себе спросить: сколько ружей вы имели, было ли среди них любимое и в чем его преимущества перед остальными, — применительно к вашей «философии охоты», разумеется?

— С детства мечтал о дорогом штучном ружье какой-либо известной иностранной фирмы (в первую очередь английской). Но ни перед, ни голландоголланда, ни гринера, ни иных по-настоящему высококлассных «иномарок» я даже в руках не держал, и, как ясно, мечта моя уже не осуществится. Но я не жалею. После ИЖ-5 моими приобретениями последовательно стали ИЖ-49, ТОЗ-БМ, ТОЗ-25, зауз (1927 года издания), ИЖ-26 и штучное ТОЗ-34. С двумя последними охочусь до сих пор. А любимое то, с которым добыл больше всего дичи, — ИЖ-26. По кучности боя оно не уступало ни одному ружью, с которым ему пришлось «состязаться», а чаще даже превосходило их, хотя дизайн этого ружья несколько грубоват, да и тяжеловато оно, в осо-

бенности для длительной ходовой охоты (что чувствую сейчас, когда уже далеко за шестьдесят). ТОЗ-34 изящнее и легче, но оно чаще «простаивает» по той простой причине, что стреляю из него хуже, чем из ИЖ-26. Видимо, мне больше подходит горизонталки, чем вертикалки.

Из первого своего ружья ИЖ-5 я поначалу никак не мог попасть ни в живые мишени (голуби, дрозды), ни в «мертвые» (листки тетради). Причину выявил мой дядя, часовы дел мастер, знавший толк и в железках: «У него тугой спуск, ты его рвешь, и снаряд дроби уходит вниз». Дядя вскрыл замок, подточил шептало — и прицельная стрельба наладилась. Замечу кстати, что из шести принадлежавших мне в разное время отечественных ружей четыре имели чеснечур тугие спуски. При этом у ИЖ-26 величина усилия левого спуска превышала три килограмма: спуск выдерживал вес ружья (в конце концов я собственноручно отладил спусковое усилие). А с ИЖ-5 хлопоты не кончились. Спустя месяц во время охоты у него отвалился и потерялся ключ затвора. Но и в этом случае мне помог дядя, он изготовил из гвоздя крючок, заменивший ключ. Этую деталь я носил на охоте в кармане.

Не лучшие воспоминания остались у меня от охоты с ИЖ-49. Ружье обладало отличным боем, но в моих руках «высило» сверх всякой меры, отчего, как и в случае с неисправленным ИЖ-5, я не попадал даже в неподвижные цели. Парадокс заключался в том, что в руках знакомого перворазрядника по пулевой стрельбе, которого я привлек к испытанию ружья, оно было правильно, то есть без существенных отклонений центра осыпи дроби от точки прицеливания. Уже спустя годы, набравшись опыта, я нашел разгадку этого казуса: у ружейной ложи был недостаточный для меня вертикальный погиб, и как я машинально ни втягивал голову в плечи при прицеливании, стрельба получалась с видимой планкой (стесать гребень я не догадался).

— Нередко в жизни бывалого охотника происходят странные, порой необъяснимые с научной точки зрения случаи. Попадали ли вы в подобные ситуации?

— Оценивая свои успехи и неудачи на охоте (как, впрочем, и в жизни вообще), неоднократно приходил к мысли, что мной «кто-то водит»: с одной стороны, не дает полностью дискредитироваться в собственных глазах, а с другой, не позволяет возомнить о себе слишком много. Мистика ли это? Очевидно, кто как посмотрит. Я бы все-таки взял слово «мистика» в кавычки.

Другая странность связана с моим чувством пространственной ориентации, а точнее с ее полным отсутствием. Не счесть, сколько у меня было блужданий в лесу, причем в местности, казалось бы, хорошо знакомой (по этой причине имею при себе два компаса — основной и запасной). Однажды ухитрился за какие-нибудь десять,

С моим дратхааром после удачной охоты

цовской, ни по материнской линии охотников не было. Остались равнодушными к охоте мой брат и оба моих, ныне взрослых, сына. Поэтому скептически отношусь к высказанному в охотничьей литературе предположению, что любовь к охоте передается через гены. Вместе с тем, допускаю, что какая-то психологическая предрасположенность к охоте у некоторых людей, видимо, существует, но она обнаруживает себя лишь при определенных обстоятельствах, что в свое время и случилось со мною.

— В каком возрасте вы сделали свой первый выстрел, когда начали самостоятельно охотиться?

— Свой первый выстрел я сделал в возрасте 11 лет. В конце апреля 1949 года я увязался на схому со своим сождом, молодым инженером Юрий. Вместе с его приятелем мы пришли на небольшое загородное болото (под Саранском). Здесь к нам присоединился еще какой-то паренек, мой сверстник. Обуты мы были не в сапоги, а в ботинки, поэтому в глубь болота не

от силы пятнадцать минут замкнуть полный круг — при субъективной уверенности, что иду прямо. Товарищи смеются надо мной.

Охочусь в районе, расположеннном по соседству с пермскими аномальными, по выражению уфологов, зонами. Несколько раз в разное время года выходит ночью из избушки, чтобы подсмотреть НЛО. Увы... Наверное, чтобы видеть, надо верить, а я по крайней мере сомневаюсь и потому не вижу.

— Вы упомянули о том, что в молодости увлекались спортом. Не могли бы развить тему взаимосвязи спорта и охоты?

— Давайте определимся в терминах. Есть понятие «спортивная охота», которое употребляется только в нашей стране для отличия любительской охоты от промысловой, но все-таки это понятие не совсем точное. Спорт предполагает состязательность. Но в чем можно состязаться на охоте? Логически напрашивается ответ: в добыче дичи (кто больше). Так оно и происходит в действительности, когда речь, скажем, идет о традициях западноевропейских охот или о практике некоторых наших, российских, охот (когда, к примеру, команду мастеров стендовой стрельбы перед ответственными соревнованиями вывозят «отдохнуть и расслабиться» на богатые утиные перелеты). Но есть другая, куда более одухотворенная, идущая от С. Аксакова традиция русской охоты, при которой сам процесс ценится не меньше, чем результат. Понятие состязательности (спортивности) становится здесь неуместным. Об этом мне писал однажды в письме известный писатель-охотник Борис Петров, и я был с ним совершенно согласен.

Более глубокую, сущностную связь спорта и охоты вижу в другом. Тысячи молодых людей занимаются спортом, вовсе не помышляя о лаврах олимпийских чемпионов. Что же их привлекает в нем? Конечно же, состязательность и возможность укрепить здоровье. Но не только это, а и нечто третье, чего они, может быть, в полной мере не осознают. Если на охоте человек «встречается» с внешней природой, то в спорте (требующем большого физического напряжения) — со своей внутренней природой. Обе «встречи» одухотворяются, эстетизируются, наполняются нравственным смыслом и переживаются как потребность и стимул жизни.

В своей книжке я писал, что перед самым призывом в армию почувствовал равнодушие к охоте (к счастью, временное). Причиной послужили, во-первых, резкое ухудшение условий для охоты вблизи родного города (угодья совершенно оскудели), а во-вторых, представьте себе, возникшая конкуренция со стороны нового увлечения — спорта.

— И в заключение подарите афоризм от философа Тундыкова.

— Держу в памяти несколько ярких изречений, относящихся к охоте. Кажется, И. Тургеневу принадлежат такие

слова: «Великая страсть охота, кого она захватила, того не отпустит до самой смерти». Классик ошибался: может и отпустить (как отпустила, говорят, писателя Юрия Нагибина).

С появлением в печати романа В. Богомолова «В августе сорок четвертого» («Момент истины») мой компаньон доцент-физик Анатолий Николаевич Левков любит повторять на охоте выражение одного из персонажей этого романа: «Лес шума не любит». Точно сказано.

Мне иногда вспоминается классический и вроде бы совсем не охотничий афоризм: «Служенье муз не терпит суеты». Для меня охота — одна из муз, следовательно на нее распространяется тот смысл, который вкладывается в эти красивые слова.

К охоте приложим и знаменитый философский афоризм Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». К примеру, не надо особо жалеть о промахах на охоте, ибо если бы все наши выстрелы достигали цели, дичь, поди, давно перевелась бы вся («действительное разумно»); но, с другой стороны, из промахов надо делать надлежащие выводы, чтобы впредь стрелять точнее, иначе какой же вы охотник («разумное действительно»). А недавно, перебирая личный архив, наткнулся на листок со следующим выражением (без указания авторства): «Охота — это страсть, от которой умирают в молодости и воскресают в старости». И первая, и вторая смысловые части афоризма имеют по отношению к моей биографии, как сказали бы специалисты-филологи, значение «реализованной метафоры». Судите сами: став в возрасте 14 лет охотником и целиком уйдя в мир охоты, я уже через год, несмотря на энергичные меры, предпринимаемые моими родителями и учителями, вконец запустил учебу в школе и был оставлен в восьмом классе на повторный курс. Второгодничество и некоторые другие обстоятельства меня отрезвили, и я в конце концов взялся за ум. А если бы этого не произошло? Тогда, вероятно, суждено мне было бы работать слесарем-сантехником, собирать с бабушек рубли за починку водопроводных кранов и покупать на эти деньги водку. С другой стороны (это касается второй части афоризма), с годами охота для меня стала не просто увлечением, а второй жизнью, без которой не мыслю себе и жизни первой. Во всяком случае в том виде, в каком она у меня сложилась.

В заключение скажу: когда из-за старческого упадка физических сил или болезней от меня уйдет «живая охота», у меня все-таки останется окно в охотничий мир — охотничья литература (включая ваш журнал) и личные охотничьи дневники.

— Большое вам спасибо за беседу. От всего творческого коллектива журнала желаю вам крепкого здоровья и традиционное — ни пуха ни пера!

Консультации оружиеведа

Уважаемый товарищ Семенов И. Ю.!
В Вашем письме содержится несколько вопросов.

1. Как сделать карабин «Тигр», созданный на базе снайперской винтовки СВД, удобным для охоты?

2. Вы просите определить патроны 7,62x54, которые находятся в пачке с надписью: «Для целевой стрельбы «Олень-О СССР». Патроны имеют латунную гильзу, на ее донце выбиты цифры 188 и 58, а пуль в гильзе дополнительно закреплена кернением на 6 точек. Также Вас интересует, насколько хорошие это патроны.

3. Имеются ли иностранные боеприпасы, подходящие в Вашему карабину «Тигр», и каковы их характеристики.

1. К сожалению, должен Вас огорчить: армейское оружие принципиально проектируется иначе, чем охотничье оружие. Говоря формально, оптимизируется по совершенно другим параметрам. Поэтому от большинства принципиальных недостатков армейского оружия, которые проявляются именно на охоте, его избавить невозможно. Другое дело, что хороший оружейник может сделать ложу, более подходящую вашему телосложению, отладить спуск, уменьшить громкость щелканья предохранителя, перенести или сдвинуть новую антабку.

В связи с этим дополню, уже обращаясь к читателям журнала и конструкторам оружия, что охотиться нужно с охотничим нарезным оружием, которое создано специально для охоты. Ведь от того, что выгравируют на карабине СКС дополнительные буквы ОГ (охотниче-промышленный), он ближе к такому оружию не станет. Понятно, есть горы армейского оружия, начиная с мосинской винтовки позапрошлого века, которые не знают куда девать. Весьма обидно, что у нас неудачное оружейное законодательство, по которому это оружие нельзя продать ни нашим коллекционерам, ни зарубежным. Спрос на него имеется, и весьма большой. Сохранились и заводские линии, приспособленные делать винтовки, автоматы и ручные пулеметы. Вполне возможно, что эти производственные мощности избыточны, тогда их нужно демонтировать. А на этих предприятиях освоить выпуск нормального охотничего нарезного оружия. Если мы хотим сохранить отрасль, производящую охотничье оружие, необходимо перестраивать экономику. Делать это нужно срочно и серьезно. Ведь вот-вот наступит день, когда мы вступим в общий рынок.

2. Патроны с маркировкой на пачке «Олень-О СССР» выпущены в 1958 году в Новосибирске (сегодня это предприятие называется АО «Новосибирский патронный завод»). Они предназнача-

лись для спортивной стрельбы по миши «Бегущий олень». Полвека тому назад это были хорошие патроны. Сегодня они таковыми быть не могут. Длительное хранение (во много раз большее, чем гарантийный срок) неизбежно их ослабило, более того, сделала очень неоднородными. Поэтому хороших результатов, особенно при дальней стрельбе, не будет.

3. Иностранные боеприпасы под патронник для «Тигра» создаются в первую очередь в скандинавских странах. Шведская фирма «Norma» и финская «Лария» делают патроны с полуоболочечной пулей. У первой фирмы вес пули равен 11,7 г, начальная скорость — 785 м/с, начальная энергия — 3605 Дж. Вторая из названных фирм выпускает патроны с пулей 12 г, начальной скоростью 765 м/с, начальной энергией 3511 Дж. Эти патроны отличаются хорошей однородностью баллистических параметров. Добавлю, что финская фирма «Sako» тоже делает несколько типов подобных патронов. Отметим, что и наши патронные заводы выпускают охотничьи патроны с полуоболочечными пулями, но с несколько меньшими начальными скоростями (742 м/с).

В. ТИХОМИРОВ

В 1995 г. я приобрел ружье ИЖ-27ЕМ. Сначала о плохом. В первую весну я поехал на гусиную охоту, по моим меркам, далеко — за 200 километров. После первого выстрела серийным патроном с длиной гильзы 70 мм ружье заклинило. Я не смог его переломить, чтобы достать патрон. А если бы я стрелял патроном «магнум»? Охота была испорчена.

После обращения на завод ружье мне быстро отремонтировали. Но у него оставалось еще много недостатков. Эжекторный механизм срабатывает через раз или вообще не срабатывает. Патронники свободные, если сработал эжектор, выбрасыватель проскаивает, а гильза остается заподлицо со стволами, попробуйте ее достать. Я его отключил. При разборке ружья цевье невозможно снять, мешает шептalo выбрасывателя. При нашем законе «О перевозке ружья» это превращается в муку, я его снял. Но самое печальное — стрельба дробью. С расстояния 30 м в круг диаметром 30 см изредка попадает одна дробина. В сидячем зайца — с расстояния 35 м не попадешь. Чего только я не пробовал: крахмал, контейнеры, кольца Эллея разной длины, мушка разной высоты — ничего не помогает.

Теперь о хорошем. Выстрелы накоротке исключительно хороши. Дуплетом взял двух глухарей. Стрельба пулями отличная, ружье оказалось счастливым, я добыл с ним медведя, лося, кабана. Но это же дробовое ружье, а не штуцер.

Ю. ИВАНОВ
Удмуртия

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Вышло так, что задолго до знакомства, а потом и дружбы с Ростиславом Дормидонтовым я познакомился с Дормидонтовым Владимиром Константиновичем. В Ленинградском кораблестроительном институте, где я учился, он занимал кафедрой технологии судостроения. Высокий голубоглазый питерский интеллигент, автор учебника, по которому не одно поколение студентов постигало корабельную науку, он запомнился обходительностью на практических занятиях и принципиальной требовательностью на экзаменах. Однофамилец? Оказалось, дядя. Преподавательской работой занимался отец Ростислава, известный орнитолог, погибший в годы ежовщины. И в нашем знакомстве с Ростиславом Вадимовичем установилась некая дополнительная связь, объяснившая — теперь уже с семейной, генной стороны — происхождение его интеллигентности, разносторонних интересов и художественных вкусов, любви и знания природы — последнее всегда вернее всего говорит о свежести души и общей культуре человека. Раннее увлечение охотой и любовь к природе определили выбор профессии, дела всей жизни: он закончил биологический факультет МГУ и навсегда связал свою судьбу с природоохранной деятельностью и охотоведением — в Завидовском охотничьем хозяйстве, Центральной охотустроительной экспедиции, в НИИ АМН СССР, на ВДНХ и на кафедре зоологии Тимирязевской академии, в ЦНИЛ Главохоты России...

С осени 1969 года он стал работать в редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство», где в течение ряда лет до этого публиковал свои статьи и очерки. В конце того же года там были напечатаны и мои первые рассказы, я наведывался в редакцию — тогда-то и познакомился с новым редактором. Более чем кстати пригодились Ростиславу Вадимовичу в журнале опыт разносторонней и практической работы и долголетней охоты, знание охотничьих собак, эрудиция биолога! Хорошо владеющему пером и фотоаппаратом, ему легко было оценить авторские материалы, их профессиональный уровень и пригодность для журнала. Многочисленные собственные публикации Ростислава Дормидонтова послужили основанием для вступления в Профком литераторов, что давало право заниматься свободным творчеством. Несколько лет он был на «вольных хлебах», печатал свои рассказы и очерки, в соавторстве подготовил книги «Твоя первая охота» и «Охота в тайге», составил и издал фотоальбомы «Тайга», «Заповедники Приморья», проиллюстрировал собственными фотографиями свой текст в фотокниге «На просторах Калмыкии», изданной в 1989 году в Элисте... Несколько лет он был составителем альманаха «Охотничи простиры» в издательстве «Физкультура и спорт», возглавлял коллектив охотников Союза писателей СССР, организовывал выезды на охоту в богатые дичью угодья.

Рыночные реформы 90-х годов прошлого века, обесценившие интеллектуальный труд, сделавшие престижной спекуляцию, называемую теперь не иначе как «бизнесом», заставили Ростислава Вадимовича вернуться в спасительный родной журнал, который тоже переживал трудные времена. Но, слава Богу, выдержал журнал, поднялся...

Нас с Ростиславом Дормидонтовым сближали не только охота и издательские дела. Человек эмоциональный и чуткий к несправедливости, он не мог оставаться равнодушным к тому, что творилось в России. Его угнетало унизительное положение страны в рыночном мировом хозяйстве, возмущала грабительская «гайдаризация» и воровская, поспешная, пока не опомнилась страна, приватизация (воруют ведь всегда второпях), с ним можно было говорить об этом на одном языке и хоть как-то облегчить душу.

Но творческая основа его натуры требовала и теперь своего выражения: он увлекся художеством на бересте, украсил этими необычными картинами редакционную комнату, преподнес и мне. Выяснилось, что у нас с ним схожи и музыкальные восприятия, и Ростислав Вадимович сделал неожиданный и дорогой подарок — переписал для меня несколько кассет любимых мелодий.

11 января этого года мы отметили его 74-летие. Приехали поздравить бывшие коллеги, друзья из Завидова. В тесном скромном застолье Ростислав Вадимович был оживлен, щутил, вспоминали истоки мальчишеской, самой радостной охоты. Ничто, казалось, не предвещало беды...

А 15 февраля его не стало.

Встречи и разговоры с Ростиславом Вадимовичем, совместные поездки на тягу в одинцовские рощи, недавно вышедшая в подарочном исполнении его книга о русской охоте с теплой надписью, картины на стенах и запечатленная в кассетах музыка — все это память о нем, человеке тонком и обаятельном.

Но самая глубокая — та, что в душе...

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

НА ВОЛКА С ФЛАЖКАМИ И ВАБОЙ

А. СУВОРОВ

Волк — сильный, выносливый и осторожный зверь, добыть которого удается далеко не каждому, даже опытному, охотнику. Наиболее осторожны матерые волки. Во время щенения и в период воспитания молодняка (апрель—июнь), когда матерые привязаны к логовам, они ведут себя особенно скрытно и входят лишь в исключительных случаях. Волки днем избегают встреч с человеком. В начале лета они охотятся главным образом на молодняк диких животных в пределах до 4—5 км вокруг логова. Однако при недостатке этого корма нередко совершают дерзкие нападения на пасущийся поодаль домашний скот.

Обнаружить скрытое логово не просто, но терпеливый целенаправленный поиск для охотника, овладевшего его техникой, как правило, дает положительные результаты. Тем более что матерые волки очень консервативны в сохранении основного гнездового участка и редко его покидают. В лесостепных и предгорных районах Красноярского края при материальном стимулировании охотников в 50—60-х годах на логовах истреблялось до 35 %, в 80-х — до 15 % от общей годовой добычи волков. При общей добыче на логовах 356 особей в 1958 и 1959 годах доля матерых волков (9 особей) составила лишь 2,5 % (Козлов, 1966). В период 1979—1983 годов мы активно внедряли при охоте на логовах использование флагжков и вабы. В общей добыче 488 особей доля матерых (14 волков) составила 23 %. В некоторых южных районах края после истребления матерых на логовах, в совокупности с зимним их отловом капканами, поголовье волков до начала 80-х годов оставалось минимальным.

Если местонахождение логова неизвестно заранее, то скрытный, внезапный подход к логову почти исключен. Матерые волки покидают волчат и осторожно издали наблюдают за охотниками. Если родители не появляются у логова днем, то ночью при отсутствии охотников они обязательно попытаются увести волчат в безопасное место. Чтобы этого не случилось, нужно забить вход в нору жердями и вывесить рядом с ней что-нибудь из нижней потной одежды. Ночью волки утрачивают присущую им осторожность и близко подходят к логову. Учитывая эту особенность поведения матерых, мы с на-

парником применили для их добычи на логове флагжи. Волки в вечерних сумерках некоторое время сопровождают охотников, уходящих от норы, затем возвращаются к волчатам и пытаются освободить их. Охотники же спустя полчаса в темноте возвращаются к логову и, не доходя до него метров 200—300, окладывают его флагжками, двигаясь по кругу навстречу друг другу. Для такого оклада требуется 1,5—2 км наизнанных на шпагат флагжков. После контрольного обхода все флагжи должны быть подвешены на высоте не ниже 35—40 см от земли. После чего охотники проверяют состояние логова, наличие в нем волчат и уходят до утра к месту ночлега.

Впервые мы применили флагжи на логове в заказнике «Краснотуринский бор», где добывали матерую волчицу. Эта пара всего за год разбоя уничтожила здесь свыше 80 косуль и более 200 овец в отарах Краснотуринского и Саянского совхозов. С тех пор при добыче волков на логовах мы использовали флагжи ежегодно. В июне 1980 г. в урочище Черемшаное Идринского района мы обнаружили логово волков. Хищники устроили его в заброшенной барсучьей норе среди корней толстой лиственницы. В отличие от своих матерых собратьев, скрытных и осторожных, эта пара почти ежедневно бесцеремонно разоряла ближайшие отары. Однажды на пастище за 1,5 км от логова они в отсутствие чабана успели зарезать 75 маток и ягнят. Цвели пионы, и была уже довольно высокая трава. В сумерках мы обложили логово трехкилометровым окладом флагжков. Проходя вдоль флагжков по второму разу, я увидел на склоне горы силуэт волка. После выстрела раненный хищник скрылся, позднее его труп нашли пастухи. На рассвете мы стояли в засаду с подветренной стороны, за окладом, егеря внутри, в 50 м от линии флагжков. Волчица беспокоилась и постоянно передвигалась внутри оклада. В сумерках волки прошуршили по траве совсем рядом, не обнаружив меня. Через полчаса, когда рассвело, я снова услышал шорох в окладе, напряг зрение, но тщетно: зверь миновал, и шорох удалился в направлении засады егера. Минута, другая ожидания кажутся вечностью. Слышу выстрел, затем не то визг, не то вой зверя, еще выстрел — и снова установилась в западню.

Не каждая волчица воет, когда из логова изымают волчат. Все зависит от ее характера, темперамента, материнской привязанности. Но когда погибает волчица — вожак семейства, об этом быстро узнает вся стая, иногда в течение получаса она собирается к логову. В урочище Гремячее Краснотуринского района в июне 1981 г. мы обнаружили логово. Предстояла ночь ожидания матерых на подходах к нему. Мой напарник уехал на двух лошадях за нашим снаряжением и дробовым оружием в чабанскую избушку.

Сгущались грозовые тучи, сверкала молния, гремел гром. Я спрятался в нору. Налетел сильный ливень, но в норе, укрытой сверху плащ-палаткой, было сравнительно сухо. Вскоре дождь закончился. Я выбрался из норы и забрался в развилку ветвей старой бересклета, растущей неподалеку. Вечерело. Вдруг слева в зарослях малинника послышался приближающийся шорох. Я ждал, прижавшись щекой к прикладу карабина, и, как только увидел на редине голову зверя, удачно выстрелил. Оклад отменялся. Я подвесил волчицу под дерево и стал снимать с нее шкуру. Подошел егерь. Решили, пока еще не стемнело, достать из норы волчат. Я полез в логово, нашупал в оторкне лапку волчонка, потянул к себе и хотел его уже перехватить за шиворот другой рукой, как почувствовал острую боль. Верхонка разом намокла и отжалела. После столь неудачной моей попытки в нору полез Михаил Иванович, но волчата уже расползлись по оторкам. Набрав неподалеку валежника, мы развели костер, поставили чай. Стемнело. Неожиданно совсем рядом грубым голосом залаял пес. На мой удивленный вопрос: «Чей это кобель к нам в гости пожаловал?» — егеря ничего не ответил, лишь молча приложил к губам лодочку рук. Дикое, заунывное «у-у-у», то умеренно высокое, то низкое, похожее на завывание ветра в трубе или пургу, огласило засыпающий лес. Но не успела, кажется, затихнуть эта тоска, как тут же басом с грозным ворчливым рокотом на одной ноте «о-о-о» затянул матерый. Сразу же в пять таких же тоскливых голосов, как плачальщицы на поминках, тонко с надрывом завыли переярки. Короткие секунды перерыва, за гранью костра непроглядная темнота, жуткое, зловещее напряжение тишины. И снова с пригорка слышится могучий тоскующий вой матерого волка: короткое, в 3–4 секунды, первое басисто-грозное колено, затем чуть более протяжный вой, содрогающий душу безысходным горем, неуемной, глухой тоской, плавно переходящий в стон, готовый разжалобить все живое. Вой продолжался всего две минуты, а потом наступила жуткая тишина...

Волки выли всю ночь, то затихали, то вновь заводили друг друга в диком хоре отчаяния и тоски, от которого, казалось, волосы становились дыбом и холодок пробегал по коже. Я лежал у костра, укрывшись телогрейкой, слушал волков. И хотя мой наставник заверил меня, что волки не нападут, сон по понятным причинам не приходил. Я даже позавидовал выдержке Михаила Ивановича, который спокойно спал неподалеку в волчьей норе. К рассвету волки внезапно исчезли, как и появились. Утром, осмотрев как следует местность вокруг логова и убедившись, что волчата в логове, мы вырыли на входе ее западню. После осмотра местности наметили контуры будущего оклада. Я

ушел за флагжками и вернулся с помощником — толковым молодым пастухом Иваном, хорошо знающим местность. Сгущались сумерки. На подходе к логову мы услышали вой волчицы — это вабил егеря. И опять, как вчера, рядом с ним ответил матерый и завыла стая. Связав концы флагжков, мы с Иваном, ориентируясь по костру и местности, быстро стали обходить логово полукругом и почти на ощупь навешивать шнур с флагжками на кусты и сучья деревьев. Через полчаса мы встретились и снова пошли вдоль оклада по второму кругу, поправляя упавшие флагжи. После чего условным коротким веем переярка я сообщил егерю, что оклад завершен.

Когда к нашему костру в 1,5 км от логова подошел Михаил Иванович, мы уже пили чай. В разговорах у жаркого костра я задремал и уснул. Меня разбудил Иван, который под впечатлением событий совсем не спал...

К рассвету мы расположились в окладе на номерах. Ближе к логову на краю поляны был в засаде егерь, мы стояли на номерах вдоль хребта справа и слева от него. Солнце всходило над сопками, лес уже проснулся, трели, свист и рулады овсянок, коньков, горихвосток, пеночек, мухоловок сливались в многоголосый пернатый хор. Где-то рядом куковала кукушка... Волки затаились в окладе. Первым в упор был убит Иваном молодой волк, пробравшийся вдоль оклада. Вскоре неподалеку от логова удачным выстрелом свалил Михаил Иванович матерого волчура. Четверо прибыльных затаились. К вечеру изменилось направление ветра, и егеря решил сменить тактику. Мы с Иваном обошли оклад с другой стороны и стали в засаду. Егерь вышел за оклад и в стороне от него провабил матерым. Сразу же в глубине оклада отозвались два переярка, через две минуты справа от себя я услышал шорох и увидел двух переярков. Медленно стал поворачивать стволы ружья. Этого было достаточно, чтобы волки меня заметили и в панике бросились обратно. Быстро стреляю дуплетом. Один волк завалился, другой упал, но поднялся и, волоча зад, скрылся в кустах. Меняя места еще раз. Егерь снова завабил, но на этот раз жалобным, призывающим голосом волчицы. Совсем рядом с Иваном заскулил переярок. Выстрел — все стихло, даже пение птиц на минуту замолкло.

Вскоре совсем стемнело. Снова ночевали у костра. Перед утром Михаил Иванович провабил матерой. Сразу же в окладе отозвался переярок, однако при повторной подывивке вблизи оклада он промолчал. До 10 утра безрезультатно стояли в окладе втроем. Время уходило, и мы решили небольшой оклад прочесать вместе. Вижу, как серая тень медленно крадется в заросли кустарников. Вскidyваю ружье, но уже слышу выстрел егеря — и молодая волчица ткнулась носом в землю. Ранен-

ного мною переярка обнаружили оклевшим в зарослях черемухи. В западню на входе норы попало 3 волчонка, 2 щенков изъяли только через неделю. Потом в моей жизни было много других логов и облав, но такой результативной никогда больше не было.

Пока малыши привязаны к логову, родители чрезвычайно осторожны, они нехотя воют сами и отзываются на вой чужаков. Матерые при всем этом почти всегда стараются выявить источник воя. Со второй половины июля, когда волчата уже заметно подрастают и родителям утолить голод волчат все труднее, оба матерых регулярно уходят на охоту. При расставании и встречах матерых с волчатами на вечерней и утренней зорьках хищники активно воют, извещая друг друга о добыче и обстановке в логове. Проголодавшийся выводок воем напоминает родителям о своем неудовлетворенном аппетите. Вой волчьей семьи, особенно грозныйвой матерого, — это прежде всего предупреждение другим волкам о том, что территория занята. Принимая вабильщика за волка-пришельца, матерый мчится к нему, возбужденный, с высоко поднятой головой и вздыбленной гривой. Волчица подходит на вабу осторожно, а переярки лишь откликаются. Со второй половины июля хищники, подражая голосу матерых волков, по ответному вою выводка определяют его местонахождение. Чтобы определить точное местонахождение логова, рано утром или на следующий вечер на повторную подывивку уходят 2–3 охотника-слушача, которые встают с разных сторон предполагаемого логова. После ответа выводка слухачи отмечают на карте направления воя. Перекресток засечек указает местонахождение логова. Если выводок активно воет на заре сам, то вабить не нужно. Координаты логова засекают «на послухе».

Для описания искусства вабы воспользуюсь советами моих друзей, опытных волчатников — известногоченого-охотоведа М. П. Павлова и В. П. Бологова. Первую вабу лучше провести вечером с возвышенности на удалении от логова не менее 500 м голосом матерого. Подходить к нему надо против ветра. Вабить можно любым из матерых. Ваба матерого требует хорошего дыхания. Это короткое, в 3–4 секунды, басистое колено «о-о-о», вдох, протяжный вой «у-у-у» и плавный переход в короткое стонущее колено «у-о». Первая ваба должна быть короткой, тихой, в 3 колена, не более 10–15 секунд, через 2–3 минуты перерыва нужно ее повторить с усилением звука. Если в течение 5 минут волки не отвечают, вабят волчицей заунывно-тоскливо «у-у-у-и». Если выводок не ответил после двух попыток, нужно сменить место. Нельзя сразу вабить 2–3 вабильщикам. В звуковое общение волков входят вой, лай, повизгивание, ворчание, рычание, рявканье. Волчий

вой бывает общительным, траурным, призывным, охотничим. Человек слышит вой за 1,5–2 км. Чаще волки воют на зорях и ночью. Частый дневной вой — свидетельство осложнения в жизни семьи, например гибели члена семьи или появления охотников вблизи логова. Вой волков различается по полу, возрасту, индивидуальным особенностям. Вой материго — низкое, басистое и длинное «у-у-о» самых различных интонаций бывает одиночным, двухкратным и многократным, длительным, сложным воем, с успокаивающе-нежными интонациями. Однократный вой длится 20–25 секунд. При имитации воя материго человек испытывает затруднение из-за недостатка выдыхаемого воздуха. Матерая воет «у-у-и» 12–15 секунд выше и короче. Ее вой более сложен, дик и заунывен. Сигнал созыва волчат, который издает только волчица, напоминает беспокойное женское «а-а-у-у», но как бы перевернутое «у-у-а-а» в течение 4–7 секунд. Волк в таких случаях тоже издает сигнал опасности, который напоминает отрывистый, грубый собачий лай: «гав-гав». Несформировавшиеся голоса перепярков отличаются однотонностью, меньшей выразительностью и диапазоном. Нередко они воют тенором, заканчивая подскуливанием, повизгиванием, лаем. Особенно это характерно для прибыльных поздней осенью и зимой. Вой волчат летом — всплеск какофонии звуков, которые ни с чем не спутаешь. Выводок сам по себе воет обычно от 10 секунд до 3 мин, при первой искусственной подывке и до 10 минут. Широка изменчивость слухового общения хищников допускает весьма грубую имитацию их сигналов. Волки, особенно молодые, отвечают на вой даже неопытных вабильщиков. Однако искусство вабы заключается не только в умении вабить, но и в том, чтобы во время ее прекратить, не вступая в «разговоры» с волками. При первом же ответном вое выводка вабу нужно прерывать, несмотря на желание наслаждаться диким своеобразным концертом.

Не следует допускать вабу длинными коленами — чем они короче, тем меньше риска насторожить опытных матерых волков.

Волки безошибочно, даже на расстоянии, находят место, откуда подается ваба, поэтому охотник должен вести себя осторожно, не допуская шума, излишнего хождения, курения и разговоров. Не следует вабить в непосредственной близости от волков. Если матери обнаружат обман, то они больше не отзовутся на вабу и могут даже сменить место обитания семьи. Легче всего вабить перепярком, около логова всегда может оказаться такой бродяга, и старики мало этим обеспокоены. Неустановившийся вой перепярков допускает больше погрешностей, чемвой матери. Вабить матери нужно тоскливо, томно и немного гнусаво, не от горла, а от души. Известный ятский волчатник М. П. Кинчин говорил: «Волк, он с душой, на тоску-то больно податливый, что собака на тонкий лад гармошки. Если хочешь, чтоб он тебя понял, вой как можешь, но обязательно так, чтоб с грусти этого воя самому раньше волка плакать хотелось». М. П. Павлов вспоминал: «Ваба Кинчина в таинственной обстановке наступающей ночи или ранней зари невольно брала за сердце. Его ваба заставляла головить волков среди дня и даже зверей, окруженных флагами. Перепярков она заводит с первого звука». Старый охотник использовал для вабы семилинейное ламповое стекло, которое нужным образом резонировало звуки, позволяло сделать правильную концовку, определяющую удачу.

Лучшее время года для вабы — конец июля—сентябрь, а время суток — вечер с появлением первых звезд на небе и утро, когда забелеет полоска зари. Волчата, провожая родителей на промысел и встречая их, воют, а матери отвечают им. Обычно охотнее отвечают волки на вабу с расстояния от 200 м до 1 км. Искусство вабить облегчает правильную организацию облав-

ной охоты и поиск логова. На такой охоте обычно два—три стрелка становятся в линию, а вабильщик вызывает волков сзади этой линии. Волки безошибочно определяют место воя и чаще останавливаются в 50—60 м от охотника. Искусство вабы нужно постоянно совершенствовать в процессе охот. На вабу хорошего вабильщика волки не только отзываются, но и идут. Результативность облавной охоты зависит от спокойствия волков на логове.

В начале августа 1982 г. в урочище Тесь Новоселовского района мы с егерем установили с вечера местонахождение выводка. На рассвете с опытным местным охотником стали в засаду в 300 м от логова. Вабильщик М. И. Дузинский выбрал позицию между нами, но в 50-ти метрах сзади. После вабы тихим голосом матери заголосили и шумной гурьбою побежали к нам беспечные волчата. Выстрелы — и два волчонка размером с некрупную собаку остались на тропе, остальные скрылись в высокой траве. С началом вечерних сумерек вабу повторили в 500 м от логова. Матерый сразу же ответил в стороне от логова грозным воем. Ожидая выхода волка на тропу, я пристально всматривалась в темноту. Однако матери каким-то образом обошел меня. Он стоял в 30 м в косогоре и тянул носом в сторону вабильщика. Стреляю почти наугад, но попадаю удачно. Потом уже стемнело, когда через 10 минут егеря снова завыл волчицей. Вразнобой, как утром, ответили волчата и ватагой зашуршали по траве. Один из них, самый беспечный, а может быть самый голодный, мчался по тропе, опережая собратьев, на притаившегося охотника. Волчица не отзывалась ни разу. Ночью, словно отставшая право волччьего рода на жизнь, она увела оставшихся волчат в неизвестном направлении, чтобы многие годы спустя, как и прежде, столкнуться с человеком в известном противоречии интересов.

Рисунки В. Симонова

Продолжатель традиции классического охотоведения

К 70-летию профессора Марка Николаевича Смирнова

Охотоведы в большинстве своем формируются и созревают как научные деятели довольно поздно, ибо не только их молодые годы, но и начальный период взрослой жизни чаще всего заполнены долгим общением с дикой природой, годами странствий по тайге или тундре. Прежде чем стать профессором одного из крупнейших в стране Красноярского государственного университета (КГУ), Марку Николаевичу Смирнову довелось пройти тернистый путь, весьма, впрочем, характерный для специалиста нашего дела. Районный охотовед в Сургуте (в ту пору это было невзрачное село с рыбозаводом на берегу Оби), служитель ризаготконторы, где приходилось паковать соленые шкуры домашних животных, старший охотовед вновь созданного Хингано-Архаринского республиканского заказника, работник охотовправления Бурятии, от простого охотоведа до заместителя начальника — вот типичные трудовые вехи будущего ученого. Далее — аспирантура и работа ассистентом в Иркутском сельхозинституте, на факультете охотоведения, защита в 1974 г. кандидатской диссертации, изданной спустя 4 года отдельной книгой («Косуля в западном Забайкалье»), которая была высоко оценена не только российскими, но и зарубежными учеными.

Большой и полезный таежный опыт приобретен М. Н. Смирновым на длительных полевых работах в Бурятии и Туве, когда не раз приходилось «испытывать судьбу на прочность» при встречах с медведями-шатунами и при других чрезвычайных обстоятельствах. Постепенно накапливался и научный багаж. Журнал «Природа» опубликовал в 1983 г. статью «Дикие животные Южной Сибири», которая привлекла к себе внимание виднейших териологов СССР; вскоре вышла в свет монография «Млекопитающие бассейна озера Байкал» (в соавторстве с Ю. Швецовым и Г. Монаховым), появились многочисленные публикации о копытных и хищных зверях Сибири. Естественным их обобщением в 1994 г. стала докторская диссертация (в форме научного доклада) «Крупные промысловые млекопитающие Южной Сибири», защищенная в Институте эволюционной морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ, ныне ИПЭЭ РАН), получившая положительные отзывы виднейших специалистов.

Марк Николаевич Смирнов

Отслужив немало лет в Красноярском отделении ВНИИОЗ, М. Н. Смирнов в 1992 г. становится доцентом, а затем и заместителем заведующего кафедрой охотоведения (ныне — охотничьего ресурсоведения и заповедного дела) КГУ, где он читает курсы териологии, этологии, систематики млекопитающих, истории фаун и др., разрабатывает новые оригинальные методические пособия, получает в 1995 г. вполне заслуженное звание профессора, вскоре подкрепленное соответствующим аттестатом ВАК. Несмотря на значительные преподавательские нагрузки, он упорно продолжает научную деятельность, выпустив за последние годы в свет несколько книг, в частности «Косуля в верховых Енисея» и «Крупные хищные млекопитающие в центре Азии» (обе — Красноярск, 2002). Они убедительно подкрепили прочно сложившуюся репутацию автора как весьма основательного исследователя, которому удалось стереть немало «белых пятен» с зоологических карт Южной Сибири. Как и прежние его публикации, они наполнены фактическим материалом и вносят в отечественную и мировую науку новые теоретические и методические положения.

Возглавляя в настоящее время Совет по защите кандидатских диссертаций по биологическим наукам при КГУ, юбиляр активно содействует росту кадров, создает свою школу сибирских териологов. Автор более 200 научных работ, он принимал участие в создании Красных книг Бурятии, Тувы, Красноярского края и Российской Федерации, а также недавно изданной монографии «Рысь».

Обладатель почетного звания «Заслуженный эколог России», профессор Марк Николаевич Смирнов начинал свое охотоведческое образование в Московском пушно-меховом институте, слушал легендарного П. А. Мантелейфеля, заканчивал же в Иркутском сельскохозяйственном институте, где работал позднее под начальством проф. В. Н. Скалона.

Порой профессор-охотовед Марк Смирнов кажется суховатым, но друзьям известен и другой Марк Смирнов — обладатель сильного бархатного баритона, которым он охотно исполняет при случае задушевные русские песни, а порой и на стихи своего собственного сочинения, не лишенные философских раздумий. Выходец из семьи духовного сословия, волжанин по месту рождения (из славного города Юрьевец) и сибиряк по взрослой своей жизни, Марк Николаевич и в 70 лет полон сил, и мы ждем от него новых достижений в научном творчестве. Многая лета!

А. ДАНИЛКИН; Ф. ШТИЛЬМАРК

Чуть сгорблен день привычным
сиплым ветром,
Грустит ерник, вниз голову клоня,
А впереди отчаянное лето —
Короткая пора календаря.

Пора палаточных зеленых скитов —
Сырых и темных теремов,
Пора дождей, пора энцефалита,
Пора непобедимых комаров...

Она пройдет, оставив след
мгновений,
Пройдет в росяных сапогах,
Гася костров измученные тени
И зелень на пустеющих лугах.

Пройдем и мы, подобно поколеньям
Ушедших и забытых навсегда,
Как лист с берез, как песен птичьих
трели,
Теряясь в сумерках очередного дня.

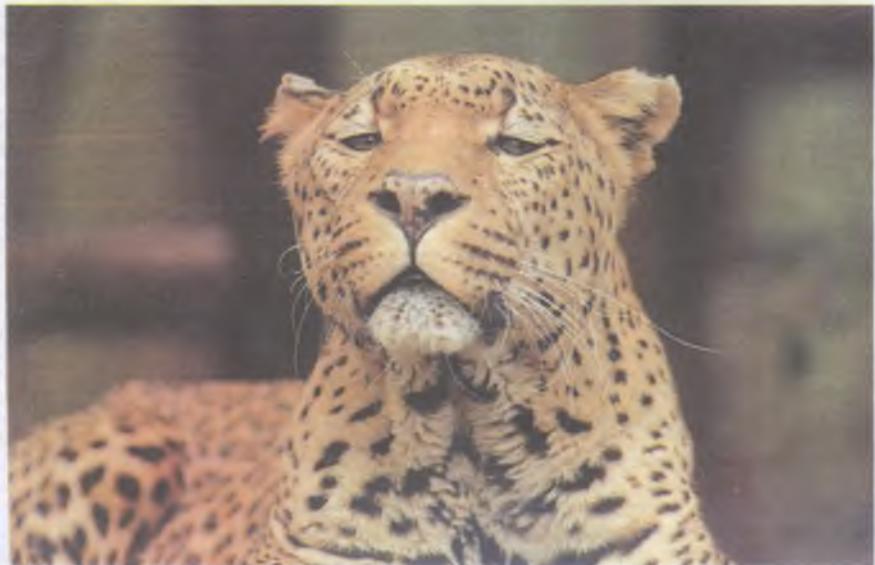
Марк СМИРНОВ

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства. Просим присыпать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланые рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Краснокнижные хищники России

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

Ареал леопарда охватывает большую часть Африки и всю южную половину Азии

Фото А. Дигилевича

Леопард, или барс

Этот хищник по общему облику напоминает тигра, но по размеру значительно ему уступает. Длина тела равна 120—170 см, хвост 75—100 см, вес около 60 кг. Из-за сравнительно коротких конечностей зверь кажется более приземистым. Окраска волосяного покрова яркая, пятнистая. По общему желтому или рыжевато-желтому фону густо разбросаны черные пятна. Одни из них сплошные одиночные, другие расположены группами в виде розеток.

Ареал леопарда огромен. Он охватывает большую часть Африки и всю южную половину Азии. Северо-восточная окраина ареала лежит в России, на самом юге Приморского края. Здесь, на стыке границ нашей страны, Китая и Кореи, обитает леопард амурского подвида. Численность его крайне низка, и он, как находящийся под угрозой исчезновения, внесен в Красные книги МСОП и России.

В Приморье леопард придерживается сглаженных горных увалов, покрытых дубово-широколиственными лесами маньчжурского типа. В отличие от тигра, леопард хорошо лазает по деревьям, на них дноет, на ветвях прячет от других хищников остатки добычи. Рассмотреть эту пятнистую кошку, затавившуюся среди листвы, почти не-

возможно. Поедает леопард все живое, начиная с лягушек и мышевидных грызунов и кончая крупными копытными. Основная его добыча — косуля, кабарга, пятнистый олень, изюбр, кабан. Поедает он также зайцев, барсуков, енотовидных собак, различных птиц. При низкой численности диких копытных хищник нападает на домашний скот, иногда проникает за ограды оленеводческих хозяйств, где нападает на пятнистых оленей.

Течка и гон у леопарда не привязаны к определенному сезону. Во время гона за самкой следуют несколько самцов. После 92—95 дней беременности самка приносит 2—4 слепых и беспомощных котят. Новорожденные весят по 500—700 г, покрыты густой светло-буровой шерсткой с мелкими черными пятнами. Прорезают котята на 6—9 день. Растут молодые быстро, с 5-месячного возраста сопровождают мать во время охоты, а в возрасте полутора лет начинают самостоятельную жизнь. Самки достигают половозрелости в 2 года, а самцы на год позже.

В прошлом столетии на Дальнем Востоке леопард встречался значительно севернее, чем в настоящее время, но многочисленным никогда не был. Сокращение его ареала вызвано интенсивным хозяйственным освоением еще недавно глухих, необжитых районов, почти полным исчезновением пятнистого оленя и бесконтрольным отстрелом. Несмотря на то что теперь охота

на леопарда и отлов котят запрещены, численность хищника продолжает снижаться. Охрана затруднена тем, что животные во время сезонных перемещений постоянно пересекают государственную границу. Современная численность амурского леопарда, по-видимому, не превышает 2—3 десятков особей.

Несколько слов надо сказать о переднеазиатском подвиде леопарда, также внесенном в Красные книги МСОП и России. Ареал его когда-то охватывал Кавказ, Иран, Туркмению, Афганистан и Пакистан, но теперь значительно сократился. Сведения о постоянном обитании этого подвида в нашей стране отсутствуют, однако заходы отдельных особей на северный склон Кавказского хребта не исключены.

Снежный барс, или ирбис

Этот вид принадлежит к самостоятельному роду снежных барсов, стоящему между родами крупных и мелких кошек: размером снежный барс немногим уступает леопарду, но голос у него — кошачье мурлыканье, а не рев, как у крупных кошек. Длина тела ирбиса 112—125 см, хвост 92—105 см, вес около 40 кг. У него вытянутое приземистое тело, небольшая округлая голова, маленькие уши, почти незаметные в густом мехе, мощные, хорошо опущенные лапы, приспособленные к хождению по снегу. Хвост ирбиса, равномерно опущенный до самого конца, кажется толстым и тяжелым. Волосяной покров мягкий и густой. Особенно густой он на нижней части тела, что позволяет хищнику подолгу лежать на снегу. Окраска пятнистая. По всей светлодымчатой, почти белой шкуре размещены темно-серые пятна. Часть пятен имеет вид колец диаметром 7—8 см, часть — сплошные, не имеющие резких границ из-за густого волоса.

Ирбис — житель высокогорий Средней и Центральной Азии. В нашей стране он встречается лишь в южных районах Алтайского и Красноярского краев. Его местообитания приурочены к скалистым участкам высокогорий от верхней границы леса до линии вечных снегов. Хищник держится там, где в данное время пасутся стада сибирских козерогов, которые служат ему основным объектом охоты. Кроме горных козлов, он добывает архаров, косуль, кабанов и более мелкую дичь: сурков, зайцев, пищух, а из птиц — уларов и кекликов,

Окончание. Начало см. в № 3, 2005 г.

Ирбис — житель высокогорной Средней и Центральной Азии

Фото В. Животченко

которых ловит на ночевках. Охотится подстороживанием и скрадом. Среди крупных камней и скал его пятнистая окраска хорошо сливается с окружающей средой. Незаметно приблизившись к жертве, он огромными 6–7-метровыми прыжками настигает ее, но при промахе не преследует. Иногда ирбис нападает на домашний скот, овец и коз. Чаще это бывает зимой, в период глубокоснежья, когда он спускается в предгорья и приближается к жилью человека.

Течка у ирбиса протекает в конце зимы, и в середине мая, после 93–110 дней беременности, самка приносит 2–4 котят. Подсосный период около 3-х месяцев, но уже в середине лета подросшие котята сопровождают мать на охоте. Молодые ирбисы остаются при матери до года. Самки становятся половозрелыми в 2–3 года, а самцы — на год позже.

Долгое время ирбиса считали вредным хищником и за его истребление выплачивали премии. Отстрел стимулировала также высокая рыночная цена и неограниченный спрос на красивый пятнистый мех зверя. При таком отношении к животному его ареал и численность быстро сокращались, и во многих районах он исчез полностью. В настоящее время охота на ирбиса запрещена и вид внесен в Красные книги МСОП и России.

Амурский лесной кот

Этот представитель семейства кошачьих по общему складу напоминает крупную домашнюю кошку. Размеры тела в среднем 60–85 см, хвост 25–45 см, вес до 10 кг. Окраска меха яркая: по серовато-палевому фону расположены тонкие рыжевато-коричневые полосы, продольные на спине и по-

перечные на груди. На хвосте около 7 серо-желтых неполных колец, конец его черный.

Ареал кота лежит в Юго-Восточной Азии. У нас в стране он встречается только в широколиственных лесах Приморского и юга Хабаровского краев. Ведет одиночный ночной образ жизни, питается мышевидными грызунами, но поедает также бурундуков, белок, воробынных птиц. Логово он устраивает

в расселинах скал, в дуплах упавших деревьев и очень редко в норах. Гон протекает в начале весны. После 60 дней беременности самка приносит 2–4 котят. Развитие молодняка не прослежено. По-видимому, молодые держатся с матерью до осени. Известны случаи скрещивания амурского кота в естественных условиях с домашней кошкой, причем гибриды и их потомство плодовиты.

Дальний Восток — северный предел распространения амурского кота, и его численность здесь всегда была на низком уровне. В последние годы местообитания вида сокращаются в связи с вырубанием лесов, расчисткой кустарников и выжиганием высокотравья под распашку и покосы.

Манул

Это самый мелкий из представителей семейства кошачьих России. Размеры его тела около 50 см, хвост 23–33 см, вес от 2,5 до 4,5 кг. У него относительно широкая голова с большими выпуклыми, направленными вперед глазами, большие пышные баки и широко расставленные закругленные уши, от чего морда зверя кажется плоской. Волосяной покров исключительно густой, высокий и мягкий. Окраска варьирует от серо-палевого с черноватым налетом и сединой до красновато-рыжего со слабо выраженной седоватой вуалью. Через спину поперек тела, но уже за лопатками проходят 6–7 узких черных полос. На хвосте также несколько поперечных охватывающих

Амурский лесной кот напоминает домашнюю кошку

Манул — самый мелкий из представителей семейства кошачьих России

черных полос, самый кончик хвоста черный.

В России манул встречается лишь в трех изолированных дуг от друга очагах: на юге Алтайского края, в Забайкалье и в Читинской области между Шилкой и Аргунью. За пределами страны его ареал тянется узкой полосой вдоль нашей границы от Ирана до Западного Китая.

Манул обитает в каменистых нагорьях и невысоких горах с россыпями, выходами скал и скучной растительностью. Климат в этих местах резко континентальный с большими перепадами годовых и суточных температур. Однако теплый пушистый мех манула позволяет ему переносить как зимние сорокаградусные морозы, так и летнюю жару.

Логово манул устраивает в расселинах скал, пещерах или пустотах между грудами камней. Охотится по вечерним и утренним зорям, редко при дневном свете. Добычей ему служат пищухи, сурчики, различные виды полевок, мелкие птицы.

Зверь обладает удивительной способностью затаиваться. Заметить его среди серых камней исключительно трудно, настолько хорошо сливается его мех с окружающей обстановкой. При встрече с человеком не убегает, а затаивается, моментально становясь незаметным. Он способен расплатаститься и затаиться за маленьким кам-

нем или пучком бурьяна. К быстрому бегу манул не приспособлен, и если враг настиг его на открытом месте, садится или ложится на спину и активно обороняется. Голос манула — отрывистое грубо мяуканье — напоминает взлаивание; при раздражении зверек злобно урчит и издает резкое фырканье.

По причине распашки целинных земель ареал перевязки катастрофически сократился
Фото Ю. Терновской

Размножение в природе изучено недостаточно. По данным Московского зоопарка, беременность у самки 60 дней, в помете бывает до 8 котят. Но-ворожденные покрыты светло-буровой шерсткой с очень длинными торчащими остьевыми волосками. В двухмесячном возрасте они линяют и меняют детский наряд на взрослый. К октябрю котята достигают размера взрослых.

Манул никогда не был массовым видом. На его численность отрицательно влияют многоснежные зимы и длительные гололеды, вызывающие гибель манула от голода. Особенно заметно численность зверька стала снижаться в последние полвека в связи с интенсивным развитием в местах его обитания пастбищного скотоводства. Как редкий вид, находящийся под угрозой исчезновения, манул внесен в Красную книгу России.

Перевязка

По внешнему виду и образу жизни этот зверек похож на хорьков. Длина тела около 38—40 см, хвост 12—20 см, вес 400—600 г. Окраска волоссяного покрова очень пестрая и представляет собой сочетание черных, желтых, бурых и белых пятен, покрывающих все тело зверька. На голове сложный узор: конец морды и оторочка ушей белые, вокруг глаз хорошо выраженная черная маска, на лбу белая полоска, напоминающая повязку, которая и дала название зверьку.

Ранее перевязка была широко распространена в степи и лесостепи южной России. В последнее столетие по причине распашки целинных земель ареал катастрофически сократился. В настоящее время зверек в небольшом числе встречается в целинных степях и залежах Краснодарского и Ставропольского краев, а также в Чечне, Дагестанской республике и, возможно, в Алтайском крае.

Селится перевязка в чужих норах, охотится рано утром и в сумерках, добывает мышевидных грызунов, сусликов и песчанок. Размножение ее не изучено. Известны два случая, когда самки, отловленные в природе, приносили потомство через 5 и 6 месяцев после отлова. Роды происходили в марте. Это показывает, что гон у зверьков бывает в середине лета, а беременность протекает с латентной стадией. Детеныши, 3 и 8, родились покрытыми редким белесым волосом.

Весьма своеобразно поведение перевязки при испуге: зверек закидывает распущенный хвост на спину, скалит зубы и издает звуки, напоминающие рычание собаки. Другие мелкие куницы в этом случае не рычат, а стрекочут.

Промысловое значение перевязки ничтожно, она попадает в капканы при отлове хорьков, корсака, лисицы, сурка и других видов, живущих в норах. В связи с малочисленностью зверекнесен в Красную книгу России.

Морская выдра, или калан

Это самый крупный представитель семейства куньих — ценнейший пушной зверь. Длина самца достигает 1,5 м, а вес 40 кг. Вытянутое тело обте-

каемой формы, несколько уплощенная голова, края носовых и ушных отверстий, способные смыкаться при погружении зверя в воду, сжатый в спинно-брюшном направлении хвост — все это приспособления к водному образу жизни. Окраска очень густого меха, который почти не смачивается, варьирует от жаво-буровой до темно-буровой, почти черной.

В России распространение калана ограничено северной частью Тихого океана. Хищник держится у Командорских островов, южного побережья Камчатки и вдоль Курильской гряды. За пределами страны он обитает у Алеутских островов и вдоль западного побережья Северной Америки.

Калана можно назвать стадным животным: звери держатся небольшими группами и миролюбиво относятся друг к другу. Местообитания приурочены к берегам, изрезанным неглубокими бухтами с рифами, надводными и подводными камнями, с зарослями морской капусты и обилием донных беспозвоночных животных. Они прекрасно плавают и ныряют, под водой могут оставаться до пяти минут. Ведут дневной образ жизни, спят на выступающих из воды камнях или на берегу у самой воды, а летом в тихую погоду спят на плаву в густых зарослях морской капусты. Охотятся кала-

ны на небольших глубинах. Поедают морских ежей, рыбу, крабов и различных моллюсков.

Течка у каланов с мая по ноябрь. После 8—10 месяцев беременности самка на берегу приносит одного детеныша. Он рождается хорошо опущенным, с открытыми глазами, размером около 50 см и весом в 1,5 кг. Вскоре после родов, с детенышем в зубах, самка уходит в воду. Плавая на спине, она держит детеныша на груди. При добывании корма мать оставляет малыша на берегу или на поверхности воды, причем он, как поплавок, лежит спокойно брюшком вверх. Подсосный период продолжается около 2-х месяцев, но при матери детеныш остается до полутора. Молодые самки начинают размножаться на третьем году жизни.

Красивый и теплый мех калана всегда высоко ценился. Рост спроса на мех, нерегулируемый промыслом при низкой размножаемости вида еще в начале прошлого века обусловили быстрое падение численности и сокращение ареала этого ценного хищника. По международному соглашению России, США и Японии промысел калана был прекращен. В последние годы звери постепенно возвращаются в места, где ранее были истреблены. Пока еще калан, как редкий вид, числится в Красной книге России.

КАК СДЕЛАТЬ ЗАЩИТНЫЙ КОСТЮМ

Защитные костюмы от жалящих и кровососущих насекомых, которые изготавливаются и имеются в продаже в нашей стране, представляют собой одежду, только изолирующую от самих насекомых, но не защищающую от их жала. Такой костюм, надетый на голое тело или на легкое белье, не может защитить от всех жалящих и кровососущих насекомых, так как у многих из них длина жала достаточно большая, чтобы достичь до тела человека.

Чтобы защититься от этих насекомых, приходится под такую изолирующую одежду надевать еще другую — толстую одежду, которая отталкивает (дистанцирует) насекомых от тела человека. Обычно эта одежда из плотного материала. В жаркую погоду такой костюм приводит к перегреву тела. Какой же выход из этого положения?

Необходимо иметь легкую рубаху, защищающую от прохождения через нее самих насекомых и хорошо пропускающую воздух. Назовем ее — изолирующая рубаха. Под нее надо надеть так называемую дистанцирующую рубаху, которая отталкивает изолирующую рубаху от тела человека на расстояние, недостижимое для жала насекомого, сидящего на наружной поверхности изолирующей рубахи. В качестве материала для дистанцирующей рубахи очень подходит сетка, хорошо пропускающая воздух и связанная из пластмассовой ленты. Петли, узлы, перекру-

чивания, изгибы и другие элементы сетеобразного материала обеспечивают нужное отдаление изолирующей одежды от тела человека. Даже лента, имеющая небольшую толщину, обеспечит необходимое отдаление. При этом дистанцирующая одежда будет иметь малый вес и невысокую стоимость, а также хорошую гибкость. Кроме того, применение лент из пластмассы обеспечивает достаточную жесткость сетеобразному материалу, чтобы он не сминался по ширине при образовании петель, узлов, перекручиваний, изгибов и других элементов. Не только рубаха защитного костюма может быть выполнена таким образом, но и штаны, головная сетка, комбинезон, рукавицы и пр.

Испытаниям подвергались защитные костюмы, состоявшие из сатиновой изолирующей рубахи и дистанцирующей одежды, сетеобразный материал которой был сплетен из ленты полиэтилена низкого давления шириной 2—2,5 мм и толщиной 0,1—0,15 мм. При ношении дистанцирующей одежды из такой тонкой и узкой ленты случаев ужалования пчелами или укусов комарами не наблюдалось. Сетеобразное строение такой одежды способствует хорошей вентиляции, охлаждающей тело человека. Работать в такой одежде необыкновенно приятно. Малейшее дуновение ветерка доходит до тела. Нет обычного в жаркий день прилипа-

ния ткани к вспотевшему телу. Каких-либо неприятных ощущений от прикосновения к телу сравнительно жесткого материала пластмассовых лент не ощущалось. Одежда оказалась очень легкой.

Кроме того, подобная дистанцирующая одежда может быть использована для защиты от неблагоприятных погодных условий. Для этого она применяется в паре с изолирующей одеждой, изготовленной из влагонепроницаемого материала (например, дистанцирующая рубаха надевается под пленочный плащ). В этом случае отдаление от тела охлажденной и, может быть, увлажненной конденсатом изолирующей одежды и присутствие воздухопроницаемой дистанцирующей одежды создает более благоприятные условия для человека. В холодную погоду, надетая под плотную наружную одежду (под штурмовку), она согреет человека, создав дополнительную воздушную прослойку.

Следует учсть, что указанный материал дистанцирующей одежды не очень прочный. Поэтому она должна быть немногим более широкой, чем наружная изолирующая одежда. В этом случае дистанцирующая одежда не будет растягиваться при движениях человека, что увеличит срок ее службы. На изобретение дистанцирующей одежды получен патент РФ № 2210965.

В. САМАРЦЕВ

РУССКИЙ ХОРЬ

Фото В. ЖИВОТЧЕНКО

Одомашнивание хорька началось более 2 тысяч лет назад. Хорьков держали для защиты от грызунов и для охоты. Об этом зверьке писал еще Геродот (484—425 гг. до н. э.), называя его «таркесской лаской». Таркессы — берберийское племя, переселившееся в древние времена из Северной Африки в Испанию. Некоторые исследователи видят в этом доказательство того, что хорек был одомашнен около 2,5 тыс. лет назад в Северной Африке либо в Испании, которая славилась изобилием диких кроликов, и охота на них была главным назначением хорьков. Древнеегипетские папирусы остались нам сведения о домашнем хорьке, обосновавшемся в Египте ранее, чем туда привезли кошек.

Во времена Дарвина хорьков использовали как «охраняющих» животных. В кролиководческих хозяйствах их держали для борьбы с грызунами и даже скрещивали с дикими сородичами для усиления охотничьих инстинктов.

Самой популярной версией о происхождении домашнего хорька по сей день остается версия о «фуро». Картина Леонардо да Винчи «Дама с горностаем» известна любому. Однако зоологи знают, что на руках у статной красавицы Цецилии Галлерани вовсе не горностай, а фуро. Много лет спорили о его происхождении, и только недавно, после повсеместного изучения этих животных, стало ясно, что фуро — это альбиносная форма обычного черного хорька. Охоту с хорьком любили Чингисхан, Фридрих II Германский, Ричард II Английский.

Для охоты на кроликов подходят толькоко совершенно ручные хорьки. На зверька надевают намордник и ошейник с колокольчиком. Намордник — предосторожность, не позволяющая хорьку съесть добычу, а колокольчик покажет хозяину, в каком месте норы он находится. Звук колокольчика пугает кролика, и он попадает в расставленные сети раньше, чем до него доберется хорек.

К середине XVIII века запасы промысловой пушнины сильно истощились из-за

увеличения добычи шкурок охотниками-промышленниками. Трудоемкость охоты и высокий спрос на меха заставили охотников заняться разведением животных в неволе. Хорек — ценнейшее промысловое животное, охота на него в некоторых районах была запрещена ввиду резкого снижения популяции.

В зверосовхозах России хорек появился приблизительно 70 лет назад, а в частных хорьковых фермах — примерно 20 лет назад. За эти годы он прошел долгий путь от частной зверофермы до выращивания в домашних условиях и полностью соответствует понятию «домашний». Ежегодно растущая популярность хорька стимулировала появление клубов любителей этих животных.

Клуб «Русский хорь» был создан в 2002 году с целью объединения владельцев этих зверьков. Клуб оказывает информационную поддержку владельцам, проводит выставки, организует обучающие курсы, помогает в поиске кормов, аксессуаров и соответствующей литературы. Проведение выставок позволяет не только оценить племенной потенциал животных клуба, но и собирает большое количество зрителей, имеет огромное значение для популяризации хорька как домашнего животного.

Племенная работа — одна из важнейших задач клуба. Грамотный отбор и подбор пар позволяет не только получить качественное и экстерьерное потомство, но и значительно изменить характер хорька. В отличие от своих братьев, рожденных и выращенных в условиях зверосовхоза, декоративный хорек гораздо более лоялен к человеку и домашним животным. Снижение агрессии зверька — самая важная задача селекционной работы, проводимой клубом.

Разведение хорьков в домашних условиях позволило значительно расширить спектр окраса этих животных. В отличие от России, где имеется четыре официально зарегистрированных окраса, на Запа-

де их более десяти. Компактность, неприхотливость, добрый нрав зверька заставляет его всему большую популярность. В Америке хорек занимает третье место по популярности после собак и кошек. У нас он до сих пор считается диким животным.

Клуб «Русский хорь» создавался по образу и подобию кинологических и фелинологических клубов. В клубе имеются секции в соответствии с количеством существующих окрасов и секция не племенных (кастрированных) животных. Помимо окрасов, животные делятся на классы в зависимости от породных данных и качества воспроизводимого потомства. Ведется селекционная работа по сохранению и усовершенствованию существующих окрасов и получению новых расцве-

ток. Первоначальное назначение хорька тоже не было забыто клубом. В ближайшее время планируется создание охотничий секции.

«Русский хорь» — очень молодая организация, нам многое предстоит преодолеть и многому научиться. Но если будут люди, разделяющие наши взгляды, нам окажутся по плечу любые задачи.

И. ТЫЩУК

1. Елена Сафонова со своим питомцем
2. И хорькам не чужда радость общения
3. Ну, очень вкусно!
4. Перламутровый хорек, тоже, не прочь отведать апельсин
5. Хватит спать, скорей подъем — веселей играть вдвоем
6. Невозмутимость «кошачьего племени» может охладить пыль самого непоседливого хорька

5

6

ЛОСЬ

У лося уши большие — до четверти метра! — сверху заостренные, подвижные, как локаторы
Фото В. Петухова

С. КУЧЕРЕНКО

На очередном отдыхе, оглядывая в бинокль приамурские мари «от края и до края», увидал я лося неожиданно близко и во весь его громадный рост. Он стоял от меня метрах в двухстах на небольшом возвышении в густой тени под двумя обнявшимися в старческой немощи и тем поддерживавшими друг друга лиственницами.

Стройный зверь, конечно же, меня давно — с тех пор, как зачавкал я ичигами у горизонта, — обнаружил и тут же опознал, однако покоя не потерял и не шевелился, надеясь все же на лучшее и судьбу свою ненужным разом не испытывая.

Расстояние в две сотни метров от человека было для него не очень опас-

ным, меня же оптика чудесно «приблизила» к нему десятикратно, и я видел этого авторитетнейшего лесного великанда, знающего себе цену, почитай, в упор. Из многие лета, скоревшие после той встречи, я никогда не забывал этого зверя, и как бы и кто бы ни описывал «внешность» сохатого, я вижу его собственными глазами памяти.

Бык был могучий и сильный, вроде бы тяжелого сложения и чрезмерной высоконогости, но стройный и красивый, чем-то напоминающий коня-тяжеловоза, однако готового в любое мгновение легко и споро ринуться в бег. Мощная грудь, большая горбоносая голова, увенчанная короной железобетонно-крепких элегантных рогов, высокая

холка, длинная «фамильная серьга» под горлом. И был он словно туго затянут в «мундир» из темной блестящей шерсти, и этот блеск удивительным образом делал его похожим на высеченное из редкостной каменной глыбы божество. Но лишь похожим, ибо в нем была электричеством жизнь: он моргал, дышал, чуть вздрогивал, сгоняя с себя гнуса, а в устремленных на меня глазах живо просверкивало нечто мудрое и загадочное.

И еще одна из многих встреч с героями этого очерка светится в памяти, то и дело возвращая меня в прожитые дали, располагая к путешествию по прошлому и выстраиванию в себе образа единственного в своем роде оленя умеренного пояса северных земных полушарий. Самобытного, ни на кого не похожего, с чувством собственного достоинства.

Плескались в заводях Амура утки, плакали над ними чибисы и крачки, кулики сутились по отмелям, караси лениво шлепали, и щуки водоворотили. Мокли в сырье небе клочья изорванных грозой опроставшихся туч. Воздух был пронизан густой паутиной комариного звона. И такая мокрота была повсюду, так много висело на листьях и травах тяжелых капель, что я со своим спутником по походу ломал голову над проблемой разведения костра.

И только вознамерился я взяться за топор да пойти искать сушину, как увидел округлившиеся глаза и завороженно открывавшийся рот на лице своего товарища, заметившего нечто явно волнующее. Обернувшись в ту же сторону, я от неожиданности присел: за излучиной залива, в какой-нибудь полусотне метров, антрацитовой глыбой стоял на берегу по пояс в кустарнике лось. Громадный, спокойный, съто лоснящийся, с раскидистыми лопатами буйно отросших, но еще не окостеневших рогов. Он с интересом и без всякого страха смотрел в нашу сторону, пытаясь разобраться, что это за существа непрошенно явились в его владения. Но мы стояли в тени, а воздух был неподвижен и не выдавал нас.

Сохатых накануне мы встречали уже привычно, однако такого великанда видели впервые. Его тело имело как минимум три метра в длину, а глаза глядели на мир с высоты жеребца в полном блеске силы. И не было сомнений, что этот патриарх лосиного племени весил не менее полутонны. И глядел он именно как патриарх — вдумчиво, строго и величаво. Стоял не шелохнувшись. Лишь вертелись, улавливая шорохи, раструбы ушей, вздрогивали опахала ресниц да покачивалась серьга. И еще дышала, прощупывая невидимые струи запахов, блестящая верхняя губа, пластом нависающая над нижней. Мы пожирали это живое чудо глазами. В обострившейся памяти мелькали были о сохатах. Я не сомневался, что этому не страшны ни медведи, ни волки и что безоружный человек ему все равно что шавка. Но

еще мы удивлялись, как это ему удалось дожить до столь зрелого возраста в мире, где с ружьями носится всякий шалый люд, и не столько «на своих двоих», сколько на моторках, снегоходах, вертолетах, самолетах, жадно высматривая таких, как этот, с совершенно определенной целью.

Опознав, наконец, людей, наш великан не ринулся прочь. Он лишь выше поднял массивную голову да, как мне показалось, презрительно сморщил губы, слушая щелчки фотоаппарата. Но будучи не только смелым и гордым, а еще и благородным осторожным, он со спокойным достоинством развернулся, будто демонстрируя ширину спины и мощь ног, и величаво зашагал — словно лениво поплыл над кустарником, развернув уши на все 180°. Поплыл, как слон, быстро и бесшумно, удивляя нас этой бесшумностью. И вовсе не подстегивали его в до звона насторожившейся тишине оглушительные шлепки шторки отечественной камеры.

Теперь же начнем разговор о главном в этом очерке, и начнем его со скучных, но нужных напоминаний. Лось — самый крупный представитель многовидового и обширного семейства оленей. Даже не отличающийся обычными размерами европейский подвид обычно весит три-четыре центнера, иногда и больше. А представьте себе восточносибирскую или североамериканскую «породу»: вес до шести-семи сотен килограммов, длина около трех метров, а высота в холке 230 см. Их уссурийский родич, обитающий на южной окраине обширного ареала с известными экологическими неудобствами, куда мельче, и все же уважения нашего не теряет. И еще бегло: плечи выше крестца, круп покатый, силуэт вроде бы горбатый, шея короткая и могучая, хвост чисто символический, копыта узкие, но большие и наикрепчайшие, широко раздвигающиеся. Ну а складом тела он кажется квадратным из-за длинных ног.

У него большая, горбоносая, характерная голова. Удлиненная верхняя квадратная губа сильно нависает над нижней. Уши большие — до четверти метра! — широкие, сверху заостренные, подвижные, как локаторы. Глаза маловаты и отнюдь не так красивы, как, скажем, у благородного оленя или коали, зато они переполнены некой своеобразной тайной скрытного бытия. А в целом это голова очень серьезного, «нелюдимого» и строгого индивидуума, всему предпочитающего покой уединения.

Рога у быков, как известно, разные и по форме, и по размерам. У уссурийского подвида, например, они сравнительно небольшие, оленевидные, с шестью—восьмью круглыми заостренными отростками, а вот у восточносибирского гиганта — огромные «лопаты» с множеством отходящих от них отростков. И вот документально зафиксированные сведения об одном из тро-

феев, снятых с добытого на Камчатском перешейке исполина: развал рогов 167 см, их высота 130 см, вес же около 50 кг.

Рога у сохатого сменные: зимой он их сбрасывает, весной начинает отращивать другие, а к августу рост заканчивается. Расти они, в общих чертах, как и знаменитые панты пятнистого оленя или изюбра, причем уже доказано, что в «пантах» лось тоже содержит большая живительная сила и на них вполне возможно настаивать чудодейственный препарат пантокрин.

Мы беседуем о старожиле хвойных и смешанных лесов. Живет он от лесотундры до лесостепей, а по «лентам» приречных лесов проникает даже в тунду и степи. Без леса лось жить не может, ибо в холодное время года природой ему неумолимо предписано питаться в основном побегами, ветками и корой деревьев и кустарников. И потому-то он зимой живет в лесах с густым подростом и подлеском. Но уж больно милы ему молодняки на старых гарях и лесосеках, березняки и осинники, ивняки вдоль водоемов, поросль осины и лиственницы. Глухие таежные леса не любят его натура, и он их определенно избегает. Зимой лось есть до сотни растений, но излюбленных — на пальцах пересчитать: ивы, осины, черемуха, клены, березы, рябина.

Но вот что особенно интересно: у этого лесного великана преудивительный пищеварительный аппарат, способный переваривать грубые веточные корны и даже древесные. Далеко не каждое животное может усваивать клетчатку, а он ее перерабатывает ради собственной жизни как само собой разумеющееся, превращая в живую ткань и энергию.

И все-таки этой «фабрике» зимой на пальцах живется не сладко. Калорийность их не ахти как высока, на «саморазогрев» и переваривание уходит много энергии, а тут еще снега, морозы, ветры. Никакой прибавки веса, жуй хоть круглые сутки. Наоборот, звери трят свои летние жировые запасы, худеют и ждут не дождутся весенней благодати. Как северный олень, снежный баран или кабарга. И потому-то с наступлением тепла, обычно в марте-апреле, лоси радостно покидают «зимние квартиры» и устремляются туда, где много болот, озер, тихих рек с еще более тихими заливами. Сырость и прохлада этот очень серьезный зверь не просто обожает — они ему жизненно необходимы. И необходимы по двум причинам: он от рождения боится летней жары и до умопомрачения любит сочную травянистую растительность с водорослями.

И есть основания говорить, что лось любит болота и воду, как верблюд — пустыню, северный олень — тундру, а баран — горы. В воде он спасается от зноя и гнуса, в ней же находит милый сердцу харч и отдохновение от пережи-

тых зимних мучений. Кстати, к марям у него такая же нежная привязанность, и по сходным причинам: там много воды поверх неглубоко залегающей вечной мерзлоты, прохладно и вволю наисочнейших сътных трав. На болотах, марях и топях сохатый — «свой человек». По нему он ходит, широко раздвигая копыта, легко и безбоязно. Он умеет преодолевать даже такие зыбкие трясины, на которых человеку сгинуть проще простого.

Кормится наш зверь в теплое время года в сумерках и ночью, когда прохладнее и спокойнее. За сутки он принимается обстоятельно трапезничать пять-шесть раз и после каждой кормежки благостно отлеживается. За ночь съедает 25—30, иногда и до 40 кг лакомой зелени. Там, где его не беспокоит, он ведет себя шумно — плавает, булькает, чихает, отрыгивается. Тоже ведь умеет наслаждаться жизнью. Нередко целиком погружает голову в воду, достает богатые пучки водных растений и опять-таки шумно, с аппетитом отправляет их в свой большой, поразительно совершенном устроенный желудок.

Весной и летом сохатые испытывают сильный минеральный голод, потому что много солей требуют и растущие рога, и линька волоса, и весь в известной мере обновляющийся организм. И потому они собираются вокруг природных солонцов, особенно расположенных вблизи водоемов или на марях, к которым ходят иногда за 20—30 км. Солонцы обычно представляют собой сильно минерализованные ключи или обнажения глины. Во многих солонцовых ключах вода по вкусу напоминает лечебные минеральные воды. Но вот глина на сухих солонцах не всегда содержит минеральные вещества, и пока неясно, что побуждает лося и других травоядных животных есть ее. А ведь серьезная причина для этого наверняка имеется. Звери «высокого ранга» устроены природой невообразимо совершенно, и нет в них ничего лишнего и неотработанного.

Из зверей этого «высокого ранга» чаще всего ходят на солонцы изюбры и сохатые. Известна чрезвычайно большая осторожность при подходах к солонцу и благородных, и пятнистых оленей, особенно быков. Часами неподвижно стоят они в сотне-другой метрах от него, прислушиваясь к тончайшим шорохам и вдыхая сплетения за jakiх. Малейшее подозрение — и звери уходят прочь. Бывает, к солонцу направляются два быка, но когда идет один, второй стоит и слушает. Потом роли меняются. Чуть что — сигнал тревоги и треск кустов под копытами. Ну а лось в аналогичной ситуации ведет себя значительно менее осторожно. Постоянно всего несколько минут на подходе, он прет к солонцу и принимается бесцеремонно солонцевать. Олени в это время солонец покидают и терпеливо пережидают соседа по лесным

обиталищам поодаль, пока солонцует лось. Впрочем, это мои личные наблюдения и заключения, и не нужно со мною полемизировать тем, кто знает другие повадки оленей и сохатых, особенно за пределами «моего» Дальнего Востока.

Тут уместно будет сравнить повадки оленей и сохатых, часто обитающих в одних и тех же местах: они не просто не схожи, но во многом противоположны. Судите сами. Лоси предпочитают пологий и мягкий рельеф с болотами, холодные влажные леса; олени же стремятся к широколиственным и смешанным угодьям по гористому рельефу. Копыто лося приспособлено для передвижения по мягкому грунту, олена — по твердому. На зимовку сохатые обычно уходят в горные лесистые истоки рек и ключей, олени же, наоборот, спускаются в долины. Когда лоси держатся по северным склонам сопок и хребтов, олени живут на южных. Очевидно, эти два вида зверей добровольно делят места обитания, не желая мешать друг другу, как это делают тигр и леопард в Юго-Восточной Азии или лев и гепард в африканской саванне. Да и в другом лось и олени — антиподы. Первый бегает рысью и галоп для него редкость,

вторые же, наоборот, мастера на галоп и нехотя бегают рысью.

Ну и еще немного к «столу» объекта нашего пристального внимания. Не только трава и водоросли любят ему, он не проходит мимо мягких побегов деревьев и кустарников, хвоющей, кипрея, таволги, а тем более брусники. Но деликатесом считает грибы. Всякие. Даже мухоморы и поганки уплетает за милую душу. Ни одного не пропустит, хотя для того, чтобы достать их, ему приходится широко раздвигать ноги, а то и на колени становиться. А знаете почему? В грибах много жизненно необходимых белков и минеральных солей, которых в зелени явно мало. А еще его привлекает осиновая кора и нежнейшая зелень буйно растущих тальников. Летом этот великан ест много, будто помня все время о суровой зиме и спеша скопить побольше сил да основательнейше зажиреть. И это ему удается. Да и вообще почти вся его жизнь проходит в бесконечном чередовании кормежки и отдыха. В течение суток он раз за разом принимается жевать что покуснее и столько же раз ложится отдыхать, пережевывая съеденное.

В период бодрствования сохатый стремится наполнить кормом объеми-

стый рубец — первый отдел желудка, не утруждая себя заботами о пережевывании. В рубце под влиянием слюны и навечно прописанных там мириад очень нужных бактерий начинается переваривание съеденного, в основном процесс брожения. Из рубца соответствующим образом подготовленная пищевая масса попадает во второй отдел желудка — сетку. А после кормежки, заняв укромное и удобное для кругового наблюдения место, лось начинает пережевывать то, что уже поступило из рубца в сетку. Отрыгнет небольшую порцию, тщательно пережует и снова проглотит. Затем в третий отдел желудка — в книжку. Потом в сырьи — четвертый, железистый отдел. И только из него пища попадает в кишечник для очень эффективного усвоения. Ну как тут еще раз не отметить невообразимую гениальность живой природы, познавать которую мы только лишь начинаем, хотя уверены в обратном.

Странно: такими длинными ногами наградила природа лося, а ходить он не любит и вообще малоподвижен. Летом еще набродит в сутки этак 3—4 км, редко 5—6, зимой же лишнего шага не сделает. Представьте его на кормежке: стоит в снегу не передви-

Лось любит болота и воду, как верблюд — пустыню, северный олень — тундру, а баран — горы.
Приморье. Лосиные угодья

Фото И. Серёдкина
Фотоконкурс «Охота и природа, 2004»

гая ног, пока не обяст всё, что дос-танет вокруг и сверху. Потом медленно перешагнет и снова ворочает головой и шеей, хрумкая, потом еще ступнет. А когда зима особенно придавит снегами и холодами, он ходит совсем мало, бывает, всего 200–300 м в сутки. Торопливо похвастает что придется — и в снег, да поглубже, чтобы не так студено было. Теплая шуба у сохатого, да на ветках и в ней согреться — проблема. И потому-то он хоронится от лютых морозов, затаиваясь в глубоких распадках, ельниках, на подветренных склонах сопок, солнцепеках. Такой же смысл тратить лишние калории на согрев? Впрочем, лишиими они никогда не бывают.

Вы заметили, что рассказ идет о сувором лесном спартанце в единственном числе? А ведь не зря: лось — зверь слишком серьезный и необщительный. Индивидуалист. Особенно бык, которому в повседневности любы тишина и покой одиночества. Зимой двух-трех, редко до семи-восьми в табуне встречаешь, а то все по одному да мать с детыми семейкой. Лишь на отменно щедрых кормами пажитях собирается этот зверь в стада, да и то небольшенькие.

Серьезность лося и в другом: он не любит игры и забавы с собратьями, предпочитая им полное уединение. Его силы и строгости опасаются даже волки и медведи: сокрушительным ударом копыта он замертво валит косолапого. На реке Бурее как-то нашли мы мертвого лося, рядом с которым в вечном покое лежал матерый хозяин тайги с разбитым в «щепки» черепом. Известны достоверные факты нападения сохатых и на охотников-обидчиков, которым приходилось поспешно ретироваться и искать спасения, где поближе. И не беспричинна агрессивность лосей — они пожизненно сохраняют свое достоинство и покой. Вся его жизнь проходит под девизом: «Нас не трогай — мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим».

Однако этот зверь очень осторожен, а осторожность и трусость — совсем не одно и то же. Обоняние у него великолепное, слух острый, глаза пусть и не зорки, но опасность лось усекает за 200–300 м и, разумеется, стремится убраться от греха подальше, ну нисколько не желая связываться с недругом. Если нужно, то и спринтерскую дистанцию рванет, нимало не стесняясь. А ведь сила в нем преогромнейшая. Однажды медведица, оберегая своих чад, ринулась на ненароком подошедшего лося. А он принял ее на рога и перебросил через себя на 2–3 м. И еще из физических данных нелюдима: легко и быстро плавает, прилично ныряет, не боится глубокоснежья, бегает своей иноходью не просто быстро, но и грациозно, гордо подняв голову и положив рога на спину — если они есть, разумеется.

Необычное оживление в лосиных племенах начинается в конце августа, когда наступает время свадебных стра-

стей. К этому времени быки наиболее упитаны, а крепчайшие рога блещут новизной и красотой. Но тут мне надо на конкретном примере подчеркнуть, что изучение животных — процесс нескончаемый, а нередко и противоречивый. Судите сами.

Мне не единожды приходилось писать о том, что и столь волнующее у большинства зверей брачное время у лосей проходит сравнительно спокойно, хотя жаждущие любви и продолжения себя в потомстве «женихи» возбуждены и нередко раздражены. Нельзя сказать, что их не жгут страсти, однако все же они, сдерживаясь, не кричат неистово на всю тайгу, как олени, и не сражаются за невест с медвежьей или кабаньей ожесточенностью, и не носятся зайцами из одного края света в другой. И вот как уверенно представляя я брачные конфликты, не ведая о другом: встретившись, соперники обходят один другого, кружат вызывающей походкой, оценивая боевые возможности противника. Раздувают ноздри и грудь, наскаивают на кусты и яростно их бодают — гляди, мол, каков я. А голос четко отражает боевитость и мощь быка — у могучего он басовит, у стареющего — с хрипотцой, у молодого еще высоковат. Такая встреча обычно и показывает, кто есть кто, и более слабый благоразумно удаляется. Ну а коли оба уверены в своей несокрушимости, вспыхивает драка. Противники сходятся лоб в лоб, смыкают рога и яростно бодаются, стараясь пересилить друг друга. Обычно этого бывает достаточно, чтобы выявился сильнейший, а его соперник смиленно растворился в лесном сумраке.

Драки, конечно, и у лосей случаются, но в них нет ожесточенности, а смертельные исходы и вовсе редки. Слабого и побежденного до смерти не бьют. Как говорится, и в страсти звери не теряют рассудка. А в подтверждение сказанного приведу я такой эпизод. Однажды мне посчастливилось увидеть, как сходятся два лося с большими оленевидными рогами. Они их осторожно сомкнули, а затем стали осиливать друг друга. В какое-то мгновение один бык поскользнулся, упал, вскочил и... оказался шеей к рогам — кинжалам соперника. Казалось, сейчас последует смертельный удар — и все кончится. Но этого удара не последовало. Поскользнувшийся постоял, опустив голову, и, как бы оценив благородство противника, медленно ушел восвояси. А победитель спокойно подошел к ручью и долго, старательно утолял жажду, временами поднимая голову и величаво оглядывая свои владения. Не ревел, не бесновался, не скорал в страсти, хотя постывал, странно похрюкивал и как бы взлаивал.

Но довелось мне после стоять табором на высоком яре горной речки и посчастливилось изо дня в день почти месяц свидетельствовать картины свадебных гуляний и страостей тех самых

сохатых, и вот какими врезались они в мою память.

Я почти ежедневно экскурсировал по своим маршрутам и первые признаки лосиного гона засек привычно: вытоптанные до черноты участки земли с раскиданным мхом и дерном, выбитые копытами ямы, заполненные жижей выше моих колен, измочаленный кустарник, изломанные деревца, ободранная кора на деревьях... Словно бесновалось здесь некое чудовище, а не распалялся в страсти бык-лось, призыва невест резким специфическим запахом, от которого даже мои глаза слезились. Я глядывался в тени и гущину леса, вслушивался в тишину, однако тут она была бездыханной, а ярилась где-то не столь и далеко: конечно же, у «моего» кавалера было несколько «ярок». И на одной из них его скоро нашел, да нашел так удачно, потому что на другой день объявились и его «боевая» подруга.

Самец был в полнейшем трансе, почти невменяемые страсти сломали в нем и смили все, кроме желания обладать существом противоположного пола. Он неистово бил землю пудовыми копытами, тяжело поводя боками и страстью выстанывая нечто несусветное, мною еще не слышанное. Глаза быка горели и вываливались из орбит, пласти верхней губы хлестал по челюстям, волосы на шее и груди вздыбились.

Подскочив к яме-купалке, до краев наполненной воинчей жижей, и обступив ее с четырех сторон ногами, сумашедший лось судорожно мочился в нее и тут же с плеском обвалился в творение своих копыт и выделений и возился там, ерзал и словно рыдал этаким демоном — страдальчески и безутешно. И мне стало жаль его, и обратился я к некоему лесному божеству, не зная какому: «Пошли же, пошли ему Ее, иначе он взорвется!»

И тут же словно из земли, покрытой гущиной кустов, явилась Она. Та самая или другая, про поведение которых в пору любовных страстей я писал: «...лосихи, привычно подготовившись к брачным гульбищам, ведут себя довольно спокойно». Да нет же, нет! Или всякое бывает? Та, которую я увидел теперь, с душу раздирающими воплями заносилась вокруг умирающего от желаний великана и тоже принялась шумно мочиться в купалку — «грязелечебницу», и вот рухнула в нее с маxу, как подкошенная, и замычала во все небо, захлебываясь собственным криком, и тут же запричитала, словно в неправимом горе.

А все эти почти сверхъестественные страсти улеглись быстро и просто, словно разрядился мощный электроконденсатор: за несколько секунд. Я даже улыбнулся: как много было шума и как прозаически все разрешилось.

Гаремы у лося не приняты, но бык далеко не однолюб: поухаживав за одной подругой недельку, ищет другую. С ними кавалер то груб, то нежен, однако же не повелевает ими диктатор-

ски, как это принято в гаремах благородных оленей. Ест очень мало, зато много пьет. Жарко ему, томно. Вся жизнь в страсти, и хорошо, что недолга она: месяц-полтора. Зато дешево не покажется: килограммов 60–80 жира сгорает синим пламенем.

Лосята рождаются прекрасно выношенными матерью. Едва появившись на свет, они уже видят и слышат. Они удивительно мильы в ярко-рыжей шерстке, с непомерно длинными ногами и симпатичной мордашкой. А как стремительно они врываются в жизнь! Они иногда уже кричат и мотают головой, еще не полностью родившись! В первые же мгновения, после первого вдоха поворачивают голову к матери, а через несколько секунд ползут к ней. Не исполнится и получаса его жизни, а он уже стоит, а еще через минуту-другую переставляет подрагивающие ножки. Во всем еще слабость, но уже просматривается будущий великан.

Растет лосенок стремительно: сосет не столько молоко, сколько сливки. И получает их малыш в достатке до самой осени, а счастливики и до зимы. К 6-месячному возрасту он весит до 150 кг, сохраняя темп среднесуточного привеса до 600–800 г, подумать только! Но мало счастливчиков среди новорожденных лосят. Слишком много бед. «Ходят» за ними: то хищник слювает, то ногу сломает, то утонет, увязнет, погибельно заболеет. В первый месяц жизни гибнет около трети лосят, до полугодовалого возраста доживает обычно один из двух. А первая в жизни зима обрушивается на молодежь такими лишениями, что проблема выжить встаёт во все небо. Одолеют ее — позовслют в два-три года, наибольшей силы достигнут в шесть–восемь лет, а вот сколько проживут — не предугадать, потому что им тоже не дано заглянуть в книгу судеб. Жизненный путь лося не так и долг, в неволе их век 20–25 лет, в лесу же куда меньше, и все потому, что очень не просто живется этому «ласковому» зверю зимой и уж больно много у него врагов, в том числе и двуногих.

Численность и распространение сохатого полны драматизма. В средние века он жил в странах Западной Европы до Рейна и подножий Альп, но там его давно и бесповоротно истребили. В России в первой половине XIX в. с лосем тоже бед натворили, однако, к счастью, вовремя опомнились, взялись за охрану, и к началу XX в. были почти полностью восстановлены и ареал его, и численность.

После опустошительных мировой и гражданской войн, в тяжелые и голодные 20-е гг. разрухи катастрофически много лосей перестреляли, и то и дело слышалось: конечно с лосем. Ах нет! Лесной великан снова проявил огромную жизнеспособность, и как только стали его охранять да волков поистребили, начал он множить свои ряды, и оказалось сохатых в России к концу 40-х около миллиона, и была надежда, что будет еще больше. Ведь Скандинавский полуостров многократно меньше России, а там обитает свыше 400 тысяч сохатых.

Однако с конца ушедшего века лосинное поголовье в ставшей неуправляемой России начало неуклонно сокращаться из-за катастрофического развала охотниччьего хозяйства, повсеместного закононепослушания и все-проникающего бардака. Браконьерство стало массовым, и с ним почти невозможно бороться: в борьбе обнищавшего народа за физическое выживание в тайгу пошли и порядочные люди, а финансирование госохотовнадзора едва ли не затухло совсем. И невозможно предсказать, что будет завтра в стране, охотничьим хозяйством в которой безграмотно и бесцеремонно правят чиновники Министерства... сельского хозяйства.

Взаимоотношения человека и сохатого были серьезными издревле. При раскопках древнейших поселений и стоянок в умеренном поясе земли археологи почти всегда находят в кухонных остатках много лосиных костей. Удачная охота на лесного великана обеспечивала семью и род первобытных охотников отличнейшим мясом, материалом для одежды, постелей, жилищ. Из трубчатых костей мастерили острые наконечники копий и стрел.

Мелькали века и тысячелетия, стремительно развивалось человечество, а лось оставался лосем — ценнейшим для людей вольным зверем. Во времена Ивана Грозного его было так много, что он «самозванни на заклание приходах», — как писалось в Царственной книге. Российские князья, европейские короли и вельможи охоту на лося, в той же мере как и на тура, считали уделом избранных смельчаков.

В XVIII в. из прочной и красивой замши, выделанной из лосиных шкур, шили рейтязы и камзолы для цвета конной русской армии. 40 тысяч гренадер и солдат Петра Первого были одеты в форму из лосиной замши! Но! Стоимость и потребности в коже росли, а сохатое поголовье из-за чрезмерной

охоты сокращалось. И уже в конце XVIII в. заготовки лосиных шкур правительство взяло в свои руки, хотя зверю от этого не стало легче. Все меньше изготавлялось и замши. В итоге в конце XIX в. обязательное ношение лосин в кавалерии было отменено, а в начале следующего века в рейтязы и камзолы из лосиных шкур экипировался лишь один гвардейский полк при дворце, да и то лишь в парадной форме.

Но есть в лосе, кроме отличного мяса и ценной шкуры, еще нечто для людей полезное и интересное — это его сравнительно хорошая приручаемость. Пойманный малышом, не позже трехдневного возраста, и выращенный человеком, он привязывается к нему, становится покладистым и мирным. Люди в таежной зоне давно задумывались приручать этого силача: ох, как заманчиво было бы использовать его в лесах вместо лошади! Ведь еще во времена Карла IX в Швеции полицейские ездили на прирученных лосях, и преступники не могли от них скрыться ни в дремучей тайге, ни на топких болотах. В Печоро-Илычском заповеднике 60 лет тому назад организовали первую в мире опытную лосеферму. Лосих там приучали к дойке, лосят выкармливали из соски. И животные с колокольчиками на шее стали ходить на кормежку в окрестные леса и как домой возвращаться на ферму. Человек перестал быть для них страшилищем. Взрослые звери оказались способными нести выюк весом до центнера и больше, везти сани с полутонной груза. Потом появилась Костромская лосеферма.

В малолюдной, бездорожной и суровой тайге, где сена не напасешься, прирученный лось для человека был бы, как северный олень в тундре. Однако некоторые качества этого зверя серьезно препятствуют его одомашниванию. Он довольно ленив и медлителен, не всегда слушается человека, легко «перегревается» в летнюю погоду и при перегрузках (у него плохая терморегуляция в теплое время года). Скорость около 8 км в час с грузом сохатый долго не выдерживает. И еще: много их в одном месте пасти нельзя — они «съедят» лес в течение нескольких лет.

Но над преодолением этих трудностей ученые работают. Какой-то оптимальный вариант одомашнивания сохатого должен быть. И как было бы прекрасно видеть в этом замечательном творении природы такого же спутника человека, как северный олень.

Фотоконкурс

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 2005»
Подробная информация о фотоконкурсе – в № 1 за 2005 год**

Новые транспортные средства

Российская промышленность порадовала охотников и рыбаков новыми средствами транспорта. Краснофлотский машиностроительный завод (г. Архангельск) выпустил в серийное производство семейство **гусеничных буксировщиков «Райда»** с шириной гусеницы в 380, 500 мм и четырехтактными импортными двигателями (Briggs & Stratton, Honda). По сравнению со снегоходом, буксировщик основан на ином способе передвижения по снегу. Резиновая гусеница от «Бурана» с ходовой частью несет на себе грузовую платформу на 40 кг и двигатель. Пассажиры и основной груз едут сзади на санях на буксире. Управляется машина двумя длинными ручками наподобие мотоблока. Выглядит непривычно, но по снегу бегает очень резво и не проваливается. Машина идеально подходит для городских охотников и рыболовов: вложенная в пластиковые сани волокушки, она помещается в салон «Нивы», «четверки» и «девятки» (со сложенными сиденьями). Везет седоков с поклажей со скоростью 20 км/ч. По льду потянет и трех человек, на сугробах или подъеме водитель может помочь «мотособаке» ногой или выходит из саней и идет рядом. В лесу по рыхлому снегу оптимальна езда в одиночку. Водитель может стоять на ногах, сидеть на рыбацком ящике, складном стуле, надувном сиденье (рекомендуется на непрочном льду), лежать на сене и т. д. Расход топлива невысокий — 1,5–2,0 л в час, что в несколько раз меньше, чем у прожорливого «Бурана». Хотя и топливо (Аи-92), и масло (синтетика) требуются более дорогие.

Второй новинкой порадовала фирма «Рокс», известная до этого как производитель охотничьей и рыбакской обуви. **Снегоболо-**

тоход повышенной проходимости (4x2) «Рокс Универсал» состоит из мотоблока «Агрос», прицепа-адаптера и колес низкого давления с внедорожными покрышками и камерами. Машина плавает, едет по снегу, грязи, болоту, косит, пашет, убирает снег. Двигатель уфимского производства, четырехтактный мощностью 8 л. с. (один цилиндр от «Москвича») потребляет дешевый (Аи-80) бензин и масло, расход топлива чуть выше, чем у баксировщика (2,5 л/час), но меньше, чем у «Бурана». На местности скорость на 2-й передаче — 15 км/ч, на шоссе: 40 км/ч — на четвертой. Как мотоблок, машина не подлежит регистрации в ГАИ и Гостехнадзоре, не требуется и водительское удостоверение. То же самое относится, кстати, и к баксировщику «Райда».

К достоинствам машины относится возможность работы со всем шлейфом сельхозорудий (косилки двух видов, кусторез, снегоуборщики, плуг и т. д.), причем пахать придется не в первом порядке, а сидя в удобном кресле, как на тракторе. Конструкция предельно простая, ничего не ломается.

Ограничения: большие габариты (3200x1600x1500). Проходимость с одной ведущей осью по рыхлому снегу (свыше 50 см), топкому болоту не абсолютна. Однако установка цепей на передние колеса, механизм самовытаскивания наматыванием троса на переднюю ось, возможность поставить машину на первую передачу при работающем двигателе, а также сидя с нее и подтолкнуть от части компенсируют этот недостаток. На базовой машине нет фар, тента, ветрового щитка, переднего и боковых багажников, кузовок размером 100x80 см маловат для серьезной поклажи. Но за доплату производитель может все это устано-

вить. Цена сопоставима с «Бураном», в основном за счет дорогих внедорожных колес. Помимо базовой модели, предлагают машины с американским двигателем «Briggs & Stratton», на итальянском мотоблоке с двигателем «Honda», полноприводная модель с дизелем «Lombardini», фарами, электростартером. По цене они приближаются к импортным снегоходам. Для тех, кто уже имеет тяжелые мотоблоки (МБ-90, МТЗ-08), предлагается комплект деталей для самостоятельной сборки. Возможная сфера применения снегоболотохода — егерская служба, охота, рыбалка, ягоды, грибы, присадебное хозяйство.

К категории снегоболотоходов относится и **ижевский трицикл «Самсон»**, впервые показанный в 2002 году. Он оснащен мощным двигателем водяного охлаждения, втройе более сильным, чем у «Рокса», тремя колесами низкого давления типа «камера в камере», снабженными для улучшения сцепления цепями, двухместным сиденьем и небольшим кузовком. Машина плавает, идет по снегу и болоту. Трехколесная компоновка обусловила впечатляющие габариты: 3550x2260x1580. Назначение «Самсона» чисто транспортное, без побочных занятий. Цена машины на 20 % выше, чем у «младшего брата», и приближается к «Бурану» с импортными узлами.

**СНЕГОБОЛОТОХОД
РОКС Универсал**

БУКСИРОВЩИК "Райда"

- продажа, сервис, запчасти
- продажа колес низкого давления
- переоборудование АТВ, мотоблоков, квадроциклов

195-16-24 stroevap@rol.ru www.rox.ru

Жатаска легавой: советы профессионала

В. СЕЛИВАНОВ,
эксперт всероссийской категории

Натасчик — это призвание. Далеко не каждому удается раскрыть в подружейной собаке лучшие охотничьи качества, данные ей природой и унаследованные от предков. В России профессия егеря-натасчик появилась в конце XIX века с развитием ружейной охоты с легавой. Среди них были настоящие виртуозы своего дела. Стоит вспомнить хотя бы некоторых. Это А. Богомолов, братья Старостины, Зуевы, Яковлевы, Н. Силичев и другие, к сожалению забытые теперь имена.

К счастью, охота с легавой повсеместно возрождается, а значит и появляются хорошие специалисты по натаске подружейных собак. Правда, натасчиков экстра-класса всегда было немногого, но они есть. Чтобы узнать, насколько профессионален человек, берущий собаку в натаску, необходимо поинтересоваться, каких легавых он держит и какие полевые дипломы на испытаниях и особенно состязаниях они имеют. У хорошего профессионала свои собаки всегда на высоте. Мне приходилось не раз исправлять уже якобы натасканных собак, имеющих полевые дипломы. И поверьте, это гораздо сложнее, чем работать с молодой не испорченной собакой.

В этой статье мне хочется поделиться своим опытом натаски легавых, приобретенным почти за сорок лет. За это время я натаскал не один десяток легавых всех пород, культивируемых в России. Скажу, что каждая порода имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при работе. В любой породе встречаются собаки талантливые, способные и рядовые. Первых всегда немного, но они и являются носителями лучших качеств породы. От таких собак и следует приобретать щенков. Советую молодым охотникам приобретать щенка от известных и лучших собак породы. Не торопитесь с выбором. Берите смелую, энергичную и любознательную собаку. Кобеля взять или суку — это дело вкуса, лично я предпочитаю кобелей. Они сильнее и всегда готовы к работе. С щенками бывают проблемы чисто физиологического порядка, правда в быту они помягче и посконьнее. Но повторю — это дело вкуса.

Вернемся к натаске собак. За сутки до приезда ко мне я прошу владельца собаку не кормить. После приезда и знакомства с владельцем и собакой выезжаем в луга, на место будущей натаски. Гуляя по лугам, я внимательно слежу за собакой и беседую с владельцем с целью узнать о ней как можно больше. Здесь и поведение в доме, на прогулке, выполнение команд, отношение к людям и себе подобным. Это

помогает мне составить портрет моего будущего ученика, который проживет у меня полтора месяца или больше. На прогулке я узнаю темперамент собаки, послушание, быстроту хода и умение ориентироваться в незнакомой местности. Когда собака набегается, я начинаю свистком и командами подзывать ее к себе, обязательно награждая лакомством и поглаживанием за каждый подход. Так как собака более суток не ела, то она с удовольствием подходит сначала к владельцу, а затем ко мне, а так как корм даю ей я, то она начинает ко мне привыкать. Так проходит наше первое знакомство. Затем, после отъезда хозяина, я внимательно начинаю изучать родословную.

Как эксперт-кинолог или участник многих выставок, состязаний и испытаний легавых, я приобрел богатый опыт и знаю большинство лучших собак за последние тридцать пять лет. Здесь и внешние данные легавой, и тип нервной системы, и результаты, достигнутые в поле.

Внимательно просмотрев родословную, уже могу предположить, чего ждать от своего ученика. Наследственность — великая сила. Она передает не только хорошие качества, заложенные в собаке, но и плохие. И тут стараешься первые умножить, а вторые свести к минимуму.

Теперь непосредственно о самой натаске. Первая неделя почти полностью уходит на отработку дисциплины. У меня ни одна собака просто так не болтается по территории базы. У каждой свое место. Дисциплина полная. Награда и ласка — только за четко выполненную команду. Я не буду останавливаться на методике выполнения команд, они довольно известны, и ничего особо нового я не скажу. Единственное — это то, что все команды выполняются голодной собакой за небольшое поощрение. Сытая собака, особенно молодая, команды выполняет значительно хуже. Это надо знать. Количеством команд стараюсь не загружать. Основными командами являются «ко мне», отдаваемая голосом или длинным свистком, запрещающая команда «тубо» или «нельзя», «даун», или «лежать», выполняется по команде голосом, а на расстоянии по поднятию руки. При отработке поиска членком короткий свисток обозначает поворот на другую параллель. Длинный — призыв «ко мне». Команда «вперед» означает подъем птицы на крыло, как правило со стойки. Когда собака начинает ковыряться в набродах птицы, следует запрещающая команда: «Копаешь». Если собака начинает работать не охотничью птицу, следует команда:

«Балуешь, птичка». Можно еще добавить команду «сидеть». Она нужна для показа зубов на выставке.

Подача я первопольных собак не учу. Эта команда часто ведет к срыву стойки, особенно у чрезмерно темпераментных собак. Отработкой команд занимаюсь ежедневно в течение всего периода натаски. Делаю это при выгуле собак и работая в лугах. Как правило, большинство из них быстро осваивают курс дрессировки, но бывают и такие, с которыми приходится немало повозиться. Это те собаки, которым в щенечьем возрасте все позволялось, причем вместо наказания было поощрение. Такому ученику приходится показывать, кто в доме хозяин. И не верьте тем специалистам, которые утверждают, что за время натаски пальцем не трогали своего ученика. Есть методы поощрения, есть и методы наказания; хотя наказывать собак не люблю, но иногда нет альтернативы.

Приучив собаку к основным командам, я приступаю к полевой натаске. Начинаю с поиска. Самым удобным и рациональным является поиск членком. Для разработки членока необходимы свисток, длинная чок-корда и

Натасчик — это призвание. Автор статьи В. Селиванов в поле во время натаски

пакетик с кусочками мяса или печенья для поощрения.

Выбрав ровный просторный участок луга с невысокой травой, пристегиваю к ошейнику чок-корду и, определив направление ветра, укладываю собаку. Отойдя метров на десять, жестом и командой посылаю собаку вперед перпендикулярно направлению ветра. Сам двигаюсь в том же направлении. Как только собака меня обгоняет метров на тридцать, делаю короткий свисток, она останавливается и смотрит в мою сторону. Я жестом и коротким свистком показываю направление хода. Сам поворачиваюсь к собаке спиной и иду в указанном направлении. Она обгоняет меня, и все повторяется. Чок-корда спокойно скользит по траве. Так, раз за разом, двигаясь против ветра, мы разрабатываем правильный челнок. Но это бывает не часто, а только с собаками позывистыми, обладающими уравновешенной нервной системой. Скажу, что всех своих собак натаскивал без корды. Достаточно было дать свисток и указать направление следующей параллели. Это происходило потому, что приучение к командам начиналось с момента появления щенка в доме.

К большому сожалению, в последние годы все чаще приходится натаскивать легавых с возбудимой, неуравновешенной нервной системой, когда процессы возбуждения преобладают над процессами торможения. Такую собаку одними командами не удержать. Вот здесь-то и выручает чок-корда метров на 35–40 длины. После свистка прихо-

дится делать сильный рывок кордой, чтобы повернуть собаку на следующую параллель. Иногда встречаются собаки почти неукротимые. После посыла в поиск они, как из пращи, вылетают и мчатся по лугу, не обращая внимания на команды и рывки кордой.

К таким собакам у меня особый подход. Я использую плужок. Это большой гаечный ключ или небольшое бревно с отверстием на конце. Метод весьма прост. Крепко привязав плужок за конец чок-корды, я посыпаю собаку в поиск. Она с огромной скоростью устремляется вперед, гонясь за бабочками и птичками. Но скоро прыть ее резко спадает, плужок дает о себе знать. Через 10–20 минут собака выдыхается, и я, дав ей немного отдохнуть, начинаю разрабатывать челнок с помощью корды. Это происходит до тех пор, пока она не станет послушной. Как правило, контакт наступает через семь–девять дней. Разрабатывая правильный челнок, не забываю о закреплении команд. Здесь помогает пакетик с кордом. Выполнил команду — получи награду.

Несколько раз приходилось натаскивать собак со слабым типом нервной системы, относящихся к меланхоликам. Это были очень трусливые, робкие, боящиеся выстрела собаки. Разрабатывая поиск с ними, приходилось много бегать. Таскать чок-корду они отказывались. В итоге вернулся собака без полевых дипломов, объяснив владельцам причину и дав совет взять щенков от других собак, с нормальной нервной

системой.

Приучив собаку правильно обыскивать местность, начинаю натаску по птице. Зная приблизительно, в каких местах водится охотничья дичь, беру одну из своих собак и проверяю наличие птицы. Уточнив, где она находится, начинаю натаску молодой собаки. Лучшими объектами натаски считаю дупеля и перепела. Они хорошо держат стойку и, переместившись, далеко не убегают.

Зная точно, где находится птица, беру молодую собаку на чок-корду и начинаю наводить. Делаю это всегда против ветра. У места сидки стараюсь сделать все, чтобы собака сама подняла птицу. При взлете командами, а если надо и рывком чок-корды укладываю легавую. Продержав собаку 2–3 минуты в лежачем положении, даю хорошенько обнюхать место сидки.

После непродолжительного отдыха беру питомца за корду, ближе к ошейнику, и иду в сторону переместившейся птицы. Не доходя метров сорок до места посадки пускаю собаку в поиск. Стараюсь с помощью корды не дать сделать отрыв далеко в сторону. У места приземления птицы слегка придергиваю собаку с помощью корды и даю ей разобраться в запахах. Если собака сделает стойку, я подхожу к ней и, погладив, сразу посыпаю вперед.

Как только птица вылетела, командами или рывком корды укладываю. Затем даю хорошенько понюхать место сидки. Может случиться так, что собака не с первого раза станет интересоваться птицей. Здесь необходимо терпение. Иногда проходят недели, а то и месяцы, пока собака не сделает первую стойку. Стойка — это врожденное качество легавой, но проявляется оно у всех по-разному. Одни встают на стойку почти сразу, другие после десяти–пятнадцати выходов в поле, третьим понадобится месяц, а четвертым и того больше.

Время, когда собака делает первую стойку, у каждой свое. Приведу такой пример. Натаскивал я двух пойнтеров из одного помета. Один кобелек стал стоять в десять месяцев, а другой только в год. И что я только не предпринимал, стараясь научить его работать. И подводил к стоящей на стойке собаке, и искусственно задерживал на стойке с помощью длинного поводка — все тщетно. И вдруг, в год, первая стойка, и собака заработала блестяще.

Как правило, стойке предшествует потяжка, а после посыла подводка. А теперь соединим это все вместе, и получится работа. Выглядит это так: собака с быстрого хода галопом по параллели резко развернулась на ветер и, пройдя на потяжке несколько шагов, постепенно замедлив движение, стала. После подхода ведущего и посыла, энергично двигаясь вперед, подняла птицу на крыло. Следует команда «даун», и собака ложится. Делается десятиминутный перерыв, и легавая вновь отправляется в поиск. На этом заканчивается первая стадия натаски.

Пойнтер Диана В. Селиванова. Этую породу я знаю лучше остальных. Все мои последние легавые — пойнтеры

Это значит, что корду можно снять и продолжать натаску при помощи команд и жестов.

Без корды собака чувствует себя свободной, но, помня о рывках чок-кордой, следующих после свистка, первое время слушается хорошо. Но проходит время, и она начинает проявлять излишнюю самостоятельность, не сразу выполняет команды, далеко отрывается от ведущего, а иногда начинает гнать поднявшуюся птицу. Это самое худшее. Почти все молодые легавые после подъема птицы на крыло пытаются схватить ее зубами, ведь она так близко. Если позволит молодой собаке несколько раз погнать, то отучить от этого будет не просто. Болотно-луговая и полевая дичь летит низко, и преследующая ее собака мешает стрельбе. И когда у охотника не выдерживает нервы, может произойти несчастье.

Приведу трагический пример. Охотился я с одним знакомым на пролетного бекаса в одном из районов Рязанской области. У него был красивый молодой курцхаар. Обыскивая кочковатое болото, собака делает стойку. Владелец, не дойдя до нее метров пять, дает команду «вперед». Бекас поднимается на крыло. Собака делает бросок за птицей и попадает под выстрел. В результате трагическая смерть.

Как сделать, чтобы собака не гнала? Для этого надо добиваться от нее выполнения всех команд ведущего, особенно «даун», или «лежать». Что делаю я, если собака после посыла со стойки стала гнать? Как только легавая прихватила запах птицы и твердо стала, я быстро подхожу к ней и цеплю на длинный поводок, до десяти метров. Даю команду «вперед» и вместе с собакой двигаюсь к птице. Мы вместе ее поднимаем на крыло. Я тут же громко командую: «Даун!» Если собака не ложится, я делает посов, резко, рывком за поводок пресекаю дальнейшее движение. И так делаю несколько раз. Чтобы ваш любимец не гнал птицу, а оставался на месте, никогда не посыпайте собаку вперед не подойдя к ней вплотную. Когда она видит, что вы рядом и вместе поднимаете птицу, то гоньбы не будет.

Следующий этап натаски. Это приучение легавой к выстрелу. У меня это происходит так: поставив собаку по всем элементам работы, убедившись, что она в руках, то есть послушна, начинаю обстреливать ее из стартового пистолета, а в сезон охоты из охотничье ружья. Придя на поле, укладываю питомца и, отойдя на небольшое расстояние, жестом руки посыпаю в поиск. Зная, что где-то есть птица, собака с упоением начинает искать звездный запах и, найдя, красивой стойкой показывает, где затаилась дичь. Не мешкая подхожу вплотную к собаке и посыпаю вперед. Как только птица в воздухе, командую «даун» и, убедившись, что она легла, делаю выстрел из стартового пистолета. В это время собака настолько увлечена запахом птицы, что совершенно не реагирует на

звук. Затем сажусь рядом с ней и успокаиваю поглаживанием.

Первые несколько дней я стреляю не часто, два-три раза, затем увеличиваю количество выстрелов до пяти-восьми. И если реакция на выстрел нормальная, начинаю готовить легавую к испытаниям.

На получение диплома в первую очередь влияет дальность и верность чутья. Это качество врожденное, и научить собаку чуять дальше невозможно. Когда собака хорошо поставлена, послушна и получила в наследство хорошее чутье, степень диплома будет высокой.

Очень важным моментом является передача натасканной собаки владельцу. Некоторым владельцам кажется, что если собака натаскана и получила полевой диплом, то все в порядке, она сама должна работать. На самом деле это далеко не так. За время натаски натасчик стал самым главным человеком для собаки и первым открыл ей мир охоты. Она привыкает к его запаху, голосу, командам и не всегда будет работать в поле со своим настоящим хозяином.

В самом начале натаски я договариваюсь с владельцем о двух днях для передачи собаки. Передача проходит так. Сначала я показываю работу собаки в полном объеме, включая выстрел. рассказываю и показываю свистком или жестом значение той или иной команды, когда она необходима, и т. д. Затем я прошу владельца повторить все это. Не все получается сразу гладко. В перерывах мы обсуждаем недостатки и намечаем методы исправления. Потом снова работаю я. Так, раз за разом, меняясь и беседуя, проходит передача легавой из рук натасчика в руки владельца. Если этого не сделать, собака может отказаться от работы с владельцем.

Помню такой случай. В начале семидесятых я хорошо натаскал английского сеттера, получил с ним диплом с высокими баллами, но хозяин собаки по ряду причин не остался на передачу. Начинается сезон охоты, и слышу звонок. Караул, собака со мной отказывается работать. Срочно вызываю его к себе. Выходим в луга. Оба любимся хорошей работой нашего питомца. Посыпаю владельца одного с собакой, она, сделав пару параллелей, возвращается ко мне, а с ним не идет. Мне пришлось ходить два дня вместе с владельцем до тех пор, пока она не признала своего хозяина. Это произошло после добычи нескольких перепелов.

Помните, нельзя очеловечивать собаку и ласкать ее по всяческому поводу и без него. Она только тогда будет хорошо работать, когда отношение к ней будет ровным и строгим. Если после красивой работы добыта дичь, то поощрить и поласкать помощнику просто необходимо, а если она подняла птицу без стойки или прогнала несколько метров, здесь надо ее поругать, а иногда и наказать.

Окончание следует

В. ФИЛАТОВ

Любой мало-мальски дельный гончатник России и СССР читал, знал, знает, слышал о Дмитрии Никаноровиче Федорине — эксперте Всероссийской категории, члене комиссии по гончим Рогохотыболовсюза, почетном члене Соколиного Ордена Австрии.

Офицер Федорин прошел со славой и ранениями Великую Отечественную войну. За геройизм награжден двумя орденами Отечественной войны, тремя орденами Красной Звезды и многими медалями. Полковник в отставке, Д. Н. Федорин, обладая не только образованием, но и даром воспитателя, передает знания и душу своим ученикам — экспертом-кинологам по гончим и молодому поколению ивановских мальчишек, участвует в работе по военно-патриотическому воспитанию, за что награжден медалью «Почетный член ДОСААФ СССР».

Родился Дима Федорин в деревне Лупань нынешнего Воловского района Тульской губернии, когда «по военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой 19-й год». Военные дни так отпечатались в сознании мальчика, что всю свою жизнь он служил Родине на боевом посту.

Однако первая профессия Дмитрия Федорина была самая что ни на есть мирная. Окончив перед войной сельскохозяйственный техникум, Дмитрий стал агрономом. Война не дала сеять и собирать урожай. Первый бой огнеметчик Дмитрий Федорин принял 26 июня 1941 года, а последний бой был в победном 1945-м под Кенигсбергом. Всю войну Дмитрий Федорин провел в танковых войсках. Отступал. Погибал в болотах на фронте, о котором пели наши отцы: «Наша военная молодость — Северо-Западный фронт». Не погиб... Освобождал Псков, Новгород, Белоруссию. Штурмовал город-крепость Кенигсберг, фронтовики знают кровавую цену скромной медали «За взятие Кенигсberга».

В 16 лет Дима, получив от отца в подарок однстволку, приобрел двух гончих Казбека и Найду и с тех пор всю свою жизнь держал русских гончих. Много гончих воспитал и поставил Дмитрий Никанорович, но лучшей гончей в своей жизни считает чемпиона Бушуя — 3877, в чем прилюдно признался, опубликовав в нашем любимом журнале «Охота и охотничье хозяйство» статью, которая так и называется: «Лучший гончий в моей жизни». Живописный портрет Бушуя Дмитрию Никаноровичу подарил на открытии Всероссийских состязаний гончих в честь 80-летия Д. Н. Федорина художник и эксперт-кинолог по гончим В. П. Иванов. Этот подарок затмил другие дары, привезенные гончатниками со всей России.

Самой знаменитой гончей Дмитрия Никаноровича был чемпион России Бушуй-III — 8083, рожденный 25 марта

70 лет с гончими

Д. Н. Федорин у ринга выжлецов на Всероссийской выставке гончих. 27 июня 2004 г.,
г. Ярославль

Фото автора

1988 г. в Ярославле от полевого чемпиона Баса — 6381 Л. Л. Зверева и чемпиона СССР Говорушки — 5728 А. Д. Романенко. Бушуй III был чемпионом VIII Всероссийской выставки охотничьих собак в 1997 г. (г. Королев), чемпионом Ивановских областных выставок 1995, 1996, 1997 гг. и чемпионом Ивановских областных состязаний. По бонитировке Бушуй III набирал 147 очков, имел 7 дипломов, в том числе 3 диплома I степени при оценке голоса 8(7)-2-4(5).

На всероссийских выставках Бушуй III соперничал со своим родным братом-одногорбом Гулом — 8404. В 1995 году в Твери на юбилейной выставке

«Гончие России», посвященной 100-летию стандарта гончей, Гул стал чемпионом, а в 1997 году — Бушуй-III. Вот такое братское соперничество балл в балл.

Бушуй-III был славен не только выставочными победами, полевым досугом, но, что гораздо важнее для породы, — стабильной передачей своих достоинств потомкам, среди которых дипломированных более 20. Радуют потомки Бушуя-III буйные души гончатников страстью гоном не только на просторах России, а и на Украине и в Беларуси.

Отметим наиболее знаменитых. Дочь Бушуя-III — чемп. Забавка — 8674 В. В. Марова, рожденная 07.04.90 от чемп. Альмы — 8044 Е. Д. Борисова имела: 14 дипломов, из них 10 дипломов I степени и десять дипломов осенних; 30 оценок «отлично»; максимальный балл по бонитировке — 138; 8 классных потомков. Была чемпионкой многих выставок, в том числе московских и ярославских. В 1992 году на Всероссийской выставке стала лучшей выжловкой среди русских гончих. На Всесоюзных состязаниях гончих в 1993 году заняла 2 место. Три раза в полевой работе набирала за мастерство 23 балла.

Выдающийся полевой досуг показал сын Бушуя-III — Туман В. М. Загиенко, став полевым чемпионом на Всероссийских состязаниях гончих в Йошкар-Оле.

Кроме работы с гончими, Дмитрий Никанорович много делает и для гончатников. Многие эксперты по гончим в России с гордостью называют себя

учениками Федорина. Сам Дмитрий Никанорович выделяет экспертов Все-российской категории: ивановца П. А. Полянина, ярославца В. В. Шикунова, пошехонца И. М. Сопшина, к великому сожалению, ныне покойного.

Работу эксперта-кинолога строго и справедливо Дмитрий Никанорович выполнял на многих выставках, испытаниях и состязаниях, включая, конечно, всероссийские. Гончатники со стажем помнят неизменную знаменитую фуражку с «крабом», носителя которой побаивались и уважали. На привале Никанорыч тоже не промах. Чарку выпьет, байку расскажет — ухохочешься!

Традиционные состязания гончих «Золотое кольцо» сборных команд четырех областей: Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской — возникли в 1969 году по идее и при горячем участии Дмитрия Никаноровича. Ежегодно осенью областные охотничьи организации по очереди проводят эти состязания с успехом и интересом не только для гончатников четырех областей, но и для всей России. В конце сентября 2004 года в ярославских угодьях близ села Охотино (названье-то какое!) к традиционной четверке официально примкнула нижегородская сборная гончих.

Журналистское и писательское перо Дмитрия Федорина так же остро и точно, как его охотничий глаз. По вопросам охотничьего собаководства им опубликован целый ряд статей и очерков, изданы две книги. Первая — «Рыжая актриса», сборник рассказов о гончих — издана в Ярославле Верхневолжским издательством 75-тысячным тиражом. Вторая, тиражом поскромнее, вышла в Иванове. Название «Медвежья поляна» соответствует содержанию. О медведях и человеке рассказывает Дмитрий Никанорович.

Всесоюзную дискуссию вызвала статья Д. Федорина «За раннюю нагонку» в журнале «Охота и охотниче хождество».

Молодые эксперты учились, а опытные мотали на ус советы Д. Федорина в статье «Этика экспертизы собак». Многим современным экспертам не вредно перечитать эту статью и взять за правило в своем поведении на рингах. А уж во что одеться на ринг, на праздник выставки, учиться нам и учиться у Дмитрия Никаноровича. Посмотрите, как на Всероссийскую выставку гончих 27 июня 2004 года в Ярославль прибыл полковник Д. Н. Федорин: парадная форма, ордена, медали, бодрость духа и строгость глаза. И это человек в 84 года, отягощенный болезнями, ранами, тысячами километров фронтовых и лесных дорог. Настоящий русский богатырь духом и телом!

Чемпион России Бушуй III — 8083 Д. Н. Федорина.

Фото из архива автора

«Идеальное» ружье

В. НЕЧАЕВ

Так сложилось, что в нашей семье все мужчины относились к охотничью оружию с большой любовью. По-видимому, это связано с тем, что мой прадед был знаменитым на Тамбовщине столяром-краснодеревщиком и часто получал заказы от состоятельных людей на изготовление лож и других деревянных частей к разному оружию. Благодаря таким связям с влиятельными людьми, мой дед Василий Степанович Нечаев смог успешно окончить гимназию, что для простых людей в то время было делом невозможным. Вспоминая свои детские годы, он рассказывал, что к его отцу часто приезжали помещики или приказчики и просили изготовить ложу к ружью более красивую и изящную, чем у его соседа, при этом платить не скучились. Помогая отцу выполнять такие заказы, он настолько приобщился к дорогому и добруному оружию, что не расставался с ним всю свою жизнь.

Эта любовь к охотничью оружию передалась его сыну (моему отцу), а от него и нам с братом. Не стану утомлять читателя перечислением всех марок охотничьего оружия, которые были в нашей семье на протяжении трех поколений, но могу сказать одно, что при моей сознательной жизни основной причиной, по которой приходилось избавляться от ружей отечественного производства, было обнаружение в них каких-то дефектов, проще говоря — заводского брака. Проблемы сводились в основном к плохому (нерезкому) бою ружья, некачественной подгонке деталей, в результате чего не работали эжекторы или проскаивали головки латунных гильз через экстрактор. У патронников могли оказаться разные диаметры как в стволах одного ружья, так и в двух блоках стволов к одной колодке.

Поскольку для меня ружье с детских лет было каким-то «божеством», о котором на страницах журнала так хорошо сказал Р. Норейка в статье «Любимое ружье — предмет одушевленный» («Охота и охотничье хозяйство», № 5, 2003 г.), то я не мог терпеть в нем дефектов.

Хорошо помню, как в 1969 г. отец был вынужден продать своему начальнику ружье МЦ 7 с отличным боем, собранное прекрасным мастером, а ныне пенсионером Валерием Павловичем Пастуховым. На вырученные деньги приобрели сразу два ружья — Иж-12 (экспортный вариант) 16 калибра и ТОЗ-34Е 12 калибра. Первое имело прекрасный бой и сегодня исправно служит моему брату, а второе относилось к категории ружей, которые «живят». Впервые они были опробованы при стрельбе по диким голубям, которые плотно сидели на параллельных проводах высоковольтной линии. Подойдя к ним по густой пе-

сополосе на расстояние около 40 метров и выбрав себе группу голубей, мы одновременно выстрелили. Я стрелял из ружья Иж-12, а отец из модели ТОЗ-34 патронами с одинаковой дробью, снаряженными самостоятельно. В результате мною были чистобиты три голубя, которые камнем упали на землю. Из птиц, по которым стрелял отец, полетели только пух и перья, и лишь один голубь, отлетев на приличное расстояние, упал в густой подсолнечник.

Аналогичная ситуация повторилась при охоте на зайцев. В выходной день мы с коллегами выехали в угодья, примыкающие к плавням. Неожиданно из густого бурьяна рядом с отцом выскочил заяц. После двух выстрелов с зайца ключьями полетела шерсть, но он остался цел и невредим и скоро скрылся из виду. Так как отец был хорошим стрелком, то возвратившись с охоты, он заявил, что сам будет охотиться с ружьем Иж-12, а ТОЗ-34 отдаст мне. Выбранное ружье он дорожил до конца своих дней.

В то время мне было 14 лет и я мог охотиться в присутствии отца, в охотничий билет которого было вписано ружье ТОЗ-34. Тогда же я прочел все журналы «Охота и охотничье хозяйство» с начала их издания и, кроме того, приобретенные отцом новые для того времени книги «Охотничий минимум» (1969 г.) и «Охотничье ружье» мастера спорта СССР Э. В. Штейнгольда. Более старые охотничьи издания 1920—40 гг. энтузиазма у меня в том возрасте не вызывали, поскольку в них не говорилось о ружьях современных моделей.

Вооружившись этими знаниями, я методично в течение четырех лет проводил всевозможные испытания своего ТОЗ-34Е на предмет резкости его боя. Однако, к большому сожалению, испробовав снаряжение патронов разными порохами, всевозможные соотношения пороха и дроби, в конце концов мне пришлось от этого ружья избавиться. Такое свойство ружья, как резкость боя, стало для меня показателем хорошего оружия. Я даже опубликовал на эту тему статью в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 6 за 2001 г.).

Впоследствии выяснилось, что это ружье попало к заядлому охотнику на копытных, который жил в горах Северного Кавказа. Он отпилил стволы на 75 мм и в лесу успешно использовал его при стрельбе круглыми пулями, а в поле охотился на перепелов из-под легавой. Применение очень больших зарядов пороха «Сокол» на охоте в горах в сильные морозы привело к тому, что в течение десяти лет пришлось дважды сменить ложу ружья. Снаряжая патроны, он заливал пули и мелкую дробь смесью стеарина с канифолью и

использовал пыж, вырубленный из пробки. При этом в целом ружьем он был доволен.

Как-то, приехав в город для очередной замены ложи, этот охотник остановился у меня. С его разрешения я измерил с помощью нутрометра внутренний диаметр каналов стволов его ружья. Он оказался равным 18,9 мм, что на 0,4—0,6 мм больше, чем положено ружьям данной модели. В этом, по-видимому, и заключалась причина нерезкого боя этого ружья до обрезания стволов.

Предвижу возражения владельцев, имеющих ружья фирмы «Браунинг». У этих ружей диаметр канала ствола близок к указанному, но они обладают нормальным боем. Увеличенный диаметр канала ствола, по мнению фирмы, способствует меньшей деформации дроби, особенно при использовании патронов «магнум» со снарядом весом 42—53 г. Но в этом случае используется специальный пластмассовый пыж-концентриатор, улучшающий обтирание.

Когда я занимался пристрелкой своего ТОЗ-34, пластмассовых пыжей, позволявших компенсировать увеличенный диаметр канала ствола, не было. Обычный картонный пыж, видимо, не обеспечивал хорошей обтирания в канале ствола такого диаметра. Поэтому резкость боя этого ружья не шла ни в какое сравнение с боем модели Иж-12, имевшей зауженный на 0,2 мм канал ствола по отношению к 16 калибрю.

Я не стану описывать, с какими трудностями, создаваемыми разрешительной системой и дефицитом советской торговли, приходилось сталкиваться при приобретении очередного ружья. В доперестроочный период и в начале реформ 1990-х гг. приобрести ружье хорошего качества для рядового охотника было проблемой. И даже покупая ружье «по блату», мне доставался очередной бракованный экземпляр, и все начиналось сначала.

Многие охотники с плохим качеством ружей мирились. Поэтому часто приходилось видеть лопнувшие приклады, обмотанные изолентой, и слушать разговоры об удачной замене лопнувших пружин на самодельные, сделанные из какой-нибудь стальной детали. Но все это было не для меня.

С переходом к рыночной экономике большинство предприятий страны, в том числе и оружейные, оказались в глубоком кризисе, что не могло не сказаться на качестве выпускаемой продукции. По этой причине автору этих строк пришлось избавиться от нескольких образцов отечественных «шедевров».

В качестве положительного примера рыночных отношений можно привести продукцию знаменитого ЦКИБа СОО, которая в этот период стала доступной

для рядового охотника (естественно, не по цене). Я не замедлил этим воспользоваться и отправил на имя директора предприятия факс с просьбой изготовить ружье МЦ 106 со стволами, которые должны были иметь стандартные дульные сужения 0,5 и 1,0 мм, а ложу — по моим размерам.

Примечательно то, что это ружье мне собрал В. Пастухов, руками которого было изготовлено ружье МЦ 7 моему отцу еще в далеких 1960-х гг. Каких-либо нареканий к бою сделанного ружья или к его качеству у меня не возникло. Единственное, о чем я пожалел, так это о том, что не заказал к нему второй укороченный блок стволов. Его удобнее было бы использовать при охоте на копытных, перепелов и стендиновой стрельбе на кругу.

Как и многих охотников, меня постоянно преследовало желание заполучить самозарядное ружье. В конце кон-

нился и заявил, что в русские плавни он с ним не поедет, так как оно стоит свыше 12 000 \$, а для подобных охот у него есть двустволка фирмы «Меркель» с двумя блоками стволов.

Но теперь об «идеальном» ружье. Исходя из своего тридцатилетнего охотниччьего опыта, я пришел к выводу, что мне нужно универсальное двуствольное ружье с несколькими блоками стволов. Причем такое ружье ижевского производства у меня было, но из-за плохой работы эжекторов с латунной гильзой и неодинаковыми патронниками у обоих блоков стволов от него пришлось отказаться. Постреляв из ружья фирмы «Бенелли», я оценил удобство качественного оружия, но приобретать эту импортную двустволку не хотелось из-за короткого и не подходящего мне по погибу приклада. Покупать же хорошую вещь за большие деньги сразу же переделывать ложу

бы в межсезонье на кругу попросил сделать со сверловкой цилиндр/чок 0,5 мм, так как на охоте возникают ситуации, когда необходимо выстрелить (обычно второй раз) на более дальнюю дистанцию.

Кроме того, по моей просьбе на ружье выполнили красивую гравировку (см. фото), заимствованную с отечественных и зарубежных ружей, с которой успешно справился гравер А. В. Киселев. Довольно часто при охоте на уток я использую латунные гильзы с капсюлем «Центрбоя», который очень сильно портит металл колодки ружья у бойков. Поэтому по моей просьбе были поставлены специальные втулки из нержавеющей стали. Ружье снабжено двумя спусковыми крючками и не имеет эжекторов. На охоте при наличии двух спусков быстрее удается осуществить выбор ствола с патроном нужного номера дроби. Кроме того, у ружей с одним спуском после первого выстрела необходимо полностью отпустить крючок, а затем снова нажать, что не получается быстро. Ружье имеет усилие переднего спуска 1,85, а заднего 2,25 кг, что благоприятно сказывается на стрельбе как дробью, так и пулей. К сожалению, на выполнение заказа ушло целых два года.

Опробовав ружье на диких голубях и перепелах, я остался им доволен. Во время охоты на голубей длинные стволы с чоками позволяли доставать птиц на предельной дистанции. А буквально через 2 часа, когда немного спала роса, я сменил длинные стволы на короткие и начал охоту на перепелов. При стрельбе из ствола с цилиндрической сверловкой по вылетающим перепелам промахов практически не было, а если и случались, то вторым выстрелом из ствола с чоком 0,5 мм я быстро исправлял ошибку. Причем из нижнего ствола с цилиндрической сверловкой я стрелял латунным патроном с капсюлем «Центрбоя». А из верхнего — пластмассовым, запрессованным с помощью закрутки.

Несмотря на то что применялась почти полная навеска (30 г) дроби № 8, разбитых тушек перепелов не было. Очень удобным оказалось то, что у обоих блоков стволов диаметр патронников совпадал, что позволяло применять одни и те же латунные патроны в каждом из них.

Этого не было в ружье ИЖ-27 М (заводской номер 99С059) с двумя блоками стволов, имеющих сужение 1,0 и 0,5 мм и цилиндрическую сверловку. Диаметры патронников были разные, поэтому под каждый блок стволов приходилось иметь комплект латунных патронов, что не совсем удобно. Впоследствии мне объяснили, что на Ижмехе берут с конвейера любые два блока стволов и подгоняют к колодке без учета диаметра патронников. А о неудобствах, с которыми будут сталкиваться охотники в процессе эксплуатации ружья, к сожалению, на заводе не думают.

При охоте на уток с чучелами я использую короткие стволы, заряжая их

Ружье МЦ 108-12 В. Нечаева

цов я приобрел ружье фирмы «Бенелли», поскольку качество отечественных МЦ 21 меня не устраивало. Опыт эксплуатации ружья «Бенелли» мною был подробно описан на страницах журнала (№ 4, за 2004 г.). Однако, проведя анализ своих охот, я пришел к убеждению, что при всех технических достоинствах и качественном изготовлении мне многозарядное ружье просто не нужно, и думаю, что не только мне.

Несколько слов хотелось бы добавить о мировом лидере многозарядных ружей — полуавтомате итальянской фирмы «Косми». Будучи в служебной командировке в Германии недалеко от Ганновера, я был приглашен домой к своему коллеге, который дал мне подержать в руках это семизарядное ружье. При всех его достоинствах мне показалось, что слабым местом у него может быть процесс заряжания, так как, если ружье открыто, то у него оголяется почти весь механизм. Возможно, для парковых охот Европы это нормально, но во время охоты в густом лесу или камышах плавневой зоны возникнут проблемы из-за попадания мусора в механизм ружья, особенно в ветреную погоду. Свои соображения я высказал владельцу, на что он усмех-

Фото автора

у местных умельцев было не по-хозяйски. И я остановился на новой отечественной модели охотниччьего (а не спортивного) ружья МЦ 108-12 с двумя блоками стволов.

Эта модель выпускается с 2003 г. и имеет длину патронника 76 мм, что позволяет наряду с обычными применять патроны «магnum», развивающие среднее давление пороховых газов до 918 кгс/см². Единственное, что меня не устраивало в ружьях МЦ, это невысокая прицельная планка. Видимо, сказалась моя привычка стрелять из вертикалок тульского и ижевского заводов. Поэтому в своем заказе я попросил сделать узкую прицельную планку, такую же, как у МЦ 106, но поднять ее на 1,2 мм. При этом она должна была «преломляться» на расстоянии 80 мм от казенного торца стволов. Между собой стволы соединялись вентилируемыми планками, как у спортивной модели МЦ 200.

Для охот на уток и гусей на перелетах и для стрельбы на траншейном стенде я заказал одну пару стволов длиной 750 мм с дульными сужениями 0,75 и 1,0 мм. Другой блок стволов (длиной 675 мм) для охоты на перепела, копытных и тренировочной стрель-

стандартными патронами с 32 г дроби в контейнере. А длинные стволы — на утиных перелетах, применяя патроны с пластмассовой гильзой или с латунной. Неплохо зарекомендовали себя стволы длиной 750 мм и на гусиной охоте, где я стрелял патронами «полумагnum» (38–40 г дроби) и добивался хороших результатов.

Охотясь на зайцев в сырую погоду, когда их с трудом приходится выгонять из лесополосы, я использовал короткие стволы и патроны «Тайга», старые запасы которых у меня еще имеются. Наоборот, в мороз, когда зверьки поднимаются далеко, яставил длинные стволы, заряжая нижний патроном собственной сборки, а верхний — фабричным с пыжом-концентратором, что позволяло более полно использовать возможности ружья в каждом конкретном случае.

Что касается боя ружья, то его кучность практически совпала с результатами испытаний, приведенными в паспорте. Отношение количества пробоин контрольной мишени к количеству дробин, находящихся в снаряде (кучность в процентах), составила для короткой пары стволов: у нижнего ствола 65 %, у верхнего — 68 %; для длинной пары стволов — 73 % и 79 % соответственно. При этом количество пораженных долей стодольной мишени (равномерность расположения пробоин) составило для блока стволов длиной 675 мм — 85 шт. (и у верхнего и у нижнего), а для второй пары — у верхнего ствола 87, а у нижнего 88 шт. Резкость боя этого ружья несколько уступает ружьям Иж-39 и Иж-27 с аналогичной длиной стволов, но имеющим внутренний диаметр стволов меньше на 0,1–0,15 мм.

Почему слово «идеальное» я беру в кавычки? Это связано с тем, что в природе не существует ружья, одинаково пригодного для всех видов охот и одновременно для спортивной стрельбы. Необходимо отметить, что описанное выше ружье имеет довольно внушительный вес и поэтому не совсем подходит для ходовых охот.

При стрельбе на круглом стенде из верхнего ствола с сужением 0,5 мм труднее попасть по тарелочкам вторым выстрелом в дуплете, особенно на первом и седьмом номерах. На «траншее», используя стандартные спортивные патроны, каких-то ограничений в стрельбе по сравнению со спортивными ружьями, имеющими сужения 1,0 и 1,25 мм, я не заметил благодаря пыж-концентратору.

В целом, подводя итог изложенному, могу сказать, что я нашел свое «идеальное» ружье, так как два блока стволов — это очень удобно. Сожалею что оно мне досталось только сейчас, а не 20–25 лет назад, когда было больше сил и охотничьего азарта. Однако следует отметить, что для спортивной охоты нет особой необходимости гнаться за дорогостоящими моделями, а можно вполне довольствоваться моделями Иж-27 или Иж-39 с двумя блоками стволов — при условии, что вам повезет с качеством их изготовления.

Охотничий ружници

Юрий ШОКАРЕВ

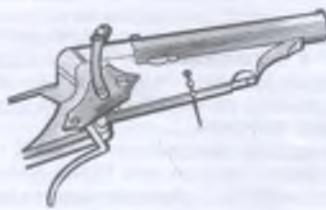
Русская ручница конца XVI в.

Дорогие читатели!

С этого номера мы приступаем к публикации серии статей о русских ружьях. В них будет рассмотрено русское историческое оружие — охотничьи пищали, фузей, штуцера. Ближе к нашему времени вспомним о ружьях наших дедов и прадедов — классических тулках (курковых и бескурковых) и, естественно, о популярных ранее берданках, которые вошли в легенду. Расскажем о первой советской одностволке Ижевского завода — модели Иж-5 и ее вариантах.

История послевоенного оружия начинается с известных многим охотникам со стажем моделей ИЖ-49 и ИЖ-54. А вот молодым охотникам они могут быть не знакомы. Также наш рассказ коснется ружей Тульского завода и, конечно, знаменитого ЦКИБа. Мы не сможем остаться в стороне и от охотничье-промышленных ружей «Белка», о которых до сих пор еще вспоминают. Закончим серию подробным описанием ружей 1970—1990-х гг. всех наших оружейных заводов.

Надеемся, что эта серия статей вызовет интерес как у молодых охотников, так и у более опытных, у которых, возможно, многие из представленных ружей все еще «в работе». Хотелось бы получить отклики на данные материалы — воспоминания о собственных ружьях, об их достоинствах и недостатках, советы современным конструкторам по улучшению выпускаемой ныне продукции.

Древнейшее изображение фитильного замка 1475 г.

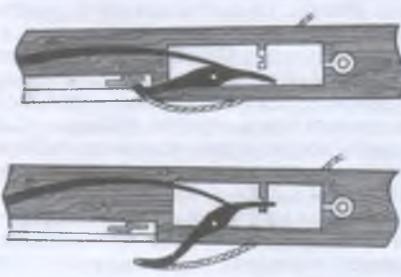

Схема работы «шептального» замка (вверху — курок взведен; внизу — курок спущен)

Первое огнестрельное оружие для охотников не годилось. «Ружья» начала XV в. с бронзовыми или коваными железными стволами весили 8–10 и более кг. Стволы укладывали в длинные деревянные колоды, которые были прототипами лож. Естественно, что такую «ложу» прижать к плечу было нельзя, поэтому ее брали подмышки или клали на плечо.

Задняя часть ствола была заделана наглухо, а сверху имелось маленькое отверстие для воспламенения пороха в стволе. Воспламенение пороха в таких ружьях производилось без специального механизма — «замка». Стрелок подносил к затравке тлеющий фитиль, а сам отворачивал лицо, опасаясь горящих частиц пороха и пороховых газов. В такой неудобной позе он ждал выстрела, стараясь удержать тяжелое оружие на подставке в направлении цели. Какая уж тут могла быть охота! Новое оружие использовали только на войне.

Управление оружием стало удобнее, когда во второй четверти XV в. затравочное отверстие переместили на правую сторону ствола и создали фитильный замок. Его изображение сохранилось в древней рукописи 1411 г., хранящейся в Венской национальной библиотеке. На гравюре представлен

обычный двуплечий рычаг на оси, один конец которого является держателем фитиля, а другой спуском. При нажиме на спуск конец с горящим фитилем опускался к затравке с порохом и поджигал его.

Во второй половине XV в. замок был усовершенствован. Под курком появилась плоская пружина, которая отводила его назад, как только стрелок переставал нажимать на спуск. Детали замка стали монтироваться на замочной пластине, а для зажима фитиля применяли винт с головкой. Рисунок 1475 г. из рукописи в мюнхенской библиотеке демонстрирует нам вполне сложившуюся конструкцию. Теперь фитильный замок поджигал порох не на самой затравке, а на затравочной полке, которая крепилась на стволе чуть ниже затравочного отверстия.

В начале XVI в. окончательно оформилось настоящее ружье — фитильный мушкет, из которого можно было стрелять зверя. Термином «фитильный» принято называть ружье, в котором для поджога пороха использовался горящий фитиль. Замок мушкета монтировался на узкой замочной доске и имел длинный спусковой рычаг. Основные его детали помещались на внутренней стороне доски.

Заряжение огнестрельного оружия осуществлялось с дульной части ствола, а фитильный замок в описанном варианте просуществовал, почти не изменяясь, до конца XVII в. Его применяли на военных и охотничих мушкетах. Однако для охоты был создан более удобный, так называемый «пружинный», фитильный замок.

На Руси первые ружья именовались «пищалями». Этим же словом называлось огнестрельное оружие любых размеров вплоть до самых больших орудий. Потом ручное огнестрельное оружие получило уточненное наименование «ручница». Сам фитильный замок именовали «жагрой» (от слова «жагра» — обгорелый фитиль, связанного с глаголом «жагать» — жечь). Часто оружие с таким замком могли называть «ручница с жагрою».

Стреляли из ручниц свинцовыми пулями, которые отливали в небольших пулелейках. Запас таких пуль носили в кожаных мешочках. Порох тоже сначала носили в мешочек, но поскольку он отсыревал, его начали хранить в kostяном роге или в деревянной фляжке — пороховнице.

Точно сказать, когда на Руси появилось огнестрельное оружие для охоты, невозможно. Однако сохранилось несколько старинных ружей конца XVI в., одно из которых находится в коллекции Исторического музея в Москве.

Ствол ружья железный, кованый, относительно короткий (78 см), с утолщениями в дульной и казенной части. Канал ствола гладкий, без нарезов, диаметром 15 мм. На правой стороне казенной части ствола прикреплена

полка для затравочного пороха. Ложа выполнена из березы и имеет длинное цевье почти до дульной части ствола. Край приклада скошен, а шейки ложи практически нет. В прикладе выдолблен пенал с крышкой для хранения пуль и пыжей. Длина всего ружья составляла 120 см, а вес около 6 кг.

Особый интерес представляет воспламенительное устройство, которое можно отнести к фитильному замку. Его конструкция очень проста и состоит всего из семи деталей. На квадратной пластине (замочной доске) укреплен на оси курок, снизу подпираемый длинной плоской пружиной. Она выходит вперед за край пластины и держится в деревянной ложе под стволом. Курок в заднем положении запирается шептalam. Оно помещено на внутренней стороне замочной доски и выходит наружу в виде большой кнопки. При нажиме на нее шептало утапливается, курок поворачивается на оси, а его верхний конец упирается в полку с затравочным порохом.

Курок в этом замке отличается тем, что оканчивается полой трубочкой, а не зажимом для фитиля с винтом. Вместо горящего фитиля использовалась высушенная морская губка, пропитанная селитрой. Ею набивали трубкообразный конец курка, поджигали и взводили курок. Пока воспламенительная смесь медленно тлела, охотник не спешил выскакивать.

Установка курка на боевой взвод была возможна из-за наличия стопорного шептала. Поэтому такие замки называли «шептальными» или «пружинными». Их ставили в основном на охотничье оружие.

Как показывает нам ручница из Исторического музея, они бытовали и на Руси. Замок ручницы, вне всякого сомнения, относится к «пружинной» системе. Мы можем рассматривать это ружье как древнейший образец русского охотниччьего оружия.

Заряжение ручницы производилось, как у обычного фитильного ружья. Сначала в ствол сыпался порох из пороховницы, которую имел при себе каждый охотник. После засыпки пороха в ствол туда же отправляли пыж из войлока или кусочка ткани и уминали шомполом. Затем в ствол шла круглая свинцовая пуля с пыжом, затолкнутая которые также помогал шомпол.

Зарядив ружье, охотник заправлял курок горючей смесью или фитилем, но поджигал их непосредственно перед выстрелом. Пока происходило горение, зверь брали на мушку.

Данных о боевых возможностях такой ручницы, к сожалению, не имеется. Однако исходя из калибра, длины ствола и свойств тогдашнего пороха, можно предположить, что огонь велся на расстоянии до 50 шагов. Максимальная дальность стрельбы, скорее всего, не превышала 150 шагов.

Консультации оружие веда

Уважаемый товарищ А. Ю. Шорохов! В своем письме вы сообщаете о том, что приобрели ружье ИЖ-18 ММ 12-го калибра с патронником длиной 76 мм и пытаетесь подобрать к нему оптимальный дробовой и пулевой патроны. Еще вы пишете, что приличные результаты получаются при стрельбе самодельной дробью, имеющей «хвостики». Вы совершенно правильно поступаете, подбирая навески пороха и дроби для оптимизации выстрелов из своего нового ружья. Вы правильно обнаружили, что ость крупной и мелкой дробью получается различной.

Бутурлин в свое время писал, что есть несколько размеров дроби, дающих хорошую ость для каждого ствола. Более того, у каждого ствола есть своя «любимая» конструкция пули.

Однако в вашей работе, к большому огорчению, есть серьезная ошибка, от которой хочется предостеречь всех охотников. Из оружия, имеющего патронник 76 мм, нельзя стрелять патронами, гильзы которых имеют другую длину. Использование короткой гильзы (по отношению к патроннику) просто ломает всю внутреннюю баллистическую выстрел. Для его нормального развития необходимо, чтобы дульце гильзы после разворачивания закрутки пришлось точно в начало снаряженого входа (переходного конуса). Только в этом случае пыжи нормальной высоты (0,5—0,75 калибра) предотвратят прорыв пороховых газов в дробовой заряд. При короткой гильзе в «магнумовском» патроннике такой прорыв случится обязательно. Следствием этого непременно будет плохой бой дробью независимо от ее размера.

Относительно стрельбы рыболовов самодельной литой дробью с «хвостиками» можно сказать совершенно определенно, что, при прочих равных условиях, без «хвостиков» результат будет заметно лучше.

Советую вам купить отечественные патроны «магнум», которые выпускает фирма «Тайга». Думаю, что с добычливостью на охоте все будет нормально. Самодельное (домашнее) снаряжение патронов «магнум» не рекомендуется. Это связано с тем, что использование большой навески дроби требует специальных, более медленно горящих порохов. Разработчики патронов «магнум» затрачивают много времени на подбор типа пороха, его навески и всех остальных компонентов патрона. Можно заранее сказать, что пороха типа «Сокол» будут излишне интенсивными (быстрогорячими). Большая дробовая навеска является слишком тяжелой пробкой. В патроннике будет развиваться слишком высокое давление, а вслед за ним и большая деформация дроби на старте. Отсюда высокая скорость отдачи, труднопереносимая как стрелком, так и оружием. Это скажется на стволах, системе запирания и шейке ложи.

Спасибо вам за добрые слова о нашем журнале и за обстоятельное письмо.

С уважением В. ТИХОМИРОВ

Каширинская тетрадь

Утка в подарок

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

По-разному и в разное время, но сердечное чувство к женщине приходит ко всем. Ко мне оно пришло, когда я учился в седьмом классе. Я влюбился в свою учительницу. Она была молодой, всего на семь лет старше меня, но уже замужней. Ее, коренную москвичку, муж отправил к своим родителям, жившим в соседнем селе в двух километрах от нашего Каширина, где у нас была школа-семилетка и куда Она приходила на уроки. Здесь, в Зауралье, для Нее было беспаснее. Шла война, и сам он был в армии. Щеголеватый капитан, каким он приезжал однажды в отпуск, Ее муж служил адъютантом маршала артиллерии Кулика. Но маршила, как стало известно, в скромом времени за его фронтовые просчеты разжаловали, и адъютантская звезда мужа тоже должна была закатиться...

Но все это меня мало интересовало. Впервые в жизни меня захватило мучительно-радостное, по-мужски тяжелое чувство. До этого я «дружил», как принято говорить, с девушкой старше меня на два года. Стараясь казаться еще более взрослой, она покуривала, стал баловаться куревом, конечно, и я. Но там все было по-другому. Мы обменивались книжками, катались на лыжах, бродили по лесу, который начинался тут же, за коровьими стайками. Тем не менее именно тогда я испытал волнение первого любовного поцелуя и на всегда запомнил голубоватый полусвет, разлившийся в заснеженной березовой роще, тихой от пригрузившей ее кухты, где было глуховато, как в платяном шкафу, запомнил холодную, опущившуюся от мороза щеку, податливые мягкие, теплые губы, поразившие меня тем, что они хранили свой, особенный вкус.

Мою подружку определили в техникум за двадцать километров от нашего поселка, мы стали реже встречаться. А потом и вовсе расстались, когда я нечаянно увидел, как они вместе со своим соседом, учащимся того же техникума, в открытой форточке по очереди затягивались одной и той же папиросой. Расстались легко, без обид и объяснений, и я навсегда бросил куриц...

Нет, там все было просто и понятно. А сейчас...

Невысокая, ладная, с четкой походкой, улыбчивая и подвижная, Она преподавала военное дело и физкультуру. Как и подобает военруку, Она носила военную форму: серо-бежевую коман-

дирскую гимнастерку с мужского, вероятно, плеча и потому великоватую Ей, соборенную в узкой талии широким комсоставским ремнем, синие галифе с красными кантами и мягкие сапожки. Спортала в нашей поселковой школе, построенной из камышита, конечно, не было, занятия по физкультуре ограничивались зарядкой в коридоре, беготней вокруг школы, когда не было снега, а зимой — лыжными прогулками и кроссами. А по военному делу мы изучали устройство ручных гранат РГД и Ф-1, армейской винтовки образца тысяча восемьсот девяносто первого дробь тридцатого года, на время разбирали и собирали ее затвор и ходили иногда стрелять по мишениям из мелкашки.

Получивший еще год назад в свое полное распоряжение отцовские ружья, курковый «зауэр» и пятизарядный «браунинг» двенадцатого калибра, а также малокалиберную винтовку, выданную отцу для охраны гужевого эшелона при эвакуации сюда, под Курган, я страстно любил возиться с оружием и, как все мои сверстники во время войны, мечтал стать военным. Мне очень нравились живые, не похожие на другие уроки занятия по военному делу, и как-то незаметно для себя я вдруг стал ощущать все более растущую необходимость видеть Ее саму, попадаться Ей на глаза, говорить с Ней... Я запомнил расписание Ее уроков, чтобы, задержавшись в коридоре, встретиться с Ней взглядом, увидеть Ее улыбку, когда Она направлялась в другой класс, стал приходить к окончанию Ее занятий. Мы жили на другой стороне озера, мне приходилось выдумывать какие-то причины, которые вновь привели меня к школе. Но выдумывать можно было раз, другой... Ну, третий, четвертый наконец... Было мучительно стыдно врать, я чувствовал, что все надуманное мною шито белыми нитками, но ничего не мог поделать с собою, злился на себя, — и снова шел, слонялся по поселку в ожидании, когда Она появится на дороге к Ее дому.

В один из дней был назначен педсовет. Я не знал об этом и не мог понять, почему Ее так долго нет. Снова и снова я подходил к школе, бродил вокруг, посматривал на освещенное окно учительской и тяжело ревновал Ее к учителям, среди которых только один был мужчина, больной, пожилой Федор Антонович, к тому, что занимало Ее там, за затворенным окном. Наконец свет

в окне погас, на крыльце раздались оживленные женские голоса. Я укрылся в сенцах соседнего дома, дождался, когда Она останется одна, и догнал Ее. Совсем смерклось, и я в тот вечер впервые проводил Ее до соседнего села. Потом еще и еще... Я стал встречать Ее на выходе из здания и провожать домой.

Пришла весна, развезло дороги, разлился ручей, где в майскую пору шел нерест горячана. Она остановилась в замешательстве, выбирая, где перейти разлившуюся воду, а я, неожиданно для себя самого, вдруг предложил перенести Ее. Она кинула удивленный взгляд, отстранилась — ну что ты, я же тяжелая!

Я понял это как единственное, что мешает Ей согласиться, — но тут уже было мое дело... Я подхватил Ее на руки, ощутил Ее женственно-мягкие под коленями ноги, кровь ударила мне в голову... Как в тумане, я ступал по воде, более всего боясь споткнуться, упасть, уронить свою ношу. Вода кончилась, а я все нес Ее и, сам не зная, как это произошло, склонился и, неумело тычась носом, стал целовать Ее лицо, не попадая в увертывавшиеся губы. Она высвободилась с моих рук, стала на ноги. У меня горели щеки, я стоял как во сне. Что теперь будет...

— Ты... хороший мальчик, — сказала Она не сразу, глядя снизу вверх мне в глаза, обрадовав и одновременно уязвив таким обращением. — Но никогда так больше не делай. Иначе мы с тобой рассоримся.

И тут из меня хлынуло все, что я испытывал по отношению к Ней, о чем думал, когда видел Ее на уроках, ожидал Ее появления на дороге из школы... Стараясь удержать комком стоявшие в горле слезы, я горячо и сбивчиво что-то говорил, все говорил Ей о том, что впервые пришло ко мне и преобразило всю мою жизнь...

Мне легко возразить, что для любви было не самое подходящее время — ведь была война, самые тяжелые для страны, для людей годы. До любви ли было тогда? Я не мог участвовать в главных событиях, переживаемых страной, но я жил в то время, которое было наполнено их дыханием... Впрочем, это я сейчас, по прошествии многих лет, когда смотрю на себя как бы со стороны, испытываю некоторое смущение. Тогда-то у меня не было каких-либо сомнений. Охватившее меня чувство требовало права на его выраже-

ние. Я не лгал и сознавал свою правоту, невзирая на неподходящие обстоятельства. Ведь осознание своей правоты позволяло, как это свидетельствуют многие люди, выражать свои чувства даже на фронте, где соседствовала смерть, даже в концлагерях, на краю гибели... Всякая любовь требует выражения, иначе она становится мучительной. Мое объяснение тоже облегчило меня. Я не задумывался тогда, как оно будет воспринято. Она была моей учительницей, замужней женщиной, заметно старше меня в мои пятнадцать лет, Она могла резко отвергнуть его, высмеять, предать его насмешливой огласке — тем более что люди и без того, как мне казалось, уже начинали коситься и замечать мои провожания: можно ли было что-то скрыть в небольшом поселке, где все друг у друга на виду?!

Я до сих пор благодарен Ей за то, что Она не сделала ничего такого. Почему? Из снисхождения, продиктованного Ее женским тактом, к моему пылкому мальчишескому увлечению? Из-за бережного отношения к первому горячemu проявлению пробудившегося чувства? Из женского любопытства узнать, что будет с ним дальше? А может быть, потому, что Она еще не слышала тех слов, которыми я так старался выразить свое восторженное к Ней отношение?

Она казалась мне тогда много повидавшей в своей столичной жизни. Но ведь Ей было всего двадцать два, Она была, как я теперь понимаю, совсем юной, и Ее замужество вовсе не означало, что Ей приходилось когда-либо раньше слышать подобные излияния.

Ничего этого я тогда не знал и не хотел задумываться над этим.

Любовь к женщине, эта вечная тема, заслуживает быть может, более обстоятельного повествования, — но сейчас я хочу сказать не только об этом.

Менее чем двухгодичное проживание в Каширине очень сильно сказалось на всей моей дальнейшей судьбе: там я стал охотником. Охотиться я начал еще во время нашей долгой четырехмесячной эвакуации «своими колесами», но там это было от случая к случаю, когда попутно попадались утиные угодья. Сам отец, мобилизованный в армию, но отозванный для проведения эвакуации большого хозяйства и оставшийся по «брони» на новом месте, ни по дороге, ни в Каширине почти не охотился — был занят. Подготовленный охотничьей обстановкой в нашем доме и домах обоих моих дедов, где можно было полистать старые журналы «Охотничий вестник», «Ружейная и псоловая охота», тома Брема, ботанические атласы и определители, а позднее — чтением «Лесной газеты» Виталия Бианки, с получением в мое распоряжение ружей я

полностью отдался охоте. Все, к чему я тянулся с детских лет, приблизилось и стало доступным, стоило лишь выйти за околицу — охота тогда там была очень хорошей. Я жадно поглощал открывшийся мне мир, восторженно переживая новизну самых обычных, казалось бы, событий: заяц-беляк, «стрельнувший» передо мной из кочек сухого болота, кладка кряквы, обнаруженная в брошенном сорочьем гнезде, уточка-чирушка, притворившаяся подранком, удивившая меня от гнезда на берегу, в котором, к моему удивлению, оказалось полтора десятка яиц, в два раза больше, чем у крупной кряквы; забившийся под моей лыжей, напугавший меня тетерев-косач, когда я наехал на его лунку, занесенную ночной порошкой, встреча в сумеречном лесу с волком, который безбоязненно наблюдал за мной со стороны, — все это было для меня новым, встретившимся впервые в жизни, все это вызывало остройшее радостное любопытство и врезалось в память.

Счастье мальчишеской охоты, приобщения к светлому, прекрасному миру природы осветило всю мою дальнейшую жизнь, оно умножилось с годами и наполнило все мое земное существование. С какой страстью я увлекся в Каширине охотой! Я выкраивал каждый день, каждый час, чтобы побродяжить с ружьем. Охота начиналась сразу за

крайними домами заемки. В тех глухих местах — железная дорога находилась в двадцати пяти километрах — тогда не было охотничьего общества, не было билетов и строгих сроков охоты. Моим заочным наставником был дед по отцу, живший в Ульяновске (другой мой дед, живший там же, погиб в «ежовых рука-вицах» тридцать седьмого года). В письмах к нему я «отчитывался» о своих охотах, рисовал схемы, как я шел, где находилась дичь, и т. п.

«Весной никогда не бей никаких мак-ток, — писал он мне, — а глухарок, тетерек — и по осени. Начинай охоту по перву 1 августа, а по зайцу — 15 октября...»

Сам он не открывал сезон в Петров день, как принято было до революции — еще много встречалось нелетных выводков, — и всегда начинал охоту на уток в день именин своей жены, моей бабушки Ольги, 24 июля, а на зайца — 13 октября, в день своих именин, святого великомученика Григория. Я выполнял эти сроки неукоснительно, пока мы не вернулись в свои более «ци-вильные» воронежские края, где не всегда совпадавшее с ними время охотничих сезонов сообщалось областными газетами.

Соблюдение этих правил охотничьего поведения стало моим зароком, я в душе гордился своей выдержанкой, считал это делом своей чести, это утверждало меня в собственных глазах, наполняло чувством ответственности — таким же, как ответственность за выстрел, который никогда не должен был причинять никчемную гибель живого существа.

В то трудное время было туга с боеприпасами. Небольшой запасец черного пороха у отца был, я растягивал его экономной стрельбой, а дробь научился делать сам: сплавляя в кузнецном горне кусочки свинца, плющил слиток в тонкую пластинку, резал ее на «лапшу», протягивал через доску-волочильню, рубил свинцовую проволоку, обкатывал, шлифовал... Дело мешковатое, но дробь получалась отличная, ровная, как черная икра! На загляденье! Во всяком случае я не стал бы стрелять из отцовских довольно дорогих ружей рублеными гвоздями, как это делали иногда мои соседи-мужики Шура Пахарин и Васька Афанасьев.

Мальчишеские интересы и занятия отпали сами собою. Охота словно бы перевела меня на какую-то новую ступень моей взрослости, перешагнув через несколько промежуточных. Но уроки в школе шли своим чередом. После тетеревиного тока или утиной зорьки я успевал в школу — сидел за партой, а перед глазами все еще стояли весенний лес, токущие косачи, прокатывающиеся по воде на растопыренных лапах расписные селезни... Лишь однажды, вернувшись с тока, я решил привлечь перед экзаменом, который начинался часом позднее обычных уроков. Прилег и... проспал его. Но время шло к нашему скромному возвращению домой, под Воронеж, сдать все экзаме-

ны мне все равно было не успеть, а учился я легко и неплохо, и мне в семилетний аттестат выставили годовые оценки.

Отцу было не до меня, дед был далеко. Охоту я постигал самостоятельно. Ничье присутствие не стесняло меня. Да мне никто и не был нужен. После тока я любил побродить по весенному березовому лесу, наполненному косыми лучами утреннего солнца, сверканьем полой воды, отпотевших стволов берез, голосами птиц, бормотаньем все еще продолжавшихся токов, и мою грудь распирала трудно сдерживаемая радость — в ней, как у дикаря, который ничем иным не мог выразить свое чувство, бился крик — крик счастья от любви к окружающему миру и счастья чувствовать себя приютанным этим миром. Но я мнил себя уже умелым охотником — а кому из настоящих охотников придет в голову баззать в лесу? — и это сдерживало меня, я отводил душу, подражая голосам птиц, орал уткой, чуфыкал тетеревом, пересвистывался с птахами. Доносилось сплюснутое жвяканье, ко мне летели селезни. Я видел их в зазеленевшем кружеве березовых ветвей, их пепельные брюшки с прижатыми морковного цвета лапами, белые с исподу крылья, видел, как, сбочив зеленую плюшевую голову, они отыскивали внизу ту, что выманила их из залитых водой тальников. Я не снимал с плеча ружья: влет стрелял еще неважко, а патроны следовало беречь, да не очень этого и хотелось, мне достаточно было того, что одурачил их, к тому же мой пояс уже оттягивал сверкавший синеватой грудью петух...

Мне трудно сейчас сказать, что было сильнее, что глубже вошло тогда в душу — постижение мира охоты или возникшее чувство к моей учительнице. Оба они, эти чувства, очень естественно наложились одно на другое, дополняли друг друга и единились в радости бытия. В моей памяти они слились в одно необыкновенное светлое, никогда до того не посещавшее меня ощущение счастья...

Случайно я узнал, что у Нее, моей учительницы военного дела, 24 мая — день рождения. А в самом конце мая — начале июня сорок четвертого намечался наш отъезд из Каширина. Навсегда, насовсем. Предстояло возвращение в родные края, покинуть которые два года назад нас заставил наступавший фронт. Но как мне не хотелось расставаться с Зауральем, с которым теперь так много было связано!

Мне очень хотелось сделать Ей какой-нибудь подарок. Но что я мог тогда подарить? В эвакуации мы жили «на притыке». Наш «диван», например, представляя собою набитые сеном мешки, на окнах висели марлевые занавески... Даже в сорокаградусные морозы — а доходило и до 52! — я донашивал отцовскую вытертую добела кожаную куртку «на рыбьем меху», выходными брюками у меня были слегка

перешитые дедовы темно-голубые уланские галифе, из которых я попросил не выпарывать красные канты (ведь такие же были и у Нее), гимнастерку мама сшила из перекрашенной в защитный цвет дверной портьеры... Нет, дома ничего подходящего не было. Но не очень-то долго я ломал голову. Я решил, что лучшим подарком будет тетерев-косач. Красавец петух от охотника! Тока шли на убыль, но тетерева кое-где еще боромтали. Ночью я отправился на знакомый ток, откуда не раз приносил добычу.

Но мне не повезло. Ток сместился в сторону опушки. Скоро стало ясно, от чего это произошло. Начало светать, и в поле, примыкавшем к току, затархнул трактор. Тетерева поднялись на деревья, лениво побормотали и снялись, ушли в лес. Решил попробовать взять из-под себя, с подхода. Раза два они срывались с шумом в чапыжнике, но я их в листве не видел. Лес притих, птица загнездилась, весенне свадебное буйство углеглось. Лес перезрел для охоты, я пришел в него с ружьем не вовремя. Березы густо опушились листвой, в зазеленевших тальниках подсохшая земля покрылась мохнатыми червячками опавших сережек. Потерянно бродил я в надежде на случай, а его все не было.

Так я прибрел к Кривому озеру. Из прогревшейся воды, мешаясь с прошлогодней желтой тростой, насточиво лезли стрелы новых тростников, зеленые ножи рогоза. Летом тут вставало на дневку стадо. На краю коровьего тырла виднелись остатки разоренного зимними ветрами шалаша — вероятно, пастух соорудил его здесь от дождя. Истоптанный скотом берег ушел под высокую воду, подошедшую к самому шалашу. Но в нем было сухо. Я подправил сползшее на стенах сено, прилег, привался к комлю березы. День цвел полуденным жарким солнцем, празднично случилось веселыми блестками прибрежное плесо, обрамленное жел-

тыми тростниками. Время дня, не пригодное для охоты. Давно пора было уйти домой, но я не мог смириться с неудачей и, пока находился в лесу, во мне все еще теплилась надежда. Не было сил сказать себе, что подарка, о котором я даже намекнул Ей, не будет. Поздравлять с пустыми руками?

Я поманил уткой. Обширное озеро молчало. Весенняя пора, когда ошалевшие от страсти ухажеры готовы лететь чуть ли не на скрип тележного колеса, прошла, пропревевшие от любовного недуга селезни почувствовали, вероятно, в моих призывах фальшивь. Да и время их утреннего разлета давно кончилось...

Что же делать? Никогда еще, кажется, я не желал так сильно добычи...

За шалашиком легонько всплеснуло, и я увидел на воде утку. Именно утку-кряжу, не селезня. Она попила, удовлетворенно бормотнула и принялась охорашиваться — окатываться водой и перетряхивать перья. Я замер. Сквозной шалашик просвечивал, я был на виду, но утка не обращала на меня никакого внимания. Наверное, она и раньше прилетала сюда, на знакомое ей безопасное плесо, чтобы ополоснуться и попить водицы, и беспечно доверяясь сонному спокойствию озера.

Милостивый дар судьбы? Только — дар ли? И не милость — судьба подставляла мне трудное искушение.

Кряжу торопливо, как мне казалось, продолжала купаться, круговые волнушки от нее покатились к желтым тростникам, пришли на берег к шалашу. Она наслаждалась жизнью. Так могла вести себя утка, прилетевшая с гнездом.

До нее было не более тридцати шагов. Верный выстрел.

Но все во мне протестовало против такого выстрела. Во мне, уверившемся в неколебимости принятых как зарок правил охоты, в которой мне хотелось быть умелым разумным хозяином, а не суеверным послушным прихвостнем ружья, готового бездумно палить во что попало.

А как же день рождения? Мое обещание поздравить? Другого такого случая ведь не представится... Нам скоро уезжать...

И я заставил себя выстрелить.

Утка оказалась легкой, тощеватой, с торчащей грудиной-килем, с полувыребленными на груди перьями. Все-таки, видимо, она прилетела с гнездом...

Нерадостным для меня получился подарок. Но он мог быть радостным для Нее. Она ведь не знала, когда и как стреляют уток.

С того памятного дня рождения моей милой учительницы прошло очень много лет. Пригасло и улеглось пламя так жарко вспыхнувшего моего первого сердечного чувства. Постепенно его заслонили переживания более поздних увлечений. Осталось лишь, как в глубине земли на месте угасшего, но не остывшего кострища, тихое благодарное тепло от бережно воспринятой Ею моей пылкой мальчишеской любви.

Но, несмотря на годы, все более острым и жгучим становится укор совести, позволившей преступить данное самому себе обещание быть Настоящим Охотником и пойти на убийство утки-матери.

Спустя годы, когда я был уже студентом ленинградской «корабелки», я встретил Ее в центре города на улице Бродского. Она шла со спутницей и живо, с «напором» что-то рассказывала ей. Я увидел Ее и задохнулся от неожиданности, от столь поразительно-го оборота судьбы. Она, конечно, тоже не ожидала увидеть меня здесь, так далеко от зауральского Каширина, где мы когда-то расстались, и не узнала меня. С великим удивлением я услышал, что Она написала мне в воронежские края несколько писем. Безответных, потому что они до меня не дошли. Их утинала от меня мама. Сквозь пальцы смотревшая на мое школьное увлечение, мать насторожилась, почувствовав, что оно нашло какой-то отклик у другой стороны: я взросел, разница в годах все более сглаживалась, и кто знает, как все это могло сложиться в дальнейшем? Не сразу, но я простил свою маму: в каких-то ситуациях мамыывают мудрее своих сыновей.

Я получил адрес и приглашение в гости. Она с мужем жила в крохотной комнаташке коммунальной квартиры. Было тесно, душновато и как-то тягостно от явного неудовольствия, с которым Ее муж встретил меня, от запахов общей кухни и повисшей в воздухе неловкости. Муж был в штатском. Возможно, он был наслышан о моих провожаниях Ее в его Станове и теперь настороженно приглядывался: зачем я пришел?

Но, может быть, все было по-другому. Привыкший быть «наверху» при маршале, он получил какую-то свою долю немилости при падении «патрона», демобилизовался после войны, был потрясен происшедшими изменениями и не мог найти себе места в новой жизни. Напомнивший мне опального Меншикова в Березове, нахолившийся, он самоуглубленно помалкивал, когда мы пили чай с сухариками, и говорил об общих безобидных вещах. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение. Мне показалось, что оно сквозило и в их отношениях. Может, их надломил неустроенный быт?

Тем не менее Она пошла меня провожать. Юбка и блузка, обычное одеяние, не шли Ей, простили Ее. Какой не-похожей на других, затурканных семейными заботами учительницей, какой ловкой, веселой и складной выглядела Она в своем военном облачении!

Неловкость в разговоре почему-то не проходила и теперь, когда мы остались одни. А как легко и просто было там, в Каширине, в светлых березовых перелесках по дороге в Ее Станове!

Начала сяться мелкая и холодная, оседавшая на лице и волосах водяной пылью питерская морось.

Больше мы с Ней не встречались.

Рисунки В. Симонова

Красная книга Республики Хакасия: Редкие и исчезающие виды животных. / В. В. Анюшин, И. И. Вишневецкий, А. П. Савченко и др. — Новосибирск: Наука, 2004. — 1000 экз. 302 с.

В настоящем издании представлены сведения о состоянии 128 видов редких и находящихся под угрозой исчезновения животных Республики Хакасия. Описание видов иллюстрируется рисунками, сведения об их распространении сопровождаются точечными картами ареалов. Определен статус угрожаемого состояния видов.

Приложение к Красной книге Красноярского края. Животные. / А. П. Савченко, В. Н. Лопатин, А. Н. Зырянов, М. Н. Смирнов, А. А. Вышегородцев; Отв. ред. А. П. Савченко; 2-е изд.: доп. и перераб.; Красноярск, гос. ун-т. — Красноярск, 2004. — 147 с.: ил. 79

В Приложение к Красной книге Красноярского края внесены виды, нуждающиеся в особом внимании к их состоянию в природной среде. Их включение в Приложение позволяет, не распространяя на них юрисдикцию Красной книги, обратить особое внимание территориальных государственных органов, научной и природоохранной общественности на эти виды как на возможных кандидатов в региональные Красные книги. Настоящее издание — практическая реализация законодательных и правовых инициатив края по сохранению биологического разнообразия. Материалы книги представляют собой наиболее полную сводку сведений о распространении, местах обитания, образе жизни, численности животных, в ней обобщены все ранние и новейшие материалы о состоянии уязвимых видов. Рассматриваются лимитирующие факторы, принятые и необходимые меры охраны.

Куликов И. Ю. Как выжить в экстремальных условиях. Справочник. М.: «Издательский Дом «Дайвер», 2004. — 96 с.

Книга рассказывает о тех нехитрых способах и приемах, которые позволяют человеку — охотнику, рыбаку, туриstu — обезопасить себя, а может быть, и спасти свою жизнь или жизнь других людей в критических ситуациях.

Автор, долгое время служивший в группе военных спасателей на космодроме Байконур, рассказывает, как ориентироваться на местности без компаса, предугадывать изменения погоды, построить временное убежище и развесить костер, добыть пищу и воду подручными средствами, оказать помощь пострадавшим при различных травмах, ожогах, обморожении, укусах ядовитых змей и насекомых.

Рябченков И. Н. Съемка, обработка и выделка шкур зверей. Справочник. — М.: «Издательский Дом Рученькиных», 2004. — 256 с.

Подробно описаны общие способы первичной обработки шкур зверей (съемка, обрядка, обезжиривание, правка, консервация и хранение), общие способы их домашней выделки (отмока, мездрение, обезжиривание, квашение, пиклевание, дубление, жирование и др.), а также частичные особенности съемки, обработки и выделки шкур большинства видов диких и домашних животных России, в том числе и пушных зверей клеточного содержания.

Актриса из погорелого театра

Борис ПЕТРОВ. Рисунки В. Симонова

После трагического конца Ярика все у меня с собаками как-то разладилось. Вирус виновности глубоко поразил душу, подрывая уверенность в своих решениях и поступках. Не складывалось и потому, что какое-то время я пытался решить проблему простейшим путем: приводил взрослых работниц, и ничего из этой затеи не выходило.

Сначала попалась солидная возрастом и поведением немка-курцхаар, уже совершенно сложившаяся и закоренелая... утятница. «Была без радости любви, пришла разлука без печали...» Ее сменил шотландский сеттер, красавец в богатейшей шубе, смирный и покладистый. Однако оказался сэр Гордон красавцем, увы, совершенно бесчутым, только и мог обликом и манерами солидного метрдотеля служить для облагораживания интерьера квартиры... Неохота мне перебирать всех этих временных попутчиков. Наконец я смирился: придется снова начинать от колыбели: брать щенка и растиТЬ себе помощника «по собственному образу и подобию». Опять через общество охотников получил адрес, разыскал хозяина выводка. В кошельке у него коопошились, мягко переваливаясь друг через друга, штуки шесть еще тупорылых, словно из плюша неуклюжих детенышей. Молодая стройная мама, сучка-лаверак, волнившись, мыкалась рядом, цокая когтями по полу, тревожно заглядывала нам в глаза.

— Вот эта — самая бойкая. — Хозяин извлек из корзины одного щенка и держал высоко перед глазами. — Месяц от роду, а уже выделяется: такая проказливая да хитрая! Я ее Змейкой прозвал.

— Змейка так Змейка! Хитрых у меня еще не бывало... — Дома мы сразу переименовали ее в Ласку. Собачка в самом деле оказалась редкостно обаятельной и без преувеличения хит्रой! Появление Ласки в нашей семье совпало с новым поворотом в моей биографии. Так что пришло, поместив писину в рюкзак (а ей уже исполнилось четыре месяца), зашнуровать, оставив наверху голову, и так везти свою лягушку-путешественницу в салоне ТУ-154 аж на Енисей.

Собака в городской квартире — член семьи. Все друг у друга на виду — смеются, ссорятся, всякая попытка ухватить личную выгоду за счет лукавства обижает. Ха! У нас одно время в кухне на стене даже плакатик красовался: «Мама + папа + сынуля = любовь и Ласка!» Но, как выяснилось, сия наглядная агитация действительность сильно приукашивала. У нашей юной подружки сразу определилась черта поведения, как бы заимствованная у кошки, которая, как известно, всегда ходит сама по себе.

Выражение «морды лица» у Ласки смысленое и текуче-переменчивое, улыбаться умела, словно лучезарная голливудская кинозвезда. Причем не только глазами и морща переносье, но всем телом — извивается, мелко топочет, задом виляет... Дар пантомими: цыкнешь за что-нибудь построже — испуганно и униженно съеживается, жалкая, пресмыкающаяся, вся — раскаяние. Но стоит пустить в голосе милостивую нотку, мгновенно вскакивает, освобожденно отряхивается и дурашливо прыгает, будто ничего не случилось. То есть захотелось хозяину

сыграть строгую сценку — пожалуйста, с полным нашим удовольствием. Очень мне интересно, что она на самом деле чувствовала минуту назад? Легко согрешила — легко покаялась или только играла роль?

Еще у нее было заложено в натуре чисто женское стремление всем понравиться, показать, будто каждому рада. Жена в мое отсутствие выводила ее на прогулку и потом рассказывала: соседка проходила мимо и бросила пару ласковых слов, а наша красотка и готова, вся заюлила, увязалась за ней со двора. Жена подождала, позвала, вышла на улицу — та уже перед кем-то новым лебезит. «Вот негодная! Ты куда убежала?» Возвращается неохотно, и такое, рассказывала, у нее на морде выражение подлое, будто говорит: «Да я сама тут тебя искала, вся переволновалась!» Вот ведь, возмущалась, характерец. Ярик был совсем не такой.

Ярик — мужик, и порода другая. Но если взять Мэри — «национальность» та же, а натуры совершенно разные. Очень убедительное было сопоставление. То есть я давно убедился: каждая собака — своеобразная личность, дада. Это как повезет: вам может попасться добродушная или злобная, хитрая или верная, веселая или угрюмая, умница — тупая. И характерами и сознанием собаки наделены, доказано наукой — ее представитель, основатель так называемой этологии Конрад Лорренц даже получил за это Нобелевскую премию. Разумеется, сознание упрощенное, где-то, как мне видится, на уровне ребенка одного-двух лет... Но вот чего точно у них нет, так это морали. Совести. То есть внутренним зако-

ном Создатель одарил только человека. Этим мы и отличаемся от собак. (Кто больше, кто меньше...) Представление, будто у них в психике одни рефлексы да инстинкты, — чушь собачья.

Вот пришли к нам гости, в большой комнате праздничное застолье, шум и буйство искусственных ароматов — разве может Ласка усидеть в своем углу? Но, по мнению жены, «протокол» не позволяет собаке крутиться у званого стола. «На место!» Она послушно удаляется, садится в прихожей и... Ерзом, ерзом вновь незаметно как оказывается в дверях. «На место!» — и вся процедура возобновляется с той же исходной точки. «Я кому говорю, в конце-то концов?! Марш на место!» На этот раз она испуганно шарахается и... через минуту возвращается, волоча в зубах свой матрасик. Пожалуйста, я приказание выполнила, сижу «на месте». Публика так и покатилась от хохота.

— Три-ноль в пользу животного! — сочным баритоном возгласил один из гостей, размахивая фужером над головами сидящих. — Разве допустимо лишать подобную интеллектуалку роскоши человеческого общения? Нехорошо, граждане хозяева. Плюнь на них, собаченция, приблизься! Награждаю... — И он величественным жестом бросил ей пластик колбаски. Зал зааплодировал: «Браво, браво!» Ласка сразу усекла, что на сегодня ей все позволено. Эта кровная англичанка исповедовала чисто русский принцип: если нельзя, но очень хочется, значит можно. Слишком уж умная.

В первое лето я решил отказаться от собственных охотничьих интересов и все усилия подчинить ее обучению. В качестве объекта натаски определились бекасы, классическая в этом отношении дичь. Токующих их можно было услышать весной немало. Правда, только немногие, витая в поднебесьях, издавали знакомое баранье блеяние, а большинство — непривычное нарастающее юзжение, будто пикирует игрушечный реактивный самолетик. Этому сибирскому произношению я особенного значения не придал, а дело повернулось неожиданно.

В окрестностях Красноярска совсем нет пойменных лугов и заливных озер, абсолютно. Местность здесь плоскогорная, берега у Енисея каменистые, тесные. Заливные прежде острова обсохли после сооружения плотины ГЭС. Весь июль я мотался с Лаской на машине, отыскивая местность, где, по моему разумению, можно было ждать встреч с долгоносиками, и все напрасно. Машину загонял, как конягу запалил, все дальше и дальше по разбитым деревенским проселкам. Нашли мы их только к концу августа, почти перед открытием охоты.

В сотне километров от города Енисейский тракт пересекает речку Подъёмку, речка изображает под холмами правого берега эдакий крендель километра в три, и вся излучина представляет болотистое уроцище. Как выясни-

лось, отведенное под пастьбу коров. И первое, что меня страшно обрадовало, — все коровы плохи в траве были истыканы острыми клювами. Я не ошибся, несколько бекасиных колоний вдоль Подъёмки обитали.

Зная пристрастие куликов к растолоченным скотом грязям на краях луж, мы переходили с одного такого места на другое и то там, то здесь сгоняли живоравших утром птиц. Я сразу принимался кружить тут, ободряя Ласку любимым ею словечком: «Ищи, ищи!» И она с удовольствием носилась вокруг, залезала в грязь по брюхо, принюхивалась к водице. Раз, другой, третий, и наконец обратила внимание на один и тот же повторяющийся запах. Это был первый решающий момент.

А когда этот запах становился определенно сильным, исходил откуда-то близко... она приостанавливалась, шевеля разбухшей черно-влажной подушечкой носа, ноздри трепетно вздрагивали, глаза щурились, хвост еле-еле погуливал: поза заинтересованности и настороженности. Получалась, можно так определить, предстойка. Я подхожу ближе, волнуюсь, а ее успокаиваю тихим голосом.

«Чвок!» — сочно чмокает на взлете огромный бекасище. Он совсем близко, но не напуган — привыкли к бродящим буренкам. Свесив длинный клюв-шлагу, вальяжно взмахивает крылами и садится снова шагах в тридцати от нас. Нет, она не погнала, только малость осела и неотрывно следила за полетом птицы. Видела, где бекас опустился, и сразу бросила взгляд на меня: а ты, дескать, заметил? Давай пойдем за ним еще раз.

Видела — это нам не нужно. Моя задача в том и состоит, чтобы научить ее пользоваться не зрением, а носом. Взяв за ошейник, я отвел ее в сторону метров на сто, уселился сам, ее уложил, погладил. Покурил. Тем временем определилось легкое дыхание пробудившегося утреннего движения воздуха. Ага, это нам и нужно. Мы поднялись и пошли в обход по широкой дуге вокруг севшего бекаса, чтобы оказаться супротив ветерка. Вот теперь поработай, подружка. Только не в таком сумасшедшем темпе, тихо, тихо...

Все-таки она его прихватила. Это было по-настоящему красиво. Струйкой запаха ее как бы склестнуло — на полном маxу вдруг извернулась, вплилась носом и взором в какую-то точку впереди и стала медленно тянуть в том направлении, по-цирковому высоко поднимая лапки. Красота... Моя ученица демонстрировала чистую работу верхним чутьем. До стойки, правда, и в этот раз не дошло — бекас был уже пуганый. Но всему свой срок. Главное, теперь она знает нашу дичь, знает чутьем. Поняла, что от нее требуется. И как быстро усвоила! Очень способная ученица, очень. К открытию охоты мы подошли с явными успехами, и можно было без колебаний ехать с ружьем. Правда, в ее поведении появились и такие черточки, которые мне не нрави-

лись. Как бы это точнее выразиться, задатки некоторой самоуверенности, стремления к самостоятельности.

Допустим, бежит, ей захотелось проверить куртину травы на дальнем конце коровьей толоки. Но я считаю, что пока ей там делать нечего, а надо сперва обследовать близкую грязь на берегу. Свистнул — ноль внимания, бежит (раньше бы сразу оглянулась). Приходится действовать в голос: «Назад!» На этот раз заметно дернулась, то есть услыхала и поняла. Но поступает все же по-своему, продолжает бежать к куртине. «Я кому сказал назад?» — вынужденно перехожу на повышенные тона. Остановилась явно нехотя, смотрит и внюхивается туда. «Ко мне!» Знаю, что неприлично руководить собакой в поле громогласными окликами, да что поделаешь? А ведь еще недавно слушалась безупречно.

Талант проявился, а всякое дарование требует к себе уважения, даже снисходительности к мелким недостаткам и причудам. Однако если она станет неуправляемой, грош цена такой работнице. Со «звездной болезнью» надо бороться в самом зачатке и решительно, иначе... Короче, пришло мне для усиления авторитета обзавестись зримыми символами власти — «сипетром и державой» в облике поводка у пояса и прута в руке. Помогло. Но тоже до известного предела.

Вспоминая сейчас те годы, я должен признаться, что во многих поездках и первых охотах с Лаской участвовал еще один персонаж — мой подраставший сын. Дружба у них была какая-то неровная: она любила с ним гулять, играть, но слушалась плохо. Он обижался, и они могли три дня «не разговаривать». Так сложилось, что я натаскивал сразу обоих. Но когда пришло писать рассказ о натаске, то я взял в него сына в паре с... Яриком (переименовав его в Гамика, так как имя Ярик в охотничьей литературе было ужеочно занято). Хотя в пору моего Ярика сынишке было всего два-три года от роду. Пришло перемешать и героев и времена. Почему? Теперь сам понял: трения, которые проявились у меня с Лаской, как-то не соответствовали тому светлому сюжетному замыслу. В рассказе все у нас с сыном и любимым псом должно было сложиться счастливо, в небе могли появляться лишь небольшие временные облака, а завершиться ненасильством были непременно многоцветьем радуги. С Лаской же пришло перенести и ненастья затяжные, даже бури. Не вписывался ее характер в задуманную ради сына мажорную картинку. Правда литературная потребовала пожертвовать правдой реальности.

Итак, наступил праздник открытия осеннего сезона, поехали мы с сыном на Подъёмку и славно постреляли. Ласка не подвела, работала почти зрело, правда горячилась, но я сумел удержать бразды правления в твердых руках. Я еще сыну внушил: «Теперь ты сам

видел, что имел в виду Пришвин, когда писал, что охота на бекасов ближе всех других к искусству. Видел ведь, да?» И он, довольный, усиленно кивал головой, соглашаясь.

Охоту открыли в последнюю субботу августа, через неделю мы снова прикатили на удачное место. Однако... недолго музыка играла: дичи на знако-мом мокром пастище почти не осталось. Собака часто прихватывала запах, пробовала работать, демонстрируя знание роли и свои актерские свойства, но все впrustую. Театр наш, как говорится, погорел. Складывалось впечатление, будто все бекасы в ночь перед нами слетели. Так рано? Я был поражен, никак подобного не ожидал.

Тут придется сделать небольшое пояснение. Оказалось, основную массу длинноклювых на Енисее составляют не бекасы, а так называемые лесные дупели. Видом и размером почти не-различимы, токуют, как бекасы, только голос другой (у них количество рулевых перышек в хвосте иное). А главное отличие — живут на сырьих таежных гарях да еланях и по кромкам болот собираются только перед отлетом. Который у них происходит очень рано. Настоящие бекасы задерживаются дольше, но их просто мало.

Междуд прочим, иногда с небольших оконцев воды в наших угодьях поднимались и серые утицы. Конечно, дичи на покрупнее, но стойки-то нет. Впрочем, я ими не гнался, стрелял, подбирал, и что меня всегда при этом шокировало — Ласка к битым чиркам относилась с гораздо большим пiete-том, нежели к настоящей истинно спортивной дичи. Бекасика брали в траве с каким-то даже преображенческим выражением на морде, еле прихватив передними зубами за отвисшее крыльишко. А как, бывало, выносит чирка! Торжественно вышагивая, словно ей доверили поддерживать шлейф королевской мантии на торжественном выходе.

После удавшихся в самом начале сезона настоящих охот Ласка явно почувствовала себя увереннее, мастером своего дела, и вся ее природная само-надеянность стала проявляться еще откровеннее. Вот она увлеклась чем-то в стороне, а я зову ее и указываю, куда надо идти. Раньше делала вид, что не слышит, теперь отрывается от своего занятия, смотрит — не скрывает, что поняла, однако команды не исполняет. Только бросает искоса взгляды, как бы говоря: «Отстань ты со своими указаниями! Что я, хуже тебя знаю, где надо искать дичь?» А то вдруг ей захочется маленько отдохнуть вопреки моему желанию. Просто отказаться было бы слишком нахально — она принимается «троить» на ходу, вроде бы как повредила лапку. Я вижу, что это уловка, но уличить-то невозможно. А как она садится в машину после охоты! Целый спектакль. Видите ли, ей не хочется лезть в вонючую кабину. Но другой нет.

«Забирайтесь, миледи!» — приглашаю я, распахивая дверцу. Нехотя подходит, с трудом ставит передние лапы

на подножку, а у задних будто бы и сил не осталось, чтобы преодолеть порог. Я же говорил — актерка. «Вас что, не устраивает марка подданного автомобиля? Ждете белого «Мерса» или представительской «Ауди»? А ну хватит комедию ломать!» — сгребаю ее в охапку и — рраз! — вталкиваю в салон. Тут она с ворчанием быстренько укладывается во весь мягкий диван. До дома будет дрыхнуть.

Так еще и в квартире гонор проявляет! Будто нарочно уляжется посреди прохода, все вынуждены через нее перешагивать, сама в сторону не сдвигается. Да еще и порычит легонько: «Вы что, не видите, что я отыхаю?» Вот такая стала животина. Даже обидно порой. Про людей в подобных случаях говорят: «Больно много о себе думает». Но работница, ничего не скажешь, отменная.

На следующий год я решил: собака стала взрослой и вполне рабочей, по всем канонам можно с ней в лес на боровую. В лесу-то все намечавшееся раньше отрицательные качества свое-нравной миледи выступили в полном своем цвету. Все явственнее проявлялось ее настырное стремление доказать свою самодостаточность и далее главенствующую роль в процессе. Ты, мол, что без меня-то можешь? Только бредешь позади. А я отыскиваю, указываю тебе, да еще и подбитых приходится ловить. Стрелять любой дурак способен научиться, другой бы и получше тебя... Обидно. Я стольким ради нее пожертвовал! Не понимает, не ценит. Тут-тут я вспомнил старинное присловье опытных егерей: «Пойнтер работает на хозяина, а сеттер — на себя». Не мною придумано. У Ласки это качество выступило, как под сильным увеличительным стеклом.

А ведь главное — характер не переделаешь. Все проявлялось у нее со щенячьего возраста, со временем только матерело. А теперь... Какая досталась, с такой и живи, с «законной», хоть и все более раздражающей.

Однажды она у меня в лесу вовсе исчезла. Пришлось кричать. Не идет и никак не отзыается. Я начал волноваться: что могло произойти? Волки... Вроде бы в этих местах о них не слышно. Полала в старую заячью петлю? Не дай Бог... Сперва свистел, потом стал орать вовсю, трубил в стволы — все напрасно. Ужаста одна другой страшнее стали лезть в голову. Прошло минут тридцать... Пришлось стрелять — в воздух. После третьего дуплета она явилась — запыхавшаяся, запаленная, язык болтается, ребра ходят, как мехи. Ффуу, слава те, Господи!

Куда она могла убегать и самостоятельно развлекаться столько времени? Скорее всего — рябчики. Эта таежная дичина, такая обычная для сибиряков, становится на охоте с легкой настящим бедствием. Стойку они решительно не признают даже в молодом возрасте. Как раз хуже всего напасть на выводок молодежи: рассыдаются по ближайшим елкам в хвое, далеко не улетают, перепархивают с

дерева на дерево — страшно нервируют собаку, доводя ее до иступления. Вот они, птицы, рядом, словно дразнятся. А взять нельзя. Еще хуже, если сам не удержишься и начнешь палить. Самый простой вариант испортить собаку.

И вот она явилась, повалилась у моих ног, отдыхивалась. Ругать ее — за что? На месте преступления не застал — за то, что пришла сама? А ведь она там охотилась на свой манер. Сам, дескать, виноват, что где-то отстал, а теперь на мне злость вымешает. Нельзя ругать! Все же я не удержался и учинил допрос: «Рябков гоняла? Чего морду-то воротишь, я ведь все знаю. Эх, ты... А еще благородных кровей. Много о себе возомнила! Интеллигентия, понимаешь ли... легавая. Э-эх!»

Ей-Богу, досада разбирала. Вот вроде я и не новичок в собачьих делах, всяких видел, имею понимание. А с этой индивидуалисткой ничего не могу поделать, совсем от рук отбивается. Разве не досадно?

О Ласке, о ее таланте и хитром эгоистичном характере я тоже написал рассказ. Но опять же законы искусства со всей неумолимой логикой продиктовали другой финал. Дело в том, что... нельзя о женщинах писать плохо — всегда мы, мужики, виноваты. Так и о собаках принято писать только с благодарностью — друг человека... И пришлось мне в рассказе взять всю вину на себя — нашу общую ответственность за «братьев меньших». В смысле, что плохо, мол, воспитал, мало из-за бытовых сложностей тренировал, из-за постоянных командировок. Рассказ назывался «Лерка-манерка» и получился неплохим, его теперь даже в некоторых красноярских школах «проходят» на уроках. Однако в реальной жизни с Лаской все сложилось прозаичнее и, в общем, вполне логично для ее характера.

По той самой «женской» своей натуре она по-прежнему держала себя со мной независимой хозяйкой положения и одновременно лебезила, крутила задом, сеяла и веяла перед каждым встречным. Эта неистребимая их потребность всем нравиться и сыграла в ее жизни печальную роль.

Получилось так. Вечером, уже близко к сумеркам, мы возвращались с охоты к палатке. Там простирались обширные лесные покосы, укромные лужайки чередовались с бесконечными лесными кружевами, переходами, пережабинами. Красивая, тихая и пустынная в сентябре местность. Ходишь, как по анфиладе великолепных в осенней расцветке залов; там и здесь дремлют по-темневшие зароды сена, усыпанные первыми золотыми монетками с окрестных берез.

Так вот, мы уже брели к палатке, а недалеко перед станом Ласка заследила, закружилась, принялась увлеченно рыскать по кустам. Я остановился подальше, поджидал ее, а она все рыскала, не бросала. Позвал — не идет. Да еще и куда-то вдаль утянулась, за кусты. «И что за натура настырная, — про-

бормотал я, — ну просто достала ты меня! А! Стан рядом, надоест — сама придешь, устал я с тобой бороться». И зашагал к ночлегу.

Но она не появилась. Ни через полчаса, ни через час. Ни к ночи, когда совсем стемнело. Я несколько раз стрелял, пронзая густившуюся осенюю темень оранжевыми языками пламени. Не идет... Странно. Пришлось забираться в палатку одному, оставив незастегнутым нижний угол дверцы: заявится — вползет. Лежал в темноте и думал: что еще могло приключиться?

И вдруг вспомнил: вроде, когда зашагал к палатке, услыхал... ну, не то чтобы услышал, а померещилось — будто в той стороне за деревьями раздалось приглушенное фырканье автомобильного двигателя. И даже будто бы перед тем дверца слабо хлопнула. Звуки были неуверенные, на краю восприятия, но... А если они действительно были?! Тогда все обретало смысл определенного и очень простого объяснения ситуации.

Вполне вероятно, что там на одной из многочисленных покосных дорожек стояла машина. Возможно, что эти люди здесь чем-то занимались — рва-

ли шиповник или резали грудзи да волнишки. Ласка по их следам и утянулась до машины. Увидев незнакомых, принялась по обычаю улыбаться и вилять, изображая необыкновенную радость встречи. А тече... Собачка необычная, городской породы, время позднее, в лесу смеркается. Наверное, заблудилась, то-то и ластится к незнакомым. А возможно, подумали: «Дорогая собачка-то... А ежели чо, скажем: думали, заблудилась!» Дверца захлопнулась, двигатель фыркнул — прости, Ласка, навсегда. Так оно и произошло, сегодня я ничего не выдумываю. Теперь-то зачем?

Я тогда страшно расстроился. Поиски наутро только подтвердили предположения: свежие следы машины в колее. Какая уж тут охота, быстренько сбрался и уехал. По дороге все думал: «Добилась своего, довольничала... Но как же я буду дома оправдываться перед своими? Все так привыкли к этому милому подлому созданию...»

Печальная получается у нас концовка очерка, да что поделаешь. Я сразу настроился в этот раз ничего не сочинять, описать, как было в жизни. А ее теперь уж не переиграешь.

В. Шишкин — „Охота как желание любви...

Три снежных взрыва — и в морозной сини
Мелькает тройка куропаток белых,
Под ними мартовские розовые ивы,
Над ними солнца золотые стрелы.
Спланировали за грядой ближайшей,
Вводя в охотничье, хмельное искушение,
И сердце начинает биться чаще,
Как реагировать не зная на вторжение.
Не миновать отчаянной разборки,
Кровь взбудораженная рвется вскачь,
Затоковал на солнечном пригорке
Весною разогретый куропат.

Жду не дождусь оттаявшего леса,
Сигнала первых чибисов в полях,
Как утомила снежная завеса,
А в душах озлобление и страх.
Одна надежда на весны рожденье,
Примет прекрасных памятный черед,
И первоцветов нежных откровенье,
И леса шум после зимы невзгод.
И отогретый солнцем муравейник,
И вальдшнепа над просекой полет,
Лист первый, как освобожденный пленник,
Так по весне бывает каждый год.

Охота как желание любви,
Биение жизни страстной на пределе,
Перерожденье духа в новом теле,
Кипене несмирившейся крови.

Решений роковая простота
И крайности смертей, новорождений,
Где память звуков, запахов, цветений,
Естественной природы красота.

Погоня вечная, ни жертва и ни дар,
Взаимосвязи тайной обостренность,
Сближение и страха удаленность,
Движение глаз и молнии удар.

Над плесом гусиные крики,
Гортанная песня весны,
Луны отколовшейся блики
На зеркале водной страны.

Садятся могучие птицы,
Сторожко касаясь земли,
На жизни и смерти границе
Их ангелы уберегли.

Я пью за гусиные крылья,
За тягу к родным берегам,
И чтобы в минуту бессилья
Наш Бог милосерден был к вам.

Как розовые чётки
Рассыпались чёточки,
Их силуэты чётки
На иные ветви,
Дисканта щебетанье,
В заре зимы купанье,
Им отвечал журчанье
Под наледью ручей.
Чешуйки осыпая,
Пирует птичья стая.
Тропинку горностая
Заносит выговей,
Но в жизненном цейтнот
Работе и охоте
От тех чечёток вроде
И на душе теплей.

Рисунок автора

Диксон

Юрий МАСЛОВ

Север Британских островов занимает Шотландия. И хотя ее население составляет лишь десятую часть Соединенного Королевства Великобритании, отважные шотландцы всегда противопоставляли себя остальным британцам. Национальный характер северян оформился, возможно, под влиянием неповторимого своеобразия природного ландшафта страны с ее горами и равнинами, долинами, озерами и холмами. Бессспорно другое: Эдинбург, столица Шотландии, принадлежит к числу красивейших и самых оригинальных городов Европы. Это качество — оригинальность — присуще и изделиям эдинбургских оружейников, наибольшую известность среди которых снискала династия Диксонов. Эдинбург издавна славился своими ружьями. Но для того чтобы марка John Dickson & Son стала оружейным символом города, потребовалось шесть десятилетий.

Полагают, что первый Джон Диксон (1794—1880) самостоятельно начал работать в 1820 г. По крайней мере именно этот год — официальная дата основания фирмы.

Поначалу в мастерской делали оружие, заряжавшееся с дула, — проще говоря, шомполки. Затем начали выпускать казнозарядные ружья по чужим патентам. Первое такое ружье под шпилечные патроны с рычагом отпирания под спусковой скобой отец и сын Диксоны создали в 1859 г. Безусловно, это было продиктовано желанию идти в ногу с лондонской модой, но все же подавляющее большинство стрелков по-прежнему заказывали шомполки с капсюльными замками. До конца 1870-х гг. на свет появились двустволки центрального боя с механизмами Перде, Вестли Ричардса, Хорсли и других английских изобретателей.

В 1875 г. судьба свела семейный tandem с необычным клиентом. Герцог Чарльз Гордон, представитель известной шотландской династии, заказал у Диксонов более 300 ружей! Причем за 30 лет тесного сотрудничества с оружейниками этот эксцентричный аристократ не приобрел в Эдинбурге двух абсолютно одинаковых изделий. Чтобы не потерять такого ценного заказчика, отец и сын были вынуждены постоянно изобретать что-то новое.

В 1879 г. другой эдинбургский оружейник Джеймс Макнотон весьма кста-

Джон Диксон-младший

ти запатентовал оригинальный ударно-спусковой механизм. От замков на боковых досках и механизма В. Энсона и Д. Дили он отличался тем, что был целиком расположен на отделяемой нижней личине. Именно это конструктивное решение взял за основу Диксон-сын (1820—1885) при создании в 1880 г. вводящей системы своего нового ружья, окончательно запатентованного в 1882 г. Этот механизм оружейник назвал «раунд экшн» (Round Action), что означает «округлый». Через пять лет Джон Диксон-внук запатентовал эJECTорЫ, активизируемые при закрывании ружья давлением подушек стволов на нагнетатели в подушках коробки.

Так началась эра современного ружья непревзойденного качества, надежности, изящества и долговечности. Ничего подобного не было и не придумано до сих пор. Система Диксона оказалась простой и эффективной, и это сразу сделало компанию знаменитой. Замки «диксонов» столь надежны, что в Эдинбурге давали на них пожизненную гарантию — ломаться в устройстве попросту нечему.

Одного взгляда на двустволку Диксона достаточно, чтобы понять: перед нами уникальное произведение. Ударно-спусковой механизм «раунд экшн» заключен в коробку округлой формы

«раунд боди» (Round Body), которая плавно переходит в овальную головку ложи. Столь органично вписать мощное устройство в миниатюрную коробку мог только большой мастер.

Округлые очертания «диксонов» очень понравились производителям. Французская «Оружейная мануфактура» в Сент-Этьене (впоследствии «Манюфранс») одной из первых скопировала внешние формы эдинбургского ружья в своей бескурковке «Идеаль», выпущенной в 1884 г. Ныне ружья с окружной коробкой делают десятки фирм как в самой Великобритании, так и в других странах, однако механизм «раунд экшн» — по-прежнему фирменное блюдо лишь шотландских оружейников.

В чем же отличие «раунд экшн» от других систем? Все детали механизма установлены на нижней личине и расположены позади коробки, как и в под-

1. Знаменитая трехстволка Диксона
2. Двустволка Диксона с замками «раунд-экшн» и коробкой «раунд боди»

кладных замках. Опорным элементом правого и левого замков служит центральная вертикальная доска, сделанная как одно целое с личиной. На левой стороне доски крепятся детали левого замка, на правой стороне — правого, то есть она играет роль несущего основания сразу для двух ударных механизмов.

Боевые пружины ружья плоские, но не двуперые, а дугообразные. Своими задними концами они закреплены в пазах личинки, а передними упираются в курки. Связь же между пружинами и курками осуществляется посредством роликов — уникальное решение, не имеющее аналогов в охотничьем оружии, пружины такого же типа, т. е. дугообразные, воздействуют на спусковые рычаги обоих шептал и поводок предохранителя.

Конструкция эжекторного механизма не менее оригинальна. Его детали целиком расположены в теле коробки, а не в цевье, как у других систем. Эжекторы имеют спиральные пружины и приводятся в действие двумя нагнетателями при закрывании ружья, курки же взводятся и поджимают боевые пружины — при открывании. Таким образом, процесс нагнетания боевых пружин и пружин эжекторов функционально разделен.

Британцы всегда славились своими ружьями, но система Диксона — это нечто особенное. Когда конструктор выбирает тип замков, он руководствуется конкретными соображениями, исходя из функциональных особенностей оружия. В одном случае предпочтение отдается быстродействию механизма, в другом — его безупречной надежности, в третьем — обеспечению прочности коробки, в четвертом — легкости регулировки усилия спуска, в пятом — простоте извлечения и т. д. Замки «раунд экшн» объединили в себе положительные качества всех систем, но главное их достоинство — стопроцентная надежность и прочность.

Благодаря коротким вводителям, действующим на курки через вводящие рычаги (в этом и заключалось гениальное техническое воплощение идеи Джеймса Макнотона), подушки коробки ружья Диксона получились короче, чем даже при системе «Энсон и Дили», не говоря уже о колодке с подкладными замками. Поэтому механизм «раунд экшн» наилучшим образом подходил для облегченных ружей. В начале XX в. двустволка Диксона 12-го калибра со стволами длиной 70 см весила всего 2,7 кг. Сейчас вес снизили до 2,5 кг за счет применения более прочных сталей.

Семнадцать лет назад, когда в Эдинбурге возобновился выпуск ружей с округлой коробкой и ударным механизмом «раунд экшн», оружейники попытались улучшить конструкцию столетней давности. Однако, основательно изучив вопрос, пришли к выводу, что

при любом отступлении от первоначальной схемы никакой выгоды получено не будет.

Как видите, концепция двустволки Диксона не менялась более века, но все равно ружье пользуется огромным спросом. Заказчикам, а это люди состоятельные, приходится приезжать в шотландскую столицу не один раз. Но мастеров никто не торопит. Работа по изготовлению штучного оружия сродни сборке часов — детали механизмов подгоняются друг к другу с микронной точностью. Цена ружей соответствующая — одна двустволка при покупке у фирмы стоит 25 тысяч фунтов стерлингов, пара — 55 тысяч. Заказ через магазин, естественно, обойдется дороже.

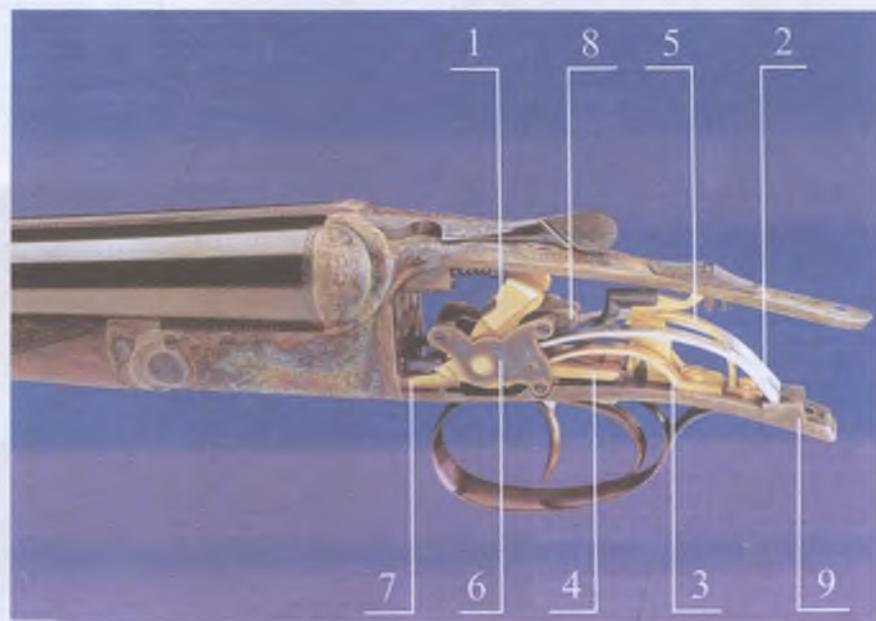
Сегодня ружья с коробкой «раунд боди» и замками «раунд экшн» помещаются во всех рекламных проспектах эдинбургской компании. Попробуйте вспомнить, какая современная продукция рекламируется изображением вещи, созданной более столетия назад? Уверяю вас, не вспомните!

Но если двустволка Диксона — уникum в квадрате, то его трехстволка — уникum в кубе. Не упомянуть об этом шедевре оружейного искусства просто невозможно.

В феврале 1882 г. Джон Диксон-сын и Артур Грехэм Мюррей подали патентную заявку на трехствольное ружье. Его конструкция основывалась все на той же колодке «раунд боди» с механизмом «раунд экшн». Специфика патента на сей раз заключалась в

наличии трех гладких стволов 16-го калибра, лежащих в горизонтальной плоскости. Трудно сказать, почему фирма изготовила только 11 ружей. Возможно, они показались заказчикам чересчур тяжелыми, хотя весили не более 3,2 кг. Тройники выглядели изящно, были прекрасно сбалансированы и отлично приспособлены для стрельбы по птице. Ружья имели правый боковой рычаг отпирания, указатели взведения курков, три замка и три спусковых крючка, каждый из которых работал на свой ствол. Величина дульных сужений возрастала от правого ствола к левому: правый — цилиндр, средний — полукруг, левый — чок.

Последний представитель фамильного клана Диксонов отошел от дел в 1923 г. Как семейное заведение мастерская «Джон Диксон и сын» продержалась до 1936 г., когда была преобразована в общество с ограниченной ответственностью. В 1960-х гг. компания взяла под контроль несколько шотландских фирм: «Томас Мортимер», «Джеймс Макнотон», «Александер Генри», «Алекс Мартин». В настоящее время John Dickson & Son Ltd — ведущая фирма Шотландии. В середине 1980-х гг. компания отремонтировала свои магазины в Эдинбурге и Глазго. Оружейная мастерская находится в столице Шотландии на Фредерик Стрит. В дополнение к ружейному производству компания продает подержанные ружья британских фирм, рыболовные принадлежности, одежду, предметы спортивно-охотничьего обихода.

Замки «раунд экшн» системы Диксона

1 — левый курок; 2 — дугообразная боевая пружина; 3 — дугообразная пружина спускового рычага; 4 — спусковой рычаг; 5 — дугообразная пружина поводка предохранителя; 6 — уздеchка (накладка); 7 — вводящий рычаг; 8 — центральная доска (вертикальное основание); 9 — нижняя личина

Здравствуйте, дорогая редакция! Много лет выписываю ваш журнал, но написать в редакцию решил впервые. Я старый охотник и так же, как ваш журнал, имею большой жизненный и охотничий опыт. Охотиться начал подростком, так как жил, можно сказать, прямо в лесу. Лес стал мне настоящим другом и корыльцем, отцом и наставником, иногда мне казалось, что он разговаривает со мной и даже наказывает.

Однажды по своей детской глупости я поджег в лесу сухую траву и не успел глазом моргнуть, как огонь разбежался в разные стороны, защепил сухостой, а за ним загорелись и маленькие деревца. Я увидел, как во взметнувшемся пламени погибают еще не оперившиеся птенцы тетерева. От страха я побежал домой сломя голову, не разбирая дороги, и тут ветка так ударила меня по лицу, что рассекла кожу. Когда мать увидела это, она с ужасом спросила: «Кто тебя так ударили!» — «Лес!» — ответил я. И это была правда. Шрам остался у меня до сих пор, каждое утро, подходя к умывальнику и видя себя в зеркале, я вспоминаю тот случай. Я хочу дать совет начинающим охотникам любить лес и обращаться с ним бережно, и он будет отвечать вам тем же. Никогда не оставляйте незатушенных костров! Не бросайте консервных банок, бутылок, не засоряйте лес! Дружите с ним, и он вас накормит дичью, грибами, ягодами, диким медом, напоит самой вкусной ключевой водой.

В. БУЗИНОВ,
бывший охотовед Ржевского
района
Тверской обл.

Здравствуйте, уважаемые работники нашего любимого журнала! Пишет вам ведущий программ на «Русском Радио — Бузулук», хотя, конечно, в первую очередь охотник, сын охотника и внук охотника. Скажу сразу: в день, когда приходит ваш журнал, я успеваю прочитать его три раза «без отрыва, так сказать, от производства». Первый — взахлеб, второй — вникая, третий — смакуя. И потом с

неделю беру его в руки в среднем раз в день. Понимаю, что не оригинал, но все же огромное спасибо и низкий поклон за вашу как воздух необходимую нам, охотникам, работу.

Хочу рассказать о своем отце — охотнике от Бога и просто замечательном человеке — Сергеев Петрович Федорове. Сейчас ему 52 года, но на охоте он дает фору абсолютно всем молодым охотникам, включая вашего покорного слугу. Он никогда не курил, а спиртное позволяет себе в исключительных случаях, например на открытии охоты. Охотником он сделал себя сам, всю жизнь живя в природе и участвуя в ней, а сейчас с удовольствием делится своими секретами с молодым поколением. Я еще не встретил ни одного охотника, умевшего лучше отца подманить селезня или лису, и все это, заметьте, без манка. С легкостью он вытрапливает зайца и, как настоящий индеец, один (!) добывает косулю.

В бытность СССР у него было много удачных охот на кабана и лося. Сейчас об этом напоминают лишь многочисленные трофеи на стенах по причине дорогоизны лицензий и малочисленности в нашем регионе вышеупомянутых животных. Надо сказать, что в Российскую Федерацию родители переехали два года назад, а до этого жили в Западном Казахстане, поэтому все памятные охоты связаны со степными просторами и пойменными

лесами Урала-батюшки. Своих первых утки, стрепета, зайца, лису, косулю я добыл тоже окрест нашего самого любимого села Дарьинское.

Отдельно хочу сказать о матери — Людмиле Петровне. Никогда в жизни я не слышал недовольных ноток в ее голосе, когда речь заходила об охоте или рыбальке. Напротив, она всегда одобряла наше семейное увлечение, зачастую оставаясь одна на огромном хозяйстве, помимо того что работала в больнице. А когда приезжаем с добычей или хорошим уловом, сама все взвешивает и обмеряет. И не было случая, чтобы что-то испортилось или выкинулось, и гусей общипывала до синяков на предплечьях и даже моего первого зайца вместе со мной свежевала. Сама заядлая рыбачка, она теперь все чаще бывает с отцом на охоте. Все свои знания и умения передает дочерям и сыновьям (моей супруге Ксении). Жена, будучи человеком городским, именем благодаря матери тоже полюбила рыбальку, и мы все-рьез задумываемся о покупке второго ружья — для нее. А недавно у нас родилась дочка Полина и буквально с молоком матери узнала вкус дичины. Мы постараемся все, чем сами увлечены, передать ей, а потом и другим детям.

Если возможно, опубликуйте это письмо — все мои родные будут нескованно рады.

А. ФЕДОРОВ
г. Бузулук Оренбургской обл.

Фотоконкурс «Охота и природа», 2004 г.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Не первый год с удовольствием и интересом читаю ваш журнал. На этот раз решила принять участие в фотоконкурсе «Охота и природа».

...Когда в доме появилось еще одно ружье, я, честно говоря, особого восторга не проявила. Живем в небольшом городе, лес не близко — не часто получается на охоту выбраться. Но позже поняла, что покупка была не напрасной. Взять на охоту сына было правильным решением со стороны отца. Общение с природой, масса впечатлений, первый меткий выстрел и первый трофей... И невозможно передать словами, запечатлеть фотоаппаратом неописуемые закаты, когда краски на небе меняются каждые несколько минут!

По дороге домой во время грозы молния попала в дерево и разбила его в щепки. Фотоаппарат был с собой, поэтому удалось сделать несколько снимков.

Фотографировали недалеко от оз. Болонь (Амурский район Хабаровского края). Надеемся, наши фотографии вам понравятся. От всей души желаем дальнейшего процветания и долгой жизни вашему изданию.

Елена АЛЕШИНА

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция! Уже давно хотел рассказать на страницах вашего журнала о своем родном городе Павлово Нижегородской области, где я по сей день живу и работаю. В его окрестностях много лесов, рек, озер, где можно охотиться и ловить рыбу. Охотимся мы в основном на утку, зайца, лису, лося, кабана. Летом и осенью наши жители заготавливают дары леса: грибы, ягоды, орехи, различные травы, а также сушат рыбу. Но главное, Павлово — город мастеровой, тем он и славен.

Павлово был основан как крепость (острог) по указу Ивана Грозного в 1566 г. для защиты границ государства Российского. Первоначально это было небольшое военное поселение. Название места связано с тем, что в XVI веке на берегу Оки поселился Павел, организовавший переправу через реку. Так гласит народное предание. Вердикто, оно не беспочвенно, поскольку в царской грамоте новое военное поселение называлось Павлов Острог.

Прошло лет сто, и Павлово превратилось в большое село, жители которого занимались в основном земледелием, пока не случилось одно важное событие, описанное известным русским писателем Владимиром Галактионовичем Короленко в его «Павловских очерках».

«...Давно это было. Задумал как-то черт устроить ад на земле, стало быть на сем свете. Обернулся немецем и подсыпался к графу, который проживал за границей. Что, дескать, у тебя людишки все одною землей занимаются? Устрой да устрой у себя в имении завод. Послушался помещик, сам остался за границей, а немца послал в имение заводы строить. И построил немец первый завод в Павлове на Семеньей горе, железо делать.

Вот живет помещик за границей, получает доход хороший. И вздумалось ему как-то раз проводить свое имение и посмотреть, как работают на заводах. А был он доброй души человек. Вот приехал в Павлов и пришел на завод, как раз в ту пору, когда из сварочной печи вынимали раскаленную «сварку». Глядит помещик: печь пламенем пыщет, так что и подойти невозможно, люди в дыму и копоти, сварка красная вся, трещит, окалиной во все стороны так и брызжет. Подтащили ее крючьями к наковальному, как грохнет по ней стоя-

пудовый молот, как пыхнет от нее пламя да искры... С нами крестная сила! И людишек из-за огня не видно.

Испугался добрый граф... «Подать немца сюда! Не знал я, откуда у меня доходы... Глядь, а немец точно сквозь землю провалился.

Завод уничтожили, горн погасили, да искры из-под заводского горна уже разлетелись кругом с Семеньевской горы по всему Павлову. Застучали в избушках молоты, завизжали пилы, зашипели паяльники...

Итак, практически в каждом павловском доме образовалась кустарная мастерская. Кустари изготавливали любые металлоизделия — от ножа до ружей и пушек. Современные павловские краеведы могут поведать удивительные истории о прежних мастерах и их оружии, которым пользовались даже царские особы. Но постепенно изготовление ружей и пушек отошло к тульским мастерам. В Павлове специализировались на производстве ножей, замков, скобяных изделий и пр.

Кустарные мастерские существовали в Павлове до середины XIX века. С того времени они стали объединяться в артели, а после революции — в заводы. В результате Павлов стал крупным промышленным городом районного значения. До перестройки в нашем городе существовало более десятка металлообрабатывающих заводов. Большинство из них и сегодня функционируют, выживая очень тяжело. Перестройка и реформы, как тот граф из легенды, разрушили промышленность. Высококвалифицированные специалисты остались без работы. Нужно как-то кормиться. И опять в Павлове стали возрождаться кустарные мастерские, преобразуясь в частные предприятия. Специализируются они на изготовлении ножей, кованых архитектурных украшений, подсвечников и т. д.

Одно из таких предприятий ИП «Федотов А. В.» производит кованые ножи для охотников, рыболовов, туристов из стали «Дамаск» в арендуемых цехах Павловского ремонтно-механического завода.

А. ПАНОВ

г. Павлово Нижегородской обл.

Слева направо: 1. Нож «Филейный» (сувенирный образец) на лосином роге. Сталь «Дамаск»; 2. Нож «Тайга». Сталь «Дамаск», ручка — наборная береста; 3. Нож изготовлен на заказ по принципу «мачете», сталь 65Г кованая, ручка — текстолит (накладная); 4. Нож «Сиг». Сталь 65Г кованая, ручка — наборная береста.

Фото А. Федотова

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается!

До 15, а в некоторых районах до 20 июня можно оформить подписку начиная с августа.

Наш индекс 70673 по каталогу Ростпечати

Долина гейзеров

Жизнь рядом с нами

Двадцать шесть лет жизни на Камчатке — еще не причина браться за перо. Но более половины из них я провел в «поле». Последние четыре года работаю госинспектором в Узон-Гейзерном районе Кроноцкого заповедника. За это время накопилось немало личных наблюдений за медведями, множество легенд, забавных и страшных историй о них. Огромное влияние на мое мировоззрение оказал наш земляк В. Николаенко, с которым почастливилось общаться в последние годы его жизни. Это и многое другое, что прошло сквозь мою душу, и является Причиной. Светлой памяти В. Николаенко я посвящаю свой первый рассказ о медведях Долины Гейзеров.

Медведь, глубоко вздохнув, поднимается с лежки и немного медлит. Спокойные предрассветные сумерки несут лишь аппетитные запахи молодой зелени и влажную прохладу снежников. Слух ловит среди привычного птичьего гомона незнакомые подозрительные звуки. И только успокоившись, он справляется нужду и топает из ольхи-чай на ближайшее пастище. Уже через несколько минут молодой хищник с удовольствием поедает сладкие побеги вейника. Он ест быстро, полной пастью срывая пучки травы, не забывая поминутно поднимать голову, чтобы осмотреться. Идет уже четвертая весна его жизни, которая совсем не баловала покоем. Когда они впервые вслед за матерью вышли из берлоги, их было трое. Медведица-мать долго прятала малышей в скальных неудобьях, подальше от других взрослых медведей. Почти не питаясь сама, она вволю кормила молоком свое ненасыщенное потомство. Часами возились медвежата, играя друг с другом и матерью. И каждый день становились все сильнее и проворнее.

Беду не звал никто.

Однажды большой облезлый медведь по следам вышел на полянку, где отдыхала семья. Мать злобно фырнула и бросилась к самцу, малыши горохом покатились в ольхи. Медведица мгновенно оценила силу и агрессивность противника и, сделав устрашающий выпад, развернулась вслед за медвежатами. Она донесла их на краю ольховой куртины и на маxах повела вверх по сыпучему крутым склону к спасительным стенам каньона.

Успеть за матерью — значит выжить. Как же они бежали! Маленькая сестренка на пределе сил, цепляясь за сыпучий шлак, съехала вместе с грунтом вниз, и через несколько безумно длинных секунд ее жалобный крик прервался вместе с жизнью в челюстях Облезлого.

По узкому карнизу медведица поднялась на уступ скалы и остановилась. Здесь, на небольшой площадке, она могла защитить своих детей от любого врага.

Облезлый еще долго бродил неподалеку, часами лежал рядом на склоне, но напастя на узком, в три ладони, уступе не решился. Только через трое суток он ушел вниз на пышно зеленеющие склоны долины.

С той поры страх перед большим медведем прочно поселился в головах малышей.

Ясное, прозрачное утро конца мая.

Выхожу с биноклем на приозерную террасу. Со смотровой площадки оглядываю луг вокруг озерца и далее — склоны Гейзерной, в основном еще покрыты снегом. И на снежниках вижу медвежью семью: мать и два третьяка.

Чуть поодаль на зазеленевшую проталину у гейзера Великан спускается большой светло-бурый самец.

На вейниковом лугу у котла «Красный» усердно стрижет сладкие побеги четырехлетний самец Хулиган. Четвертый год — самый переходный период. Медведь неплохо провел зимовку, но запасы жира оказались без излишка. Поэтому сейчас он угловатый, длинноногий, со свалившейся, сосульками торчащей шерстью, но полный жизненной энергии.

Вот на луг поднимается большой самец, от которого я отвлекся (каждый раз не устаю удивляться скорости медвежьих перемещений), приглядываюсь: в ухе желтая пластиковая метка № 11. Так, явился Шарик, меченный на Кроноцком аэродроме год назад. Крупный медведь зрелого возраста — и потому считающий себя хозяином. Появляя Хулигана, он выходит на открытое место и начинает «танец силы». Набычив голову, на прямых лапах, сильно топая, поворачивается вокруг своей оси на 180°, при этом недовольно стряхивая лапой с носа ненавистный запах конкурента.

Нервы Хулигана не выдерживают, и на втором обороте он, забыв о голоде, удирает с места событий. Однако убегает недалеко — метров на двести, успокаивается и продолжает пасть на краю склона.

Через пятнадцать минут появляется новое действующее лицо. Молодая кругленькая медведица, которую смотритель турбазы ошибочно назвал Толстым. Приходится называть ее с акцентом на женское окончание. Она одного размера с Хулиганом, что наводит на мысль об их родстве. Они уже не живут вместе неотлучно и расстаются надолго. Встретившись, как сейчас, начинают играть с борьбой и догонялками. Оба любопытны и не боятся людей. Сейчас они резвятся метрах в сорока от меня, и это их нисколько не смущает. С удовольствием наблюдают потешный бой мохнатых атлетов. Они, хоть и молодые, а весят уже за сотню килограммов каждый. Во второй июнь жизни мать привела их в Долину. Здесь, рядом с человеческим жильем и вертолетным шумом, она, видимо, чувствовала себя более защищенной от притязаний крупных самцов. Тут медвежата и привыкли к людям. Это место стало их территорией. И теперь, почувствовав силу, они порой могут подразнить отяженевшего в движении старого медведя, подойти к группе людей, с любопытством изучая их внешность и запахи.

Иногда становится не по себе от понимания того, что, взматерев, эти звери так и не будут нас бояться. Слава богу, все не так однозначно. До сих пор в Долине Гейзеров не было случаев неспровоцированной агрессии со стороны медведей. А пока можно наблюдать и пытаться понять механизмы, управляющие этими загадочными великанами.

Вдоволь навозившись, брат и сестра бегом устремляются к водоразделу между рекой Гейзерной и ручьем Водопадным. Самец остается самцом, Хулиган опять в роли преследователя — в этих полудетских играх именно он заводила, хотя при сравнении Толстая выглядит мощнее.

Впереди у этих почти взрослых медведей новый день, и их ждет еще очень много встреч и испытаний.

В. ЗЛОТНИКОВ
Эссо, Камчатка

НА ПРИВАЛЕ

Азарт

Зеленый ЛУАЗик нырял по ухабам лесной дороги, вконец изуродованной лесовозами. За рулем Петр Захарович. Он неистово крутил барабанку то влево, то вправо, то тормозил перед очередной выбойной, то жал педаль газа, ворча на бездорожье. На заднем сиденье Иван Иванович. Машина бросало вверх-вниз, в стороны, и он одной рукой крепко держался за переднее сиденье, а другой поддерживал ружья, то и дело привставая, чтобы не стукнуться головой о крышу кабины.

Настроение у обоих было приподнятое. Еще бы! Сегодня открытие весенней охоты на вальдшнепа. Готовились загодя, как к празднику. Да что говорить, у какого охотника не заколотится сердце, услышав над лесом долгожданное «хор-хор». Надо было засветло выбрать место, «обтолпаться», как говорят охотники, сделать ровную площадку без камней и сучьев.

Проехали большую часть пути. Дорога потянулась в гору, петляя между двумя стенами смешанного леса. Вдруг Петр Захарович резко затормозил.

— Смотри, смотри! — одними глазами показывал он на высокую траву у обочины дороги.

— Где?

— Да вон же, вон!

Метрах в пятнадцати шевельнулась трава, и на дорогу вышла глухарка. Спокойно взглянула на машину и перешла на другую сторону, остановилась.

— Дай ружье! Скорей же, уйдёт! — не отрывая глаз от глухарки, Петр Захарович протягивал правую руку к ружью.

— Не дам! — Иван Иванович тоже смотрел на глухарку, но отодвинулся подальше от протянутой руки.

— Да ты... ты что?! — не понял Петр Захарович. — Уйдет же!

— Не дам! — еще решительнее заявил Иван Иванович и крепче прижал ружьё.

И тут из леса вышел глухарь, повел головой по сторонам, приблизился к глухарке и щегольски прошелся раза два поперек дороги.

— Дай! Скорей же! — сквозь стиснутые зубы прошипел Петр Захарович. Глаза его горели хищным азартом. Казалось, он сейчас сквозь стекло высокочит наружу ипустится руками ловить птицы.

— Сказал нет!!! — как отрезал Иван Иванович.

А глухарь еще раз прошествовал перед «подругой», вытянул шею и, приняв бойцовский вид, решительно направился к машине. В кабине наступила «немая сцена».

Это был красавец! Ярко-красные брови, мощный клюв, борода, воинственная поза. Оперение, издали черное, вблизи отливало на солнце то глянцево-зеленоватым, то синим оттенком. Метрах в семи остановился. Охотникам даже почудилось: «А ну, кто тут еще... Выходи!»

Из машины в полной тишине две пары человеческих глаз буквально «пожирали» эту живую картину.

Сколько это длилось, трудно сказать, но, наверное, недолго. Глухарка отлетела метров на двадцать и села на ветку ели. Снялся и глухарь, подлетел к ней, начал садиться рядышком на сухую ветку, но она под его тяжестью сломалась. Он замахал мощными крыльями и пересел на другой сук. Посидев несколько секунд, птицы одновременно снялись и улетели в старый ельник.

— Вот это да-а! — нарушил затянувшееся молчание Иван Иванович. — А еще глухарь. Таежная птица. А каков красавец!

Он ни разу в жизни не видел так близко живого глухаря в естественной обстановке и был буквально потрясен увиденным. В его сознании даже промелькнула мысль, что, видимо, еще не родился художник, который бы хоть приближенно передал красоту и величие этой птицы.

— Петух, — бросил Петр Захарович.

— Не-е-т, рыцарь! — Иван Иванович не мог скрыть восхищения.

«Роман-тик!» — зло подумал Петр Захарович, включая ключ зажигания. И это, в общем-то, красивое слово в адрес Ивана Ивановича сейчас имело значение самого сильного ругательства.

На охоте у Петра Захаровича настроение было самое скверное, будто ему душу вывернули наизнанку. «Подумаешь, правильный выискался! Закон — тайга, медведь-хозяин. Всегда так жили. Кто бы узнал?! Такая удача сама в руки шла! А на тебе... как обухом по башке!»

Когда он успокоился, на смену злости пришло сначала сомнение, потом появились признаки угрызения совести: «Конечно, не будь его или был бы кто-нибудь другой, ведь сбраконьерил бы?! Запросто! Да еще и радешенек был бы!» И как в оправдание себе: «Ну ведь не сделал же!» Но сколько он ни искал себе оправданий, было стыдно за несдержанность, а может, и за что большее...

Но сейчас Петру Захаровичу больше всего не хотелось встрематься, а тем более смотреть в по-детски радостные глаза Ивана Ивановича. «Припомнит при случае. Обязательно припомнит. И откуда этот чертов петух взялся? Тыфу!»

Поздней осенью вездеход «Урал» с бригадой охотников-люсятников пробирался по труднопроезжей картальной просеке. Делали два загона, но в первом выгнали двух телок-второгодков, а во втором и вовсе оказалась корова с весенним телком. Все надеялись на более крупную добычу. По дороге делились новостями, травили байки. Негромкий разговор иногда сменялся дружным хохотом. Машина остановилась, и из кабины выглянул «капитан» команды: «Ну, вы потише, не на пикник едете. И еще, берем только быка. Ясно?! Мне рога надо, желательно поветвистей». «Быка, быка! — всхлипнул Кобелев. И так быков в лесу не осталось. А коров покрывать я, что ли, буду?!» «Капитан», обидевшись, хлопнул дверцей, и машина медленно пошла на подъем. «Рога ему надо, — не мог успокоиться Кобелев, — сказал бы своей бабе, она бы ему вот какие ветвистые рога навесила!» — вскинул он руки вверх и в стороны.

— Слышали, — начал егерь Фролов, обход которого сейчас проезжали, — на Даниловских дачах в одной куче четыре лосиных шкуры нашли. Разрешили кому не лень карабины, да еще и с оптикой иметь, вот и браконьерят. Скоро в лесу никого не останется.

— Ну, тебе бояться нечего, — вставил «шпильку» Кобелев, — в твоем обходе даже вороньи-то не водятся.

Это было самое большое место егеря. Он вскочил, начал что-то доказывать, спорить, потом плюнул и под общий хохот перешел в конец кузова и демонстративно сел ко всем спиной.

Слева рос молодой сосняк, справа вырубка, и за ней стена хвойного леса. На краю вырубки стояла огромная лиственница с редкими, но толстыми сучьями. Вершина ее оканчивалась горизонтальной кривой ветвью. Вдруг из сосенка один за одним, сбивая снежную пыль с близких веток, громко хлопая крыльями, взлетели три глухаря. Два улетели в сторону леса, а третий сел на вершину лиственницы.

— Смотрите, выводок! — вскочил Фролов — Видели? Все видели! — чуть не прыгал он от счастья, — А ты, а ты... вороньи не водятся! — как можно язвительней передразнил он Кобелева.

— И, правда, — подхватил разговор всегда молчаливый Егоров, — двадцать лет тут хожу, а глухарей не встречал.

Иван Иванович слегка толкнул в бок Петра Захаровича, показал взглядом на сидящего глухаря: «Наши, наверное». Улыбка сползла с лица Петра Захаровича. Он наклонил голову, отвернулся.

Э. РУМЯНЦЕВ
г. Екатеринбург

НА ПРИВАЛЕ

ДЁЖКИН В., САФОНОВ В., УЛИТИН А. Охотниче хо-	
зяйство и Живая Природа России	1
ПЕТУХОВ В. Карелия	4
ТУНДЫКОВ Ю., МАСЛОВ Ю. «Охота — это страсть, от которой умирают в молодости и воскресают в старости» (интервью)	6
ЧЕРНЫШЕВ В. Слово прощания (посвящено Р. В. Дормидонту)	9
СУВОРОВ А. На волка с флагками и вабой	10
ДАНИЛКИН А., ШТИЛЬМАРК Ф. Продолжатель традиции классического охотоведения (к 70-ю М. Н. Смирнова)	13
РУКОВСКИЙ Н. Краснокнижные хищники России	14
САМАРЦЕВ В. Как сделать защитный костюм	17
ТЫЩУК И., ЖИВОТЧЕНКО В. Русский хорь	18
КУЧЕРЕНКО С. Лось	20
Новые транспортные средства	25
СЕЛИВАНОВ В. Наташка легавой: советы профессионала	26
ФИЛАТОВ В. 70 лет с гончими	28
НЕЧАЕВ В. «Идеальное» ружье	30
ШОКАРЕВ Ю. Охотничьи ручицы	32
ЧЕРНЫШЕВ В. Каширинская тетрадь. Утка в подарок	34
ПЕТРОВ Б. Актриса из погорелого театра	38
ШИШКИН В. «Охота как желание любви...»	41
МАСЛОВ Ю. Диксон	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	25, 45
ШИШКИН В. Дятлы	48

На первой странице обложки:

Лебеди — сказочно прекрасное украшение наших водоемов

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:

Гусь-гуменник похож на серого гуся, но клюв у него не розовый, а черный с поперечной оранжевой полосой

Фото О. Елагина

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висяццев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 30.03.2005 г. Подписано к печати 21.04.2005 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 30500 экз. Заказ 3179. Цена 30 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

ДЯТЛЫ

Заканчивая обзор дятловых птиц нашей фауны, не забудем о двух миниатюрных представителях отряда, обитающих на Дальнем Востоке — **большом острокрылом и малом острокрылом дятлах**. Иногда этих птиц выделяют в отдельный род, но чаще сближают с пестрыми дятлами.

Малый острокрылый, или карликовый, дятел размером с воробья, вес около 20 г. Общий тон окраски серовато-бурый, брюшная сторона светлее, с продольными мелкими темными пестринами. Светлые пятна на темной спине и крыльях сливаются в ряд поперечных белых полосок. Единственным украшением самца остаются 2—3 мелких красных пятнышка по бокам задней части темени. Аналогичные перья имеются и у самцов большого острокрылого дятла. Этот вид в целом заметно крупнее своего малого острокрылого собрата. Его окраска более яркая, белые поля на спине и крыльях больше, окружающий фон чернее. Щеки не коричневато-бурые, как у малого острокрылого, а белые с поперечной темной полосой, идущей от глаза к уху. Острокрылых дятлов можно спутать с самкой малого пестрого дятла (самец малого дятла надежно отличается красной шапочкой), но у последней шапочка светлая. Кроме того, большой острокрылый дятел крупнее, а малый острокрылый, лишь немного уступающий размерами малому пестрому, распознается по мелкой поперечной полосатости спины и по коричневатым щекам. Большой острокрылый дятел встречается у нас лишь на юге Дальнего Востока. Большая часть ареала этого вида охватывает Юго-Восточную Азию. Малый острокрылый ограничен в своем распространении Северо-Восточным Китаем, Кореей, Японией. Кроме материковой части Приморья он заселил Сахалин и Южные Курилы. В бассейне Уссури чаще можно встретить большого острокрылого дятла, чем малого острокрылого. Но в целом оба вида немногочисленны на российской территории.

Образ жизни наших острокрылых дятлов довольно сходен. Птицы держатся парами, предпочитая широколиственные или смешанные леса, особенно в поймах рек. К размножению приступают в конце апреля, в мае. Дупла делаются в деревьях с мягкой древесиной, в подгнивших стволиках и боковых ветвях. Брачное поведение изучено недостаточно. Дроби и вокализация тихие. Насиживают оба партнера. Инкубация около 3-х недель, слетки в возрасте 3-х недель. В питании преобладают насекомые (личинки, гусеницы), осенью и зимой дятлы поедают ягоды, семена. Большой частью оседлы. При кочевках малый острокрылый дятел появляется и в антропогенных ландшафтах. Большой острокрылый дятел включен в Красные книги Приморского и Хабаровского краев.

Своебразную форму дятловых птиц представляет собой **вертишайка**. С дятлами ее сближает строение лап (с оборачиваемостью назад наружного пальца), гнездование в дуплах (которые она, в отличие от дятлов, сама не выдалбливает), тип брачного крика (напоминающий крик малого дятла, но более гнусавый и монотонный). Размерами вертишайка не намного крупнее воробья. Окраска серовато-ореховых тонов с муаровым струйчатым рисунком совиного типа. Размытая темная полоса идет через глаз, продольные и диагональные темные полоски расположены на спине. Хвост не опорный, как у дятлов, а закругленный, с 4—5 буроватыми поперечными полосками. Горло желтовато-охристое, с поперечной рябью. Радужина коричневая, клюв и лапы светло-серые. Характерна оборонительная реакция вертишайки. Потревоженная птица распускает крылья, взъерошивает перья, выпячивает шею, шипит, щелкает, высовывает длинный язык. Гнездится парами по вырубкам, гарям в лесной преимущественно зоне от Прибалтики и Карелии до Дальнего Востока и Сахалина. Местами довольно обычная, но в ряде районов редка (Красные книги Белгородской и Нижегородской областей). За дупла конкурирует с мелкими воробышками-дуплогнездниками. В кладке (май — начало июня) обычно 7—10 яиц. Насиживание около 2-х недель. Птенцы слетают в возрасте 3—3,5 недель. Основу питания составляют муравьи или другие насекомые. В зимних условиях не может добывать пищу, как дятлы, поэтому перелетна. Область зимовок — Центральная Африка и Южная Азия.

В. ШИШКИН

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Индекс: 70673 • на полгода. Цена 30 рублей
УССН 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство, 2005, № 6, 1-48.